
189
93936
A 459723
BX
1756
R13

Petrásy Illés meg
halt 1882ᵉⁱ Marczius 9ᵉ

СОБРА́НІЕ

РУ́ССКИХЪ ПРОПОВѢДЕ́Й

издава́емыхъ

ДР. АНДРЕ́ЕМЪ АНДРЕ́ЕВИЧЕМЪ РАДОЛИ́НСКИМЪ (РАДЛИ́НСКИМЪ).

свяще́нникомъ остриго́мскаго архіепи́ско́пства лат. обря́ду, реда́кторомъ зе́мскаго сво́да зако́новъ текста слове́нскаго (словя́цкаго.)

ТОМЪ ПЕ́РВЫЙ.

Съ приложе́ніемъ ру́сской грамма́тики и русско-всеславя́нскаго словаря́.

БУ́ДА.
Въ типогра́фіи Мартина Баго́,
1852.

4930.

Praesens Collectio ss. russicarum concionum, cui titulus: „СОБРАНІЕ РУССКИХЪ ПРОПОВѢДЕЙ“ ceu nihil fidei et moribus, perhibente idipsum constituto per Nos lingvae, in qua scriptae sunt, gnaro Revisore ecclesiastico, contrarium continens: e parte Ordinariatus Archi-Episcopalis Strigoniensis ad typum admittitur. Datum Strigonii in festo S. Joannis Ap. et Ev. Anno Domini 1852.

Joannes Scitovszky,
Archi-Episcopus Strigoniensis.

БЛАЖЕ́ННОЙ ПА́МЯТИ

СВЯТЫ́ХЪ

КИРИ́ЛЛА И МЕѲО́ДІЯ,

СЛАВЯ́НСКИХЪ АПО́СТОЛОВЪ,

посвяща́етъ

Издава́тель.

„Твéрдымъ оу҆мóмъ и҆ благодꙋхновéннымъ оучéнїемъ ѡ҆зарѧ́ мíръ, ꙗ҆́ко пресвѣ́тлыми лꙋча́ми, просвѣти́лъ є҆сѝ вселéннꙋю Кѵрíлле свѧ́те и҆ ꙗ҆́ко мóлнїѧ свѣтѧ́сѧ, разсѣва́лъ є҆сѝ слóво Бóжїе, на сѣ́верѣ, и҆ зáпадѣ и҆ на ю҆́гѣ, тѣ́мъ ꙗ҆́ко и҆мы́й дерзновéнїе ко Христꙋ, не престáй молѧ́сѧ ѡ҆ всѣ́хъ нáсъ.“

(Кондакъ на день 14. феврꙋарїѧ по времечислѣ свѧтой востóчной Цéркви гласъ в҃.)

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Ктобы изъ насъ сомнѣвался въ томъ, что къ главнымъ обязанностямъ лицъ духовнаго званія принадлежитъ проповѣданіе слова Божія, Единороднымъ Сыномъ безначальнаго Отца съ небесъ принесеннаго? По истинѣ, никто. Развѣ не знаемъ мы Священники, что глаголетъ Господь „се дахъ словеса моя во уста твоя, се поставихъ тя днесь надъ языки, и надъ царствы, да искорениши, и разориши, и расточиши, и разрушиши, и паки созиждеши, и насадиши.“ (Іерем. 1, 10.) — Не отзываются ли въ ушахъ нашихъ часто раздающіяся слова Спасителя: „шедше научите вся языки.“ (Маѳ. 28, 19.) — Странны ли увѣщанія великаго учителя народовъ св. Павла глаголющаго къ намъ въ посланіи своемъ къ Тимоѳею сими словами: „Проповѣдуй слово, настой благовременнѣ и безвременнѣ, обличи, запрети, умоли, со всякимъ долготерпѣніемъ и ученіемъ.“ Словомъ: кому не извѣстно, что „Живо бо слово Божіе, и дѣйственно, и острѣйше паче всякаго меча обоюду остра, и проходящее даже до раздѣленія души и духа, членовъ же и мозговъ, и судительно помышленіемъ и мыслемъ сердечнымъ.“ (къ Евр. 4, 12.) — Въ

слѣдствіе сего кто бы изъ насъ не считалъ одною из
главныхъ своихъ обязанностей, это живое слово Божі
возвѣщать всякому народу собственнымъ ему языкомъ?

Чтобы этой важной обязанности лучше и вѣрнѣ
соотвѣтствовать, кромѣ основательнаго знанія богослов-
скихъ наукъ, кромѣ рачительнаго чтенія св. писанія вет-
хаго и новаго завѣта, кромѣ употребленія сочиненій св
отцевъ и учителей церковныхъ, кромѣ знанія прочихъ сю-
да относящихся наукъ, надобно еще пользоваться тво-
реніями извѣстнѣйшихъ Проповѣдниковъ слова Божія. Иб
нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что какъ мірскимъ, так
и церковнымъ витіею никто нероди́тся, но постепенн
образуется и усовершается. А кто не знаетъ, что сі
усовершенствованіе возможно токмо при ознакомленіи с
твореніями славнѣйшихъ, образцовыхъ Проповѣдниковъ
Таковыя образцовыя творенія способствуютъ намъ от
части къ совершеннѣйшему изготовленію собственных
Проповѣдей, отчасти же могутъ быть примѣняемы нам
къ особеннымъ духовнымъ потребностямъ по обстоятель
ствамъ мѣста и времени. Сіе подтверждаетъ св. Августинъ
говоря: „Нѣкоторые умѣютъ хорошо произносить, а не в
состояніи всегда обдумать произносимое. — Ежели тако
вые проповѣдываемое заимствуя у другихъ, на изуст
научатся и народу предложатъ, не дѣлаютъ, погрѣшно.

Сію истину узнали уже многіе мужи извѣстные в
христіанствѣ своею ученостію, и святостію жизни, которы
издавали для этой спасительной цѣли свои церковныя про
повѣди, въ руководство Проповѣдниковъ слова Божія. Н
наиболѣе этимъ требованіямъ удовлетворили тѣ, которы
изъ многихъ различныхъ твореній церковныхъ Проповѣд
никовъ посильно собрали въ одно сочиненіе то, что каза

лось имъ са́мымъ изя́щнѣйшимъ, по примѣ́ру трудолюби́выхъ пчелъ, собира́ющихъ мёдъ изъ ра́зныхъ цвѣто́въ и скла́дывающихъ въ оди́нъ уле́й. По́льзу таковы́хъ собра́ній докя́зывать зна́чило бы: дока́зывать, что со́лнце въ са́мый по́лдень сія́етъ, или́: что кругъ кру́глый.

Въ слѣ́дствіе сихъ соображе́ній приня́лся я за трудъ 1848 го́да издава́ть таково́е Собра́ніе Проповѣде́й на языкѣ́ соплеме́нниковъ мои́хъ, Ве́нгерскихъ Словяко́въ, подъ загла́віем: „Poklady kazateľského rečníctva", кото́рое собра́ніе при покрови́тельствѣ досто́йнѣйшихъ Святи́телей Епархія́льныхъ не то́кмо съ успѣ́хомъ распространи́лось, но да́же удосто́илось пріобрѣ́сть мнѣ всео́бщую довѣ́ренность у Бра́тіи мое́й Слове́нской (Словя́цкой).

Вско́рѣ по́слѣ пе́рваго появле́нія сего́ Собра́нія Проповѣде́и откры́лось жела́ніе, чтобы́ въ по́льзу живу́щей въ Ве́нгріи Ру́сской Бра́тіи прибавля́лись къ помяну́тому Сбо́рнику Про́повѣди нѣ́которыя на ру́сскомъ языкѣ́, и, е́сли возмо́жно, чтобы́ учреди́лся та́кже Церко́вно-Литерату́рный Журна́лъ, въ по́льзу австрі́йскихъ Славя́нъ. Въ намѣ́реніи удовлетвори́ть э́тому жела́нію я то́тчасъ доложи́лъ о семъ высо́кому зе́мскому Намѣ́стничеству, и вмѣ́стѣ испроси́лъ на э́то о соизволе́ніи у Епархія́льнаго Нача́льства. Вско́рѣ Его́ Свѣ́тлость При́масъ Іера́рхіи Ве́нгерской, Іоа́ннъ Сцито́вскій, ми́лостивѣйше изво́лилъ вы́разить мнѣ своё архипа́стырское благослове́ніе на вы́ше упомяну́тое предпрія́тіе въ слѣ́дующемъ письмѣ́:

3485. Reverende Domine!

Quod DVra ad concernentem Jurisdictionem pro indultu edendarum pagellarum periodicarum Ecclesiastico-

literariarum recurrerat, nihil in obversum habeo, imo assensum meum praebeo, non dubitans, quod, ut promittit, spiritu vere catholico memoratas pagellas concinnare, et omnia ea sollicite declinare velit, quibus inconsiderati diversarum proh dolor! etiam ecclesiasticarum pagellarum redactores dissensiones, inimicitias in ipso adeo Clero sufflamare non abhorruerunt.

Caeterum piis ad aram precibus commendatus persisto Viennae die 1-a Decembris 1851.

RDVrae addictus

Joannes A. Eppus.

Между̂ тѣмъ чтобы̂ чрезъ издава́ніе упомяну̂таго Журна́ла не потерпѣ́ло предпріятое мно́ю издава́ніе Проповѣде́и, я, по совѣ́ту мно́гихъ, рѣши́лся въ настоящее вре́мя прекрати́ть изда́ніе Журна́ла, чтобы̂ тѣмъ ре́вностнѣе заня́ться изда́ніемъ ру̂сскихъ Проповѣде́й, такъ въ про́чемъ, чтобы̂ посре́дствомъ ихъ споспѣшествова́ть та́кже и литерату̂рной по́льзѣ Славя́нъ, и таки́мъ о́бразомъ приправля́ть почте́нную Пу̂блику къ чита́нію и разумле́нію о́наго Журна́ла мно́ю издава́ть намѣ́ряемаго.

Пре́жде всего́ чтобы̂ не потеря́ть драгоцѣ́нной для меня́ довѣ́ренности Бра́тіи мое́й Слове́нской (Словя́цкой), поста́вилъ я продолжа́ть изда́ніе слове́нскихъ (словя́цкихъ) Проповѣде́й; пото́мъ чтобы̂ удовлетвори́ть тре́бованіамъ Бра́тіи Ру̂сской, рѣши́лся я та́кже о с о́ б о издава́ть ру̂сскія Про́повѣди, и вмѣ́стѣ чтобы̂ способствовать успѣ́ху литерату̂рному и взаимности Славя́нской, вознамѣ́рилъ я присоедини́ть къ э́тому собра́нію ру̂сскихъ Проповѣде́й сравнительную Грамма́тику по фо́рмамъ всѣхъ славя́нскихъ нарѣ́чій и всео́бщій Слова́рь, содер-

жа́щій въ себѣ́ изъясне́ніе ру́сскихъ словъ, отча́сти или́ совсѣ́мъ неизвѣ́стныхъ въ ины́хъ славя́нскихъ нарѣ́чіяхъ.

Для устране́нія вся́кихъ могу́щихъ возни́кнуть недовѣ́рчивыхъ мнѣ́ній относи́тельно ду́ха издава́емыхъ мно́ю Пропо́вѣде́й на ру́сскомъ языкѣ́, я до́лженъ замѣ́тить, что я намѣ́ренъ помѣща́ть въ изда́ніи то́лько такі́я про́повѣди, въ ко́ихъ соде́ржится уче́ніе о́бщее обѣи́мъ Це́рква́мъ, Восто́чной и За́падной, отню́дь не каса́ясь предме́товъ уче́нія спо́рныхъ.

Таки́мъ о́бразомъ, по моему́ мнѣ́нію издава́емыя мно́ю ру́сскія Про́повѣди послу́жатъ не то́кмо въ по́льзу Свяще́нниковъ, по до́лжности пропо́вѣдываемаго и́ми сло́ва Бо́жія, но вмѣ́стѣ и всѣмъ жела́ющимъ обучи́ться ру́сскому языку́, кото́рый между́ про́чими славя́нскими нарѣ́чіями неповрежде́нно сохрани́лъ свой по́длинный перво-о́бразъ (типъ), бу́дутъ служи́ть поле́зною Христома́тіею для удовлетворе́нія литерату́рной жа́жды къ филоло́гіи славя́нскихъ нарѣ́чій.

Пита́ясь наде́ждою, что моё предпрія́тіе бу́детъ благоскло́нно приня́то почтенѣ́йшею Пу́бликою, и доста́точное число́ подпи́счиковъ поста́витъ меня́ въ состоя́ніе покры́ть мои́ изде́ржки, я ни ма́ло не колеба́лся назна́чить дешёвую подписну́ю цѣ́ну, состоя́щую въ одно́мъ золото́мъ серебр., чтобы́ и ме́нѣе зажи́точные могли́ поддержа́ть моё предпрія́тіе.

Е́жели пе́рвое моё изда́ніе уда́стся, я бу́ду и впредь продолжа́ть о́ное, помѣща́я въ нёмъ та́кже и присыла́емыя мнѣ отъ ре́вностной Бра́тіи хоро́шія Про́повѣди, напи́саныя на настоя́щемъ ру́сскомъ языкѣ́; но прибавля́емый впредь Слова́рь небу́детъ заключа́ть въ себѣ́ словъ находя́щихся въ предвари́тельныхъ тетра́дяхъ.

Въ изъясненномъ мнóю изложéніи пóвода и намѣренія относительно издáнія рýсскихъ Проповѣдéй содéржится отвѣтъ на удивлéнія нѣкоторыхъ въ томъ: что я какъ человѣкъ не Рýсскаго плéмени, и какъ Священникъ латúнскаго обрядa принялся за трудъ издавáть рýсскія Прóповѣди. При семъ я почитáю нýжнымъ представить почтéнной Пýбликѣ однó письмó, въ котóромъ вырáжено такóе удивлéніе:

Wielmożny Panie Dobrodzieju!

Ogłoszenie Pana Dobrodzieja przedpłaty na wydawać się mające kazania ruskie, które Pan Dobrodziéj w Krakowskim dzienniku „Czas" umieścić kazałeś, mile nas przekwapiło w dwójnasób, piérwsze co do materyi i miéjsca, — drugie co do osoby czcigodnego wydawcy. — Wszyscy, którzy tu „Czas" czytamy i których to ogłoszenie szczérże zajmuje, zdziwiliśmy się, jakim sposobem to się dzieje, że kazania ruskie wychodzić mają w Budzinie, i że wydawcą jest nie Rusin bo ksiądz łacińskiego obrządku; zdaje się, że Polak podług nazwiska a przecie w dyjecezyi węgierskiéj — a do tego polski ksiądz jeszcze do tych czas rzadko który się tak nad przesądy krajowe wzbił, aby podjął się czytać, nie dopiéro pisać ruskie dzieła. Jeżeli by Pan Dobrodziéj nie uważał to za natrętność z naszéj strony a za ubliżenie sobie, to prosiémy o łaskawe wyjaśnienie — a może się to w przedmowie do samego dzieła stanie.

Z wysokim szacunkiem
Wgo Pana Dobrodzieja — uniżony sługa
Dr. L. H.

Olsz... dnia 4. Maja 1852.
Ze Złoczowskiego.

По истинѣ я по имени и по происхожденію отъ моихъ прародителей Полякъ, но по рожденію и отечествѣ венгерскій Словякъ, и духомъ Славянинъ въ настоящемъ смыслѣ. — Какъ Словякъ, вѣрный моему роду, усовершился я въ нарѣчіи словенскомъ (словяцкомъ), а какъ настоящій Славянинъ ознакомился я со всѣми славянскими нарѣчіями, преимущественно съ русскимъ языкомъ, въ которомъ я замѣтилъ всю славянскую подлинность, точность, опредѣленность, сжатость и полнозвучность какъ въ самыхъ словахъ, такъ формахъ и слогѣ, чему подобнаго ненашёлъ я въ другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ. А потому могу основательно заключать, что, если надобно Славянамъ приближаться къ единству литературному, это единство возможно токмо при согласномъ стремленіи Славянъ къ одному источнику славянской литературы. Въ слѣдствіе сего предался я преимущественно изученію русскаго языка, въ которомъ нахожу богатую сокровищницу для образованія духа и наслажденія умственной жизни.

Напослѣдокъ каждому, ктобы желалъ, чтобъ эти русскія проповѣди издавались не кирилловскими или русскими, но латинскими буквами, отвѣтствую словами „Сѣверной Пчелы", 66. число с. г.

„Безъ сомнѣнія общій литературный языкъ можетъ служить орудіемъ могущественнымъ и важнымъ къ единству умственной жизни и развитію племенъ, родныхъ по происхожденію, но раздѣленныхъ въ слѣдствіе случайностей историческихъ и отчасти собственнаго равнодушія къ себѣ самымъ. Буква служитъ знакомъ опредѣленнаго звука; съ перемѣною начертанія буквъ родныхъ Славянскихъ, освященныхъ долголѣтнею исторіею и Вѣрою

Православною, на буквы Латинскія, должны были измѣниться и самые звуки. Съ знаками Латинской азбуки соединялись ужё готовые звуки, чуждые уху Славянскому. Съ измѣненіемъ звуковъ, измѣнились свойства самыхъ словъ и вслѣдъ затѣмъ ихъ грамматическихъ измѣненій. Одна перемѣна буквъ измѣняетъ весь характеръ языка. Если въ такой языкъ, на чуждый ладъ искажённый, войдётъ ещё чужая мысль, то, само собою разумѣется, умственная бѣдность и скудость будетъ неминуемымъ послѣдствіемъ въ жизни народной. Чѣмъ древнѣе памятники литературные различныхъ племёнъ Славянскихъ, тѣмъ ближе сходнѣе они между собою. Принятіе Латинской азбуки нѣкоторыми изъ племёнъ Славянскихъ повлекло за собою рѣшительное раздѣленіе нарѣчій, и отдалило ихъ отъ общаго Славянскаго корня.

Принимая вновь Кирилловскую азбуку, западные Славяне сохранятъ въ своихъ нарѣчіяхъ остатки народнаго характера. Измѣненіе буквъ постепенно приведётъ за собою измѣненіе звуковъ, свойствъ каждаго слова и грамматическихъ измѣненій, и сблизитъ ихъ съ тѣми нарѣчіями, которыя постоянно употребляли народныя Кирилловскія буквы. Отъ взаимнаго сближенія нарѣчій ужё недалеко будетъ и до общаго языка литературнаго. Общаго языка выдумать нельзя: онъ образуется и развивается постепенно, исторически. Въ отношеніи къ западнымъ Славянамъ, первымъ и необходимымъ шагомъ къ этой цѣли должна служить замѣна Латинскихъ буквъ прежними Кирилловскими. Но зачѣмъ измѣнять то, что ужё освятила исторія? зачѣмъ въ самой Кирилловской азбукѣ дѣлать измѣненія, какъ Вукъ Караджичъ? Чѣмъ,

латинизи́ровать Кири́лловскую а́збуку, про́ще ужё пря́мо писа́ть Лати́нскими бу́квами?“

Да́лѣе, всѣ э́ти славя́нскія племена́, кото́рыя по́льзуются лати́нскими бу́квами, еще́ досе́лѣ и́щутъ зна́ки на нѣкоторые по́длинно-славя́нскіе го́лосы, кото́рые, по ви́димому, не даю́тся то́чно изрази́ть други́ми, то́кмо кири́лловскими бу́квами. — Объ э́томъ говори́тъ сла́вный Копита́ръ слѣдующее: „Wenn uns der Himmel einen zweiten römischen Kyrill sendete, der jenem ersten griechischen als denkender Römer nachahmend, zu den untadelhaften 20 römischen Buchstaben, uns neue den römischen der Figur nach analoge Buchstaben erfände.“ (Grammatik der Slaw. Sprache in Krain, Kärnthen und Steyermark. Стр. XXI.) Чѣмъ онъ призна́лъ Кири́лловской а́збукѣ преиму́щество. —

Въ э́томъ а́збучномъ отноше́ніи пи́шетъ та́кже вѣчнопа́мятный Добро́вскій, патріа́рхъ славя́нскихъ филоло́говъ: „Soni lingvae Slavicae omnes et singuli neque latinis, neque graecis characteribus exprimi possunt.“ (Instit. lingvae Slavicae dialecti veteris. Introd. §. 1. Стр. 1.) Подо́бно говори́тъ глубо́кій испыта́тель славя́нщины Шафа́рикъ о потре́бности Славя́нской а́збуки: „Ist es einem wärmeren Slawisten gestattet, fromme Wünsche unmaßgeblich auszusprechen, so gestehe ich, daß nach meiner innigen Überzeugung das kyrillische Alphabet sich mehr zu einer Pasigraphie der Slawen eigne, als das lateinische, und daß demnach jenem in dieser Hinsicht der Vorzug gebühre.“ — и ни́же въ примѣча́ніи: „Es ist sonderbar, daß während Groesen das Kyrillische Alphabet zur Bezeichnung der manigfaltigen Laute in den orientalischen Sprachen vorschlägt, und Klaproth in seiner Asia polyglotta zu diesem Zwecke das ж, ш und ч wirklich aufnimmt, einige slaw. Philologen für die slaw. Laute ж, ш

und ч, noch immer Zeichen suchen." (Geschichte der slav. Sprache und Literatur. Стр. 69.) — Крóмѣ того́ вѣчнопáмятный Добрóвскій въ своёмъ сáмомъ знаменитѣйшемъ сочинéніи „Institutiones lingvae Slavicae dialecti veteris," потóмъ Метелько, Даинко и Берличъ въ своихъ граммáтикахъ южнославя́нскихъ, тáкже и Геркель въ своёмъ сочинéніи „Elementa universalis lingvae Slavicae. Budae 1826," вмѣсто рáзныхъ и непостоя́нныхъ сложéній латúнскихъ буквъ употребля́ютъ ж, ш, щ, ц, ч для изражéнія славя́нскихъ гóлосовъ. О чѣмъ одúнъ изъ прóчихъ Берличъ пúшетъ слѣдующее: „Und wozu sollte endlich dieses Alphabet führen? wir werden dadurch das allgemeine lateinische Alphabet durch Einflickung fremdartiger Figuren verunstalten, und dennoch kein National-Alphabet gewinnen. Wie lange werden wir uns doch eigensinnig unser Eigenthum selbst vorenthalten? — Haben wir nicht ein eigenes (cyrillisches) Alphabet?.. Kann mit diesem Alphabet (außer Lateinern und Griechen) in Europa nur eine Schreibart, welcher immer noch so gut ausgebildeten Sprache sie gehören mag, einen Vergleich aushalten?.. Führen nicht beinahe alle im siebenzehnten Jahrhunderte mit lateinischen Lettern zu Rom, Ankona u. s. w. gedruckten Illyrischen Bücher, eine Entschuldigung in der Vorrede, daß sie nnr darum mit lateinischen Buchstaben gedruckt sind, weil keine cyrillischen Typen vorhanden waren? (also nicht aus Neuerungssucht, sondern aus wahrer Noth)" и пр. (Gramm. der Illyr. Sprache. Ofen 1833 Стр. X.) — О употреблéніи Кирúлловской áзбуки и церкóвнаго языкá все тáко сýдитъ учёный Поля́къ Бандткіе (Vorrede zur Grammatik) и извѣстный пóльскій лексикогрáфъ Линде въ предисловíи къ своемý Словарю́. — Наконéцъ утверждáю всѣ э́ти приведённыя

изреченія словами Преосв. Евгенія Јоанновича, православнаго восточной церкви Епископа Карловскаго:

„По моемꙋ и многихъ (Roman St. Kaulfuss: „Die Slawen in den ältesten Zeiten," Berlin, 1842. Seite 91.) мнѣнію вси Славане должни бы были воспріати писмена славенска (Кѵрилова), занѐ сїа совершеннѣйша сꙋть, и характирꙋ азыкѡвъ славенскихъ найпаче сходствꙋютъ; иначе бо, аще вси при своемъ ѡбычаи ѡстанемъ, рѣка россійскаа течетъ силнѡ и обилнѡ, и не можетъ поклонитса потокѡмъ прочихъ Славанъ; а потоцы безъ рѣкѝ что сꙋть, и что естъ тогда славанскаа взаимность?"

Чтобы лучше познакомиться съ старославянскимъ и русскимъ языкомъ, вмѣстѣ съ прочими славянскими нарѣчіями, сообщаю здѣсь слѣдующія грамматическія и лексикальныя сочиненія:

Для старославянскаго языка:

Josephi Dobrowsky Institutiones lingvae slavice dialecti veteris. Vindobonae 1822. — Рꙋководство къ славенстѣй грамматїцѣ, изданo трꙋдомъ Авраама Мразовича. Въ Бꙋдимѣ. 1811. — Formen- und Lautlehre der altslovenischen Sprache, von Fr. Miklosich. Wien, 1850. — Грамматика церковно-славанскагѡ азыка. Сочиненїе Еvгенїа Јѡанновича. Во Вїеннѣ. 1851. — Počátki posvátného jazyka slovanského. Od Václava Hanky. V Praze 1846. — Lexicon lingvae slovenicae veteris dialecti edidit F. Miklosich. Vindobonae 1850.

Для русскаго языка:

Leitfaden zur gründlichen Erlernung der Russischen Sprache in 2. Theilen, sammt Chrestomathie. Von Schmidt. Leipzig 1851. — Lehrgebäude der Russischen Sprache. Von Anton Jaroslaw Puchmayer. Prag. 1818. — Начала русскаго языка. Počátky ruského jazyka, a Chrestomathia, od Václava Hanku. V Praze 1850. — Vollständiges Russisch-Deutsches und Deutsch-Russisches Wörterbuch von Schmidt. Leipzig 1844. — Russische Chrestomathie von Swiatnoj.

Для пóльскаго нарѣчія:

Theoretisch-praktische Grammatik der polnischen Sprache, von Karl Pohl. Breslau 1849. — Vollständiges Taschen-Wörterbuch der polnisch-deutschen und deutsch-polnischen Sprache, von Dr. J. P. Jordan. Leipzig 1845.

Для чéскаго нарѣчія:

Lehrbuch der böhmischen Sprache, von Johann Slav. Tomiček. Prag, 1851. — Deutsch-bömisches und bömisch-deutsches Wörterbuch von Joseph Frenta Šumavský. Prag 1844.

Для словя́цкаго нарѣчія:

Grammatica lingvae slovenicae a Martino Hattala. Schemnicii 1850. — Slovenská mluvnica, vydaná E Prešporku 1852.—Slovár slovenský od Antoňa Bernoláka. 6 tomov. V Budine.

Для илирíйскаго нарѣчія:

Grammatik der Illyrischen Sprache von Berlić. Deutsch-Serbisches Wörterbuch. Belgrad 1847. — Пóлный илирíйскій словáрь, сочинéнный Шу́лекомъ печатáется въ Зáгребѣ.

Для словинскаго нарѣчія:

Kurzer leichtfaßlicher Unterricht in der Slowenischen Sprache, von Anton Janežić. Klagenfurt 1849. — Vollständiges Taschen-Wörterbuch der slowenisch-deutschen und deutsch-slowenischen Sprache, von Anton Janežić. Klagenfurt. 1850.

Дла вендéнско-сéрбскаго нарѣчія въ Лузáціи:

Grammatik der wendisch-serbischen Sprache in der Oberlausitz, von J. P. Jordan. Prag 1841. — Niederlausitz wendisch-deutsches Handwörterbuch und deutsches Wort-Register, J. G. Zwar. Spremberg 1847.

Всѣ э́ти книги мóжно получи́ть или́ чрезъ Венéдика въ Вéнѣ или́ чрезъ Э́дельманна въ Пештѣ книгопродáвцевъ.

Въ Бу́дѣ (Ofen, Fortunagasse 137.) Дня 1 Іюля 1852.

Др. А. А. Радлинскій.

1. СЛО́ВО.

На день св. Кири́лла и Меѳо́дія, Славя́нскихъ Апо́столовъ. *)

„Шє́дшє оу́бо наꙋчи́тє всѧ ꙗзы́ки.“
Маѳ. 28, 19.

Нѣтъ у меня́ словъ, кото́рыми былъ бы я въ состоя́ніи, возлю́бленные мои́ Бра́тья и Сёстры! вы́разить вели́кую ра́дость и весе́ліе, кото́рыя испо́лнили ны́нѣ моё се́рдце, мой духъ. Какъ пріятно мнѣ ви́дѣть васъ ны́нѣ пе́рвый разъ здѣсь богогове́йно со́бранныхъ, — со́бранныхъ для того́, чтобы́ моли́твами и пѣснями почти́ть и освяти́ть сла́вную па́мять высоча́йшихъ по Бо́гѣ Благотвори́телей и пе́рвыхъ Апо́столовъ на́шего наро́да, Кири́лла и Меѳо́дія. — Эти два Богоуго́дника бы́ли тѣ сла́вные му́жи, кото́рые, оставля́я свои́ вы́годы „шли наꙋча́ти всѧ ꙗзы́ки, крєстѧ́щє и́хъ,“ кото́рые пришли́ нѣкогда и къ на́шимъ прароди́телямъ, привели́ ихъ отъ заблужде́нія къ и́стинѣ, отъ тьмы невѣ́рія къ свѣ́ту пра́вой вѣ́ры, отъ вла́сти человѣкоубі́йца и́скони діа́вола къ Бла́го́му Отцу́ и Бо́гу, — кото́рые пе́рвые откры́ли всѣмъ Славя́намъ и во всёмъ бле́скѣ Ева́нгеліе — такъ, что со́лнце вѣ́ры Христіа́нской ужё тогда́ въ 9. столѣ́тіи лучеза́рно сія́ло по всей землѣ́ вели́кой Мора́віи. И́бо, какъ оди́нъ знамени́тый мужъ пи́шетъ: хотя́ давно́ озари́лъ Славя́нъ свѣтъ Христіа́нства, одна́кожъ до́лжны мы созна́ться, что э́то бы́ло то́кмо нѣкое разсвѣта́ніе свѣта ева́нгельскаго: пока́ не наступи́лъ са́мый я́сный день съ прише́ствіемъ двухъ сла́вныхъ свѣти́лъ Кири́лла и Меѳо́дія. Въ честь и па́-

*) Перево́дъ изъ словя́цкаго сочине́нія: **Poklady kazatelského rečnictva I. ročn. 2 sväz.** Стр. 215.

мять сихъ-то великихъ мужей, которыхъ небеса пріяли въ свои жилища и коихъ все Христіанство почитаетъ святыми, собрались вы, верные сыны и дщери св. Церкви и народа нынѣ въ храмъ Божій для благоговѣйнаго празднованія дня, посвященнаго имъ, объязываясь святою вѣрою, оный, какъ для всѣхъ правовѣрныхъ, такъ особенно для всего Славянскаго Христіанства, весьма радостный и знаменитый день, ежегодно святить и въ памяти обновлять. Сладкая память! Когда славянскій Христіанинъ помнитъ: что онъ за тысячу лѣтъ передъ симъ сокрушилъ оковы идолослуженія. Спасительная память! Когда онъ въ чувствѣ глубокой благодарности вспомнитъ о самыхъ большихъ Благотворителяхъ своихъ. И могъ ли бы онъ безъ грѣха забыть тѣхъ мужей, которые наиболѣе потрудились о его спасеніи и просвѣщеніи св. вѣрою? По истинѣ нѣтъ!

Сіе первое установленіе новаго днешняго праздника, возлюбленые Христ.! служитъ мнѣ самымъ лучшимъ случаемъ для познакомленія васъ съ жизнію нашихъ св. Апостоловъ, Кирилла и Меѳодія. По этому описаніе жизни св. Кирилла и Меѳодія относительно дѣятельности ихъ для основанія и распространенія вѣры Христовой между Славянами будетъ составлять предметъ нынѣшней моей рѣчи.

Избранный мною предметъ рѣчи будетъ содержать въ себѣ многое и для многихъ не извѣстное, и есть какъ поучителенъ такъ и приличенъ нынѣшнему празднику. Воззримъ же на этихъ Кидровъ Славянскаго Ливана, этихъ яркихъ и великихъ Свѣтилъ христіанскаго небосклона, на этихъ Сватыхъ, стяжавшихъ себѣ вѣнецъ о народѣ нашемъ, и о Церкви Христовой! Хотя мы имѣемъ еще никакихъ храмовъ, сооруженныхъ въ ихъ честь и славу: по крайней мѣрѣ повѣдаемъ въ нашихъ храмахъ объ ихъ дѣлахъ и славѣ; хотя еще не воздвинуты знаменія изъ мѣди или мрамора въ почтеніе ихъ памяти вкругъ улицъ и иныхъ общественныхъ мѣстъ: дѣлаемъ это хоть въ духѣ и благодарномъ сердцѣ нашемъ. — По-

слѣдуемъ ихъ слáвѣ и бýдемъ проводи́ть нáшу жизнь по вѣрѣ намъ дáнной и сохранéнной.

Внимáйте!

Святы́е Славя́нскіе Апóстолы, Кири́ллъ и Метóдій, бы́ли родны́е брáтья; родили́сь въ начáлѣ девя́таго столѣтія *) въ грéческой импéріи, въ Ѳессалони́кѣ Солýни, глáвномъ гóродѣ Македóніи, отъ роди́телей боя́рскаго рóду. Богобоя́зненный ихъ отéцъ, по и́мени Левъ, былъ оди́нъ изъ воéнныхъ санóвниковъ, пóльзовавшійся вели́кимъ уважéніемъ у самагó импеpáторскаго дворá, имѣ́вшій 7 сыновéй, изъ котóрыхъ Кири́ллъ былъ млáдшій. Такъ какъ въ э́ти временá въ Солýни, какъ вообщé и всей Македóніи и въ бóльшей чáсти Грéціи обитáли Славя́не,*) то славя́нскій язы́къ наравнѣ съ грéческимъ былъ въ употреблéніи, и святы́е нáши Апóстолы искуси́лись въ нёмъ ещé отъ ю́ности. О лѣтахъ св. Меѳóдія лишь тóлько то пóдлинно знáемъ, что онъ отказáвшись отъ попечéній мірски́хъ, вступи́лъ въ монасты́рь, и облечённый свящéнническимъ сáномъ отли́чными спосóбностями и добродѣтелями свои́ми обрати́лъ на себя́ вниманіе самагó Императора такъ, что довóльно скóро эмý предлóженъ былъ и Архіерéйскій санъ, котóраго онъ однáкожъ не согласи́лся приня́ть, остáвшись въ своёмъ уединéніи, и продóлжая упражня́ться въ моли́твахъ, наýкахъ и добродѣтеляхъ христіáнскихъ, занимáясь по временáмъ и жи́вописью, покá Госпóдь не позвáлъ егó вмѣстѣ съ Кири́лломъ къ трýдамъ апóстолскимъ мéжду славя́нскими племенáми.

Что касáется до ю́ношескихъ лѣтъ св. Кири́лла, (э́то и́мя онъ получи́лъ за не дóлго предъ своéю смéр-

*) Жизнопи́сецъ св. Кири́лла на старославя́нскомъ языкѣ, полагáя смерть егó въ 869 годý, прибавля́етъ: что онъ имѣлъ тóкмо 42 лѣтъ отъ рóду. Соглáсно семý Кири́ллъ роди́лся 827 гóда. Годъ рождéнія Меѳóдія не извѣстенъ, лишь то знáемъ: что Меѳóдій былъ стáрше Кири́лла.

**) Theophanes in sua Chronographia ad annum 782. Ed. Paris. 285. — Fallmereyers Geschichte der Halbinsel Morea 1. Th, S. 5. 217.

тію въ Римѣ, вступи́въ въ монасты́рь съ и́менемъ Константи́на) то извѣстно, что ещё зара́нѣе не посѣща́я никаки́хъ школъ, всéю душéю своéю жажда́лъ и́стинной му́дрости христіа́нской. Сія́ вели́кая жа́жда къ духо́вному образова́нію и къ усовершéнію себя́, такъ овладѣла имъ, что поступи́въ въ шко́лы, всѣмъ сéрдцемъ преда́лся нау́камъ, приня́въ себѣ въ образéцъ св. Григо́рія Назіа́нзина, красноречи́ваго витíю, христіа́нскаго стихотво́рца, на́званнаго Богосло́вомъ *). Узна́вшій объ отли́чныхъ дарова́ніяхъ и рéвности къ учéнію Кири́лла, Θеокти́стъ Логоéтъ воспита́тель ю́наго грéческаго Импера́тора, Михаи́ла, пригласи́лъ его́ въ Царьгра́дъ ко двору́ импера́торскому, своéю рéвностію возбужда́лъ и въ Импера́торѣ соревнова́ніе. Здѣсь представи́лся ему́ са́мый лу́чшій слу́чай для образова́нія своего́ ду́ха, и пріобрѣтенія ра́зныхъ свѣдѣній, при чёмъ онъ одна́кожъ не забыва́лъ объ усовершéнствованія своего́ сéрдца въ добродѣтеляхъ христіа́нскихъ. Необыкновéнная учéность, ти́хое, кро́ткое, поведéніе и отмѣнныя добродѣтели, кото́рыми Кири́ллъ постоя́нно отлича́лся, сниска́ли ему́ какъ у ка́ждаго, такъ осо́бенно у Θеокти́ста довѣренность и любо́вь, такъ что э́тотъ царедво́рецъ хотѣлъ его́ жени́ть на своéй ро́дственницѣ, обѣща́я ему́ досто́инства и бога́тства. Но сéрдце Кири́ллово стреми́лось къ ино́му: по э́тому онъ отказа́лся испо́лнить жела́ніе Θеокти́ста, и, посвяти́въ себя́ духо́вному зва́нію, былъ книгохрани́телемъ при хра́мѣ св. Со-

---

*) Какъ полюби́лъ нашъ св. младéнецъ сего́ сла́вняго учи́теля Цéркви; какъ занима́тельны бы́ли ему́ писа́нія его́, узна́ть мо́жно изъ слѣдующей похвалы́, кото́рую написа́лъ онъ въ честь Григо́рія на стѣнѣ своéй ко́мнаты подъ зна́меніемъ св. креста́: „О, Григо́рій! тѣломъ человѣкъ, душéю же а́нгелъ! и́бо ты, бу́дучи тѣломъ человѣкъ, но созерца́лъ какъ а́нгелъ. Уста́ твои́, какъ уста́ Серафи́мовъ, прославля́ютъ Бо́га и цѣлый свѣтъ проповѣда́ніемъ твои́мъ пра́вой вѣры оглаша́ютъ. Пріими́ и́бо и меня́ прибѣга́ющаго къ тебѣ усéрдно, и бу́ди мнѣ Просвѣти́телемъ и Учи́телемъ."

фій. Весьма́ ма́ло вре́мени про́былъ онъ въ сей до́лжности; и́бо имѣ́я всегда́ въ виду́ зва́ніе священническое, и жела́я пригото́вить себя́ къ сему́ найлу́чшимъ о́бразомъ, онъ, удали́вшись изъ Царьгра́да, скрыва́лся полго́да въ монастырѣ́ при бе́регѣ морско́мъ; но когда́ откры́то бы́ло его́ мѣстопребыва́ніе, онъ принужде́нъ былъ возврати́ться, и приня́ть на себя́ до́лжность учи́теля филосо́фіи, кото́рую съ таки́мъ успѣ́хомъ преподава́лъ, что съ ра́зныхъ странъ приходи́ли слу́шать его́ уро́ки, и онъ получи́лъ о́бщее и́мя фило́софа. Богъ же сто́лько благослови́лъ труды́ его́, что Импера́торъ въ ка́ждомъ ва́жномъ дѣлѣ тре́бовалъ его́ совѣта́. Такъ въ кра́ткое вре́мя, по жела́нію Импера́тора, имѣлъ онъ учённый разгово́ръ о почита́ніи св. о́бразовъ съ царьгра́дскимъ патріа́рхомъ Іоа́нномъ, кото́рый за порица́ніе иконопочита́нія былъ све́рженъ съ престо́ла. На 24-омъ году́ о́тъ роду былъ онъ отпра́вленъ отъ Импера́тора вмѣ́стѣ съ сла́внымъ Гео́ргіемъ Асикри́томъ къ Сараци́намъ (Магоме́данамъ), кото́рые призыва́ли царьгра́дскихъ Христіа́нъ для разсужде́нія о вѣ́рѣ, въ кото́ромъ Кири́ллъ такъ же какъ и въ вы́ше упомя́нутомъ, при бо́жіей по́мощи, одержа́лъ побѣ́ду. Сараци́ны, не бу́дучи въ состоя́ніи отмсти́ться ему́, хотѣ́ли отрави́ть его́; но ядъ не повре́дилъ ему́, и́бо Богъ защища́етъ свои́хъ вѣ́рныхъ.

По́слѣ сего́ Кири́ллъ послѣ́довалъ за бра́томъ свои́мъ въ монасты́рь на горѣ́ Оли́мпѣ, гдѣ, сложи́въ до́лжность книгохрани́теля, произведе́нъ въ свяще́нники. Здѣсь о́ба бра́та вмѣ́стѣ пребыва́ли въ моли́твахъ, духо́вномъ размышле́ніи и постѣ́. Но не до́лго по́льзовались они́ симъ прія́тнымъ и святы́мъ уедине́ніемъ; и́бо Импера́торъ отпра́вилъ ихъ для ва́жнаго апо́столскаго труда́ къ Коза́рамъ, обита́вшимъ ме́жду Чёрнымъ и Каспі́йскимъ мо́рями, и проси́вшимъ у Импера́тора учи́телей вѣ́ры христіа́нской, кото́рые бы ихъ надлежа́щимъ о́бразомъ обучи́ли вѣ́рѣ Христо́вой и защища́ли проти́въ Жидо́въ и Сараци́новъ, принужда́вшихъ ихъ къ свое́й вѣ́рѣ. Изъ любви́ къ Бо́гу и бли́жнему ра́достно восприня́ли они́ на себя́

трудъ сей, и отправившись изъ Царьграда, Чёрнымъ моремъ приплыли къ городу Херсону (мѣсту торговому въ Крыту или Тавріи), гдѣ какъ и по всей окрестной землѣ издавна пребывали, кромѣ иныхъ народовъ, Греки и Славяне. Въ знаменитомъ семъ городѣ оба брата опредѣлили пробыть нѣкоторое время, чтобы, обучився козарскому языку, точнѣе исполнять свою должность. Кромѣ сего обучился здѣсь св. Кириллъ жидовскому и сарацинскому языку, и познакомился съ ихъ книгами.

Знаніе славянскаго языка открыло ему доступъ къ сердцамъ Херсонскихъ Славянъ, бывшихъ уже христіанами, и они съ радостію приняли Служителя Божія, говорившаго къ нимъ на собственномъ ихъ языкѣ о великихъ чудесахъ милости и любви Божіей. Здѣсь нашёлъ онъ нѣкоторыя части св. Евангелія и Псалтирь, переведённыя на языкъ славянскій. Приверженность къ вѣрѣ христіанской и слову Божію, которую Кириллъ нашёлъ у сихъ Славянъ, исполнила его особенною любовію къ нимъ, и служила поводомъ къ переводу всего св. писанія на языкъ славянскій. Намѣреваясь отправиться изъ Херсона, онъ побудилъ тамошняго Архіерея къ отисканію мощей св. Климента Папы Римскаго, который былъ Императоромъ Траяномъ въ ссылку сосланъ, и въ ближайшемъ островѣ похоронёнъ. Отыскавшій эти мощи, онъ хранилъ ихъ какъ дражайшее сокровище, имѣя ихъ при себѣ въ пути, пока напослѣдокъ не отдалъ ихъ въ Римѣ. Въ время пребыванія своего въ Херсонѣ св. Кириллъ освободилъ осаждённый городъ отъ угрожавшей опасности. На пути изъ Херсона къ Козарамъ постигъ св. братьевъ плѣнъ у кочующаго тамъ дикаго народа мадьярскаго, изъ котораго однакожъ они избавились и прибыли въ землю Козаровъ. Здѣсь выдержавъ предъ самымъ Каяномъ (Воеводою) нѣсколько преній о вѣрѣ съ Жидами и Сарацинами, обратили къ вѣрѣ христіанской многихъ, даже самаго Каяна, который послѣ сего подъ казнію смерти запретилъ дальнѣйшее разпространеніе жидовства и исламства. Вмѣсто даровъ, предлагаемыхъ имъ княземъ.

они̂ вы̂просили освобождéніе плѣнныхъ Грéковъ, и, оставивъ нѣсколько священниковъ для обдѣлыванія нóво насаждённаго вертогрáда Госпóдня, возвратились въ свою́ роднýю óбласть. — Кири́ллъ остáлся въ Царьгрáдѣ при храмѣ св. апóстоловъ, а Меѳóдій поступи́лъ въ монастырь, извѣстный подъ и́менемъ Поликрона; но óба не преставáли обращáть внимáніе своё на тáмошнихъ Славя́нъ, бы́вшихъ ужё дáвно Христіáнами, но не имѣвшихъ письмéнъ своегó языкá, и не бы́вшихъ ещé со всéмъ очищенными отъ недýговъ язы́ческихъ. По э́тому св. Кири́ллъ сталъ старáться о томъ: чтобы́ Славя́не читáли священописáніе на своёмъ языкѣ. Для сей цѣли 855 гóда состáвилъ онъ славя́нскія письменá на основáніи áзбуки грéческой, нáзваныя по и́мени егó Кири́лловскими. Пóслѣ сегó тóтчасъ приня́лся за перевóдъ нѣкоторыхъ книгъ св. писáнія изъ грéческаго языкá на славя́нскій. Даръ сей съ рáдостію приня́ли Славя́не, слýшая небéсное учéніе на сóбственномъ языкѣ. Переведённыя таки́мъ óбразомъ св. писáніе и богослужéбныя книги въ крáткое врéмя перешли́ отъ Славя́нъ Грéческихъ къ Булгáрскимъ, у кóихъ, проповѣдуя св. Евáнгеліе, брáтья Апóстолы обрати́ли къ вѣрѣ Христóвой безчи́сленно мнóгихъ и дáже сáмаго Короля́ Болгáрскаго, Бори́ша прéжде жестокó преслѣдовавшаго Христіáнъ. *)

*) Обращéніе Булгáрскаго Короля́ Бори́ша къ вѣрѣ Христóвой стáлось слѣдующимъ óбразомъ. Когдá счáстіе во вои́нáхъ отъ врéмени до врéмени бóлѣе оставля́ло егó, онъ со всѣхъ сторóнъ угрожáемый злополýчіями, услы́шалъ прошéнія своéй сестры́, ужё крещéнной о дозволéніи Христіáномъ свобóднаго при́пуска въ зéмлю свою́ и въ дворъ свой. Святы́е Брáтья, пóльзуясь симъ слýчаемъ, пришли́ къ Бори́шу, и пóслѣ тщётнаго увѣщáнія о пріятіи вѣры христіáнской, св. Меѳóдій, проникáя духъ Бори́ша, предстáвилъ емý на карти́нѣ, имъ же сами́мъ напи́санной, изображéніе послѣдняго судá. Поражённый ви́домъ сегó óбраза, и настáвленный св. Меѳóдіемъ Бори́шъ трéбовалъ, чтобы́ егó вѣрѣ христіáнской обучи́ть и кре-

Утѣшительныя слѣдствія сихъ благословéнныхъ трудóвъ св. Брáтьевъ скóро дошли́ до свѣдѣнія праотцевъ нáшихъ въ Вели́кой Морáвіи, надъ котóрою госпóдствовалъ Растисла́въ, инáче Рáстичъ, бы́вшій по свидѣтельству дѣеписáтелей попечи́тельнымъ отцёмъ прéдковъ нáшихъ, и въ слѣдствіе сегó заслужи́вшій себѣ у Славя́нъ вѣчный пáмятникъ. Прáвда, что бы́ли тогдá ужё мнóгіе изъ Славя́нъ-Морáвцевъ крещены́ нѣмéцкими священниками, котóрые — какъ повѣству́ютъ о томъ достовѣрные свидѣтели — ужё мнóго лѣтъ предъ симъ уси́ливались распространи́ть вѣру Христóву мéжду ни́ми, сооружáя, посвящáя хрáмы у нихъ, оснóвывая епи́скопскія мѣстá (Georg Papanek hist. gent. slav. cap. 10.); но при всёмъ э́томъ мáло или́ почти́ ничегó не успѣли, не умѣя съ Славя́нами хорошó обращáться и не знáя ихъ языкá, на котóромъ дóлжны бы́ли обучáть ихъ Христіáнству.. Крóмѣ сегó нарóдъ славя́нскій опасáлся, чтобы́, приня́вши вѣроисповѣданіе Христóво отъ Нѣмцевъ, не лиши́лся своéй вóльности и не подпáлъ ихъ рáбству, — какъ э́то обыкновéнно бывáло въ то врéмя; — также и сомнѣвáлся въ томъ: и́стинно ли то Христіáнство, котóрое Нѣмцы возвѣщáли ему́? И такъ Растислáвъ бы́вшій ужё Христіани́номъ, и убѣди́вшись, что тóкмо вѣра Христóва ведётъ къ врéменному и вѣчному спасéнію, рѣши́лся просвѣти́ть éю весь свой нарóдъ; слы́ша о благословéнномъ успѣхѣ славáнскихъ Учи́телей, отпрáвилъ къ тогдáшнему Грéческому Императору Михаи́лу послóвъ съ прошéніемъ, прислáть ему́ способныхъ и въ языкѣ славя́нскомъ усовершéнныхъ учи́телей, котóрые бы обучи́ли нарóдъ егó въ вѣрѣ и изъясни́ли ему́ писáніе. Въ слѣдствіе сегó ходáтайства отослáлъ Императоръ 863 гóда св. Кири́лла и Меѳóдія съ подáрками и письмóмъ къ Растислáву. Съ вели́кою рáдостію и любóвію при́нятые они́

сти́ть. Для тогó ви́димъ св. Меѳóдія, представленаго на óбразѣ съ табли́цею въ рукáхъ, на котóрой изображёнъ послѣдній судъ.

тóтчасъ нáчали проповѣдывать на нынѣшней землѣ славя́нской; прошли́ всю Вели́кую Морáвію; сокрушáли и́доловъ, благовѣствовáли св. Евáнгеліе на прирóдномъ языкѣ славя́нскомъ, отправля́ли по нёмже обря́ды и богослужéніе, сооружáли хрáмы христіáнскіе, учи́ли читáть и писáть юношество славя́нское, приготовля́ли спосóбныхъ къ священству, слóвомъ: живы́мъ слóвомъ и дóбрымъ примѣромъ приводи́ли всѣхъ отъ тьмы невѣжества къ свѣту христіáнскому отъ пути́ поги́бели на путь спасéнія: „Вó всю зéмлю" — какъ поётъ Псалми́стъ — изы́де вѣщáніе и́хъ, и въ концы́ вселéнныя." (Псал. 18, 5.) И откры́лись по прорóческимъ словáмъ у́ши глухи́хъ, и развязáлся язы́къ нѣмы́хъ. — Вели́кія дѣлá св. нáшихъ Апóстоловъ дошли́ до ушéй Николáя Пáпы, котóрый по сей причи́нѣ 867 гóда пригласи́лъ ихъ въ Римъ. Святы́е Апóстолы нáши, обвинённые зави́дливыми нѣмéцкими епископами въ лжевѣріи, *) но увѣренные въ своéй сóвѣсти, въ своéй неви́нности, внявъ глáсу Пáпы, отпрáвились съ нѣкоторыми свои́ми ученикáми въ путь. Мéжду тѣмъ Пáпа Николáй 867 гóда, дня Ноября́ у́меръ, и дня 24. Декабря́ наслѣдовалъ ему́ Гадріáнъ II, котóрый услы́шавъ о прибы́тіи такъ богобоязненныхъ Брáтьевъ, несу́щихъ собóю мóщи св. Кли́мента, испóлнился вели́кою рáдостію, вы́шелъ за гóродъ съ духовéнствомъ и нарóдомъ имъ на встрѣчу и приня́лъ ихъ со всéю торжéственностію. **) По отдáчѣ мощéй св. Кли́мента въ ру́ки Пáпы, полóженныхъ потóмъ въ храмъ, прéжде ижё въ честь э́того Святи́теля сóзданный, св. брáтья, опровéргнувъ на собóрѣ клеветы́, взнесéнныя проти́въ ихъ нѣмéцкими епископами, и разсказáвъ о бóжіемъ благо-

*) Thomu Archid. Spalat. Salonensis c. 15. Сличи: Adaucti Voglii: Untersuchung über die Einführung der Buchstaben in Böhmen, in Abhandlungen einer Privatgesellschaft. 1. Th. S. 182. — Anonym. de convers. Boivarior. et Carent in Freheri script. rer. Boh. pag. 20. — Найлу́чше то уви́дѣть въ письмáхъ въ то врéмя въ Римъ и изъ Ри́ма пи́санныхъ.

**) Annales Baronii ad annum 867.

словéніи къ ихъ апóстолскимъ трудáмъ, пріобрѣли себѣ такýю благосклóнность Пáпы, что онъ одóбрилъ какъ всѣ прóчіе ихъ труды́, такъ и перевóдъ св. книгъ на славя́нскій язы́къ, и возвёлъ **Меѳóдія** на Архіепископство, **Кири́лла** же на Архіерéйство Морáвіи и Паннóніи. Прóчіе же ихъ ученики́, котóрые съ ни́ми пришли́, произведённы бы́ли въ Священники и Діáконы. Однáко Кири́ллъ бóльше не возврати́лся въ Морáвію, и дáже не приня́лъ архіерéйскаго сáна; но западёнъ болѣзнію, съ дозволéнія Пáпы, подъ и́менемъ Кири́лла вступи́лъ въ Монасты́рь, гдѣ спустя́ 50 дней 869 гóда дня 14. Февраля́ кóнчилъ добродѣтельную свою́ жизнь*) и былъ слáвно похоронёнъ въ храмѣ св. Климента. Здѣсь бы́ло бы у мѣста, л. Хр.! сказáть дóлгую, похвáльную рѣчь, но не достаéтъ намъ врéмени къ тому́, чтобы́ мы могли́ хоть отъ чáсти изъяснить превосхóдныя добродѣтели егó; понесённые вели́кіе труды́ и драгоцѣнныя заслу́ги, окáзанныя имъ, для блáга цéркви, осóбенно же для блáга Славя́нскаго нарóда.

Меѳóдій по смéрти брáта своегó возврати́лся въ Морáвію, гдѣ по оставлéніи королéвскаго престóла несчáстнымъ **Растислáвомъ**, и по воцарéніи **Святопóлка**, нѣмéцкіе епископы, пріобрѣвъ си́лное влія́ніе на дѣлá, преслѣдовали **Славя́нскаго Епи́скопа** такъ, что онъ и́згнанъ былъ въ далéкія стрáны Гермáніи, въ котóрой онъ находи́лся въ ссы́лкѣ въ продолжéніи двухъ съ половиною лѣтъ, покá Пáпа увѣдомившись о семъ чрезъ священника **Хóцела**, не застáвилъ нѣмéцкихъ Еписко-

*) День смéрти Кири́лла вообщé такъ означáютъ, но не такъ годъ; и́бо сей почти́ повсю́ду 868 находи́тся. Но что годъ смéрти Кири́лла не могъ быть 868, а тóкмо слѣдующій 869, доказáтельствомъ есть, что Кири́ллъ и Меѳóдій ужё по вступлéніи на престóлъ Гадрія́на II, Пáпы были въ Ри́мѣ; слѣдовательно тóкмо пóслѣ 24. Декáбря 867 гóда; гдѣ соверши́въ Кири́ллъ дѣлá свои́, занемóгъ прóбылъ мнóгіе дни больны́мъ, 50 дня́ми прéжде смéрти пріялъ Монáшество и у́меръ 14. Февраля́.

новъ отпустить его на волю. Освобождённый изъ плѣнѣнія, Мученикъ божій пребывалъ нѣкоторое время за Дунаемъ въ владѣніи Хоцела, гдѣ съ обычною апостолскою ревностью распространялъ царство Божіе, пока не открылось ему большее поприще дѣятельности по цѣлой Великой Моравіи, которую подчинилъ своему скипетру Святополкъ послѣ удачныхъ войнъ съ Германцами. Меѳодій въ дворѣ его обратилъ къ христіанству и крестилъ даже Боривоя, ческаго князя. Между тѣмъ примѣтивъ, что дни жизни его уже приближаются къ концу, и приготовляясь въ далёкій путь на свою родину, св. Апостолъ постарался о томъ: чтобы любезный нашъ народъ Славянскій имѣлъ полный переводъ св. писанія какъ вётхаго такъ и новаго завѣта.—Безбожные враги его недовольствовались обидами донынѣ причиненными ему; но когда онъ собирался въ путь, оніи снова клеветали на него предъ Папою, Јоанномъ 8, пиша къ нему что Меѳодій не проповѣдуетъ правой вѣры, и что подъ прикрытіемъ славянскаго обряда онъ распространяетъ свой пагубныя заблужденія; къ тому ещё склонили самаго Святополка писать къ Папѣ и обвинять св. Мужа въ распространёніи ложнаго ученія. Оболщённый Папа писалъ сперва 878 года Павлу, Анконитанскому епископу, и запретилъ Меѳодію отправлять св. службу на славянскомъ языкѣ; вторымъ же своимъ писаніемъ, 14. Јюня слѣдующаго года изданнымъ, позвалъ его предъ себя. Пришедъ въ Римъ и изложивъ исповѣданіе вѣры православной, Меѳодій признанъ былъ Папою за невиннаго и правовѣрнаго; кромѣ того получилъ дозволеніе отправлять службу божію въ св. храмахъ на славянскомъ языкѣ; вмѣстѣ же потвержденъ и въ архипастырской власти своей надъ славянскою Церквію (Epist. 247 de anno DCCCLXXX.) Но тѣмъ судьба Меѳодія не улучшилась; ибо новыя непріятности приключились ему со стороны подчиненнаго ему Вихлинга, Нитранскаго епископа, который будучи Нѣмцемъ, и по національной ненависти къ Славянскимъ Свящённикамъ и къ ихъ языку, не токмо не оказывалъ

никакóго послушáнія верхóвному своему́ настоя́телю, но ещé и непристóйно съ нимъ обращáлся. Потому́ не находя́ въ Святополкѣ защи́ты, св. Меѳóдій обрати́лся къ самому́ Пáпѣ. Пáпа утѣши́лъ егó свои́мъ письмóмъ, и позвáлъ егó для покóя въ Римъ, обѣщáя наказáть винóвниковъ. Утѣшенъ былъ э́тимъ Меѳóдій, но состоя́ніе егó не измѣни́лось на лу́чшее. Не мóгши вы́несть несправедли́востей Короля́, отпрáвился онъ, по совѣту Пáпѣ, въ Римъ, и жилъ тамъ дотóлѣ, поки́ Святополкъ не послáлъ къ нему́ свои́хъ послóвъ съ обѣщáніемъ, прекрати́ть вся́кія преслѣдованія, и съ прошéніемъ, возврати́ться въ егó зéмлю.—Пóслѣ э́того трéтьяго ужё, а вмѣстѣ и послѣдняго возвращéнія Меѳóдія изъ Ри́ма, объ апóстолскихъ трудáхъ егó, мы лишь то знáемъ, что ещé 884 гóда, въ день св. Апóстоловъ Петрá и Пáвла въ Бéрнѣ онъ освяти́лъ нóвый храмъ. Апóстолское служéніе Меѳóдіа ужё клони́лось къ концу́. Стáрость и чáстые недýги трéбовали успокоéнія. Чу́вствуя э́то, св. Меѳóдій, какъ вѣрный, дóбрый Пáстырь, прéжде своегó пересéлéнія къ Отцу́ небéсному заблагоразсуди́лъ обозрѣть свою́ духóвную пáству. Когдá свящéнники, собрáвшись къ нему́ для вы́бора преéмника, спроси́ли егó, когó онъ назнáчитъ имъ, св. Меѳóдій, указáвъ на одногó изъ свои́хъ ученикóвъ по и́мени Горазда, сказáлъ: „Сей есть сынъ земли́ вáшей, мужъ вóльный, въ наýкахъ искýсный, да бýдетъ вóля Бóжія и любóвь вáша, да бýдетъ онъ преéмникомъ мои́мъ.“ — Пóслѣ сегó въ Недѣлю Вáій дня 4. Апрѣля 885 гóда, когдá уси́лилась болѣзнь, предвѣстница смéрти, онъ отпрáвился въ храмъ Бóжій, чтобы́ послѣдній разъ соверши́ть величáйшую жéртву, и прости́ться съ свои́мъ люби́мымъ стáдомъ — и, какъ самъ предсказáлъ въ трéтій день рáно т. е. 6 Апрѣля 885 гóда заснýлъ сей вели́кій св. Апóстолъ ти́хою смéртію прáведника, переселя́сь, пóслѣ мнóго трýдной жи́зни своéй, въ оби́тели Отцá небéснаго уготóваныя ему́ Спаси́телемъ.—Егó мóщи бы́ли положённы въ престóльномъ храмѣ Великогрáдскомъ.

Тако́ва, л. Хр.! была́ жизнь на́шихъ св. Апо́столовъ! Вѣра ихъ была́ какъ алма́зъ, какъ въ о́гненной пещи́ искуше́нное зо́лото, добродѣтели же ихъ бы́ли я́снѣе со́лнца. Кто не подиви́тся ихъ глубо́кому смире́нію, ихъ жа́ждѣ къ христ. соверше́нству, а бо́лѣе всего́ къ любви́ и оби́льному ихъ терпѣнію? Сей ста́ршій, Меѳо́дій позыва́емый къ досто́инствамъ, отка́зывается отъ всего́, удаля́ется въ уедине́ніе, что́бы тамъ подвиза́ться подо́бно св. Іоа́нну Крести́телю; мла́дшій Кири́ллъ презрѣлъ свѣтскую сла́ву и пре́лести жи́зни, и посвяти́лъ себя́ на служе́ніе Бо́гу. О́ба то́кмо изъ чи́стой ре́вности къ сла́вѣ Бо́жіей и къ бла́гу бли́жнихъ тружда́ются о спасе́ніи душъ человѣческихъ, о распростране́ніи ца́рства Бо́жія, оставля́я уедине́ніе своё отправля́ются ко Коза́рамъ, Булга́рамъ и Мора́вцамъ, и проповѣдуютъ креще́ніе, покая́ніе и Ева́нгеліе Христо́во. — Никакі́я угнете́нія, никакі́я преслѣдованія, никакі́я непра́вды, да́же ссы́лка не мо́гутъ помути́ть въ ихъ сердца́хъ пла́менной ре́вности о Хри́стѣ. Для того́ св. Це́рковь вѣчно почита́етъ ихъ па́мять *) и ка́ждый и́стинный Христіани́нъ че́ствуетъ ихъ какъ избра́нныхъ бо́жіихъ. Мы же сверхъ сего́ до́лжны ихъ почита́ть какъ благи́хъ Отце́въ и Благотвори́телей на́шихъ; и́бо они́ намъ принесли́ вѣру Христо́ву и вкорени́ли её въ сердца́хъ на́шихъ пра́отцевъ такъ глубо́ко: что суро́вая язы́ческая си́ла не могла́ истреби́ть её въ нихъ. Они́ основа́ли на фунда́ментѣ, сами́мъ Христо́мъ поло́женномъ, Це́рковь Славя́нскую. Показа́ли путь въ небе́сный Іерусали́мъ. Положи́ли уго́льный ка́мень образо́ванности Славя́нъ, и обрати́въ насъ ко Христу́, спасли́ ду́ши на́ши отъ вѣчной поги́бели.

---

*) Сла́вна и свята́я была́ всегда́ у Славя́нъ па́мять св. Кири́лла и Меѳо́дія. День 14. Февраля́ ужё въ Остриго́мскомъ Ева́нгеліи отъ 1056 го́да па́мяти Кири́лла посвяще́нъ обрѣта́емъ. Чехи́ и Мора́вцы изда́вна обои́хъ почита́ли и па́мять ихъ сла́вили, кото́рыхъ какъ оте́чественныхъ Покрови́телей па́мять повсю́ду по Мора́віи отъ да́внихъ вѣко́въ въ 9. день Ма́рта святи́тся.

Познакомились вы, любезные въ Христѣ Братья и Сестры! съ жизнью тѣхъ Святыхъ, которыхъ праздникъ нынѣ мы святимъ; теперь остается мнѣ только молить вашу любовь о томъ: чтобы вы всегда памятовали о тѣхъ благодѣяніяхъ, кои оказались намъ Великими Апостолами нашими, и нынѣ ходатайствующими о насъ предъ Всевышнымъ, а съ другой стороны, чтобы по возможности, вы слѣдовали тѣмъ добродѣтелямъ, коими св. Мужи прославили свою жизнь, и всею душею внимали Евангельскому ученію, ими намъ переданному Молю васъ, Бр. словами св. Павла: „Поминайте наставники ваша иже глаголаша вамъ слово Божіе, ихже взирающе на скончаніе жительства, подражайте вѣрѣ ихъ.“ (Евр. 13, 27.) „Подражатели мнѣ бывайте якоже и азъ Христу.“ (І. Кор. 11, 1.) — Напослѣдокъ, какъ всегда такъ особенно нынѣ отъ глубины нашего сердца возблагодаримъ нашему Отцу небесному, что онъ не оставилъ насъ въ грѣхѣ и вѣчной тьмѣ, и послалъ намъ Единороднаго Сына Своего, наше спасеніе; благодаримъ отъ нашего сердца Сына Божія, который, сошедъ съ небесъ, взялъ на себя подобіе человѣка, чтобы потерянное пріобрѣлъ, и погибшее спасъ; благодаримъ изъ глубины нашего сердца Духа св., который благоизволилъ насъ благодатію своею просвѣтить; благодаримъ нашихъ Славянскихъ св. Апостоловъ, **Кирилла** и **Меѳодія** за всѣ ихъ благодѣянія къ намъ. — „Всемогущій, вѣчный Боже! изволивъ и насъ привести къ вѣрѣ Христіанской чрезъ благословенныхъ Епископовъ и Исповѣдниковъ Твоихъ, Кирилла и Меѳодія: сотвори, молимъ Тебя: чтобы мы святившіе ихъ память, могли получить вѣчную славу чрезъ ихъ заслуги. Чрезъ господа нашего, Јисуса Христа, Сына Твоего, съ Тобою живущаго и царствующаго въ единствѣ съ Богомъ, Духомъ Святымъ, во вѣки вѣковъ“ Аминь.

---

2. СЛО́ВО́.

На Рождество́ Христо́во.

„Съ на́ми Богъ: разумѣ́йте язы́цы и покаряйтеся, я́ко съ на́ми Богъ.“
(Иса. 8. 8. 9.)

Такъ дре́вле ди́вный созерца́тель судéбъ Бóжіихъ призывáлъ нарóды къ повиновéнію опредѣлéніямъ Божéственнымъ. Пророкъ Исáія, предскáзывая гнѣвъ Бóжій, грядýщій на цáрство ассирíйское и израи́льское, въ тóже врéмя предвѣщáлъ ми́лость и покрови́тельство нарóду іудéйскому; предрекáлъ, что дáнное емý обѣтовáніе о рождéніи отъ Дѣвы Емануи́ла непремѣнно испóлнится, и Сей Богъ, избрáвшій Іудéю въ достоя́ніе Себѣ, вѣренъ въ Свои́хъ обѣтовáніяхъ и си́ленъ преодолѣть вся́кое препя́тствіе къ вы́полненію óныхъ.

Такъ и ны́нѣ воспѣвáетъ св. Цéрковь и, прорóческими словáми прославя́я всемогýщество Бóжіе, призывáетъ чадъ свои́хъ къ уповáнію на еди́наго Бóга Вседержи́теля, Влады́ку нéба и земли́.

Гдѣ Богъ являéтъ Своíо си́лу, тамъ всѣ прегрáды изчезáютъ; какъ онъ опредѣлитъ, такъ всё и сбýдется; гдѣ благоволéніе Бóжіе, тамъ все приведётся ко блáгу. „Кто я́ко Богъ ве́лій, я́ко Богъ нашъ? Ты еси́ Богъ творя́й чудеса́ еди́нъ!“ Кто такъ вели́къ и си́ленъ, какъ Богъ нашъ, создáвый вся́ческая? онъ „рече́, и бы́ша, повелѣ́, и созда́шася.“ Кто такъ вели́къ и си́ленъ, какъ Богъ нашъ, „нося́й вся́ческая глаго́ломъ си́лы Своея? Ве́лій Госпо́дь его́ нѣ́сть числа́!“

Вели́къ и си́ленъ Богъ, „нарица́й не су́щая, я́ко су́щая,“ — и кто возмóжетъ противостáть емý?

Той речётъ въ Своёмъ благоволéніи, — и не пребýдутъ ли глагóлы егó? — Обратите благоговѣйный взоръ вашъ на великія дѣлá Бóжіи, предшéствовавшія и послѣдовавшія рождéнію на землѣ Христá Спасителя, — и предъ вáми открóется зерцáло, въ кóемъ свѣтло изображáется, какъ великъ и силенъ Богъ въ дѣлáхъ Своегó благоволéнія!

Богъ, по безпредѣльному благоволéнію Своемý, изрéкъ прародителямъ обѣтовáніе о спасéніи міра чрезъ Одногó изъ потóмковъ ихъ, — и ничтó не моглó, перемѣнить вóли егó, — ни нечéстіе пéрваго міра, ни беззакóнія вторáго міра. Пéрвый міръ онъ, всемогýщій и Правосýдный, омываетъ водáми потóпа, — и святóе сѣмя сохраняéтъ невредимымъ въ ковчегѣ; а среди мрáка вторáгѡ міра онъ, какъ Благíй и Премýдрый, отдѣляéтъ отъ смѣшéнія языкóвъ прáведнаго Авраáма, умножáетъ егó въ нарóдъ, и чýдно промышляéтъ о нёмъ до дня, въ котóрый, по предвѣчному опредѣлéнію, явился на землѣ обѣтовáнный Еммануилъ.

„Дивенъ Богъ во святыхъ Своихъ, Богъ Израилевъ!“ Онъ былъ съ Авраáмомъ, Исаáкомъ и Іáковомъ, дивно промышляя о сихъ прáведникахъ. Сыны Іáкова, устроéніемъ Бóжіимъ, переселились въ зéмлю египетскую, и дóлго жили среди нарóда, омрачéннаго заблуждéніями идолопоклóнства; но, не смѣшиваясь съ нимъ, сохранили своё бытіé и вѣру въ единаго истиннаго Бóга. Богъ возвáлъ изъ Египта сына Своегó, Израиля, — и ничтó не положило прегрáды исполнéнію глагóла Бóжія: ни хитрость мудрецóвъ египетскихъ, ни ожесточéніе Фараóна, ни малодýшіе еврéйскаго нарóда, ни вóда чéрмнаго мóря. Ибо великій Богъ въ знáменіяхъ и чудесáхъ явилъ Своё могýщественное покровителство надъ Еврéями, извéлъ ихъ мышцею Своéго высóкою, и понéсъ ихъ, ꙗкѡ на крилихъ ѡрлихъ“ (Исх. 19, 4). Богъ повéлъ ихъ въ зéмлю обѣтовáнную, — и мóре разступилось и осушилось предъ ними, нéбо давáло имъ пищу, и потéкли для нихъ вóды въ пустыняхъ безвóдныхъ, и

народы побѣгали отъ лица ихъ. Наказалъ ихъ Богъ долговременнымъ странствованіемъ, но въ тоже время не преставалъ дивно питать ихъ манною и путеводствовать столпомъ облачнымъ; даровалъ премудрый законъ въ руководство имъ, и великолѣпную скинію для Богослуженія, и на конецъ привелъ ихъ въ землю, кипящую мёдомъ и млекомъ. Здѣсь даровалъ имъ вождей, судей и царей, и посылалъ къ нимъ сонмы пророковъ, да не забудутъ его, единаго истиннаго Бога, и да не пойдутъ на путь языковъ и идолослуженія. Многократно избранный народъ оскорблялъ Бога, многократно былъ и наказываемъ; много имѣлъ враговъ, и много отъ нихъ терпѣлъ бѣдствій; не разъ подвергался опасности быть разсѣяннымъ среди народовъ языческихъ, и изчезнуть съ лица земли: но Богъ былъ съ нимъ и не премѣнялъ завѣта Своего; отребляя плевелы, хранилъ и очищалъ среди его пшеницу, и блюлъ сѣмя святое, какъ утвержденіе народа и залогъ данныхъ ему обѣтованій.

И вотъ на конецъ обѣтованіе Божіе, данное болѣе, нежели за пять тысячь лѣтъ, въ предопредѣленное время исполнилось точно такъ, какъ было предсказано. Раждается сѣмя жены на сокрушеніе великаго и древняго змія. Дѣва, осѣненіемъ Св. Духа, зачинаетъ и раждаетъ Сына Емануила, что значитъ: „съ нами Богъ.“ Исполнилось пророческое благовѣстіе: „Отроча родися намъ, Сынъ и дадеся намъ, егоже начальство бысть на рамѣ его: и нарицается имя его Чудень, Совѣтникъ, Богъ крѣпкій, Князь мира, Отецъ будущагω вѣка.“ (Ис. 9, 6.) „Велія благочестія тайна „Богъ явися во плоти! Съ нами Богъ: разумѣйте языцы, и покарайтеся, яко съ нами Богъ!“

Такъ „Богъ нашъ на земли явися, и съ человѣки поживе.“ (Варух. 3, 36. 38). — Но чему уподоблялась въ началѣ Христова Церковъ, состоявшая изъ немногихъ членовъ? Самъ Спаситель уподоблялъ её зерну горчичному, малой закваскѣ, брошенной въ „самѣхъ трехъ“ муки, малому стаду. А между тѣмъ ещё Аврааму обѣщано

было: „и҆ благословѧ́тсѧ ѿ тебѐ всѧ̀ племена̀ зємна̑ѧ“ (Быт. 12. 3.). Пророкъ Исаія возвѣстилъ опредѣленіе Вѣчнаго о Спасителѣ міра: „се̑ да́хъ тѧ̀ въ завѣ́тъ ро́да, во свѣ́тъ ѧ҆зы́кѡмъ, є҆́же бы́ти тебѣ̀ во спасе́нїе да́же до послѣ́днихъ землѝ.“ (Ис. 49, 6.). Такъ угодно было Богу Отцу и Господу Спасителю, чтобы святая Церковь изъ малаго зерна возрасла въ великое древо и распространилась по всему міру. „Ше́дше въ мі́ръ ве́сь, проповѣ́дите є҆ѵⷢ҇гелїе всей тва́ри“ заповѣдалъ Спаситель.

Кто были тѣ, которымъ надлежало итти во весь міръ и возвѣщать Евангеліе всей твари проповѣдать о спасеніи всему міру? Это малое число избранныхъ, ученики Христа Іисуса, люди простые, большею частію рыбари, бѣдные, необразованные.

Съ какими пособіями они пошли на дѣло своего служенія? По видимому, ни съ какими; пошли ни съ чѣмъ, безъ знатности, безъ оружія, безъ покровительства.

Что противодѣйствовало Апостоламъ на поприщѣ ихъ служенія? По видимому, всё вооружалось противъ нихъ: и народъ и правители, и философи и ораторы, и вельможи и цари; всё было употреблено къ разрушенію ихъ предпріятія: и обѣщанія и угрозы, и голодъ и жажда, изгнанія, заточенія и всѣ роды мученій, какія только могла изобрѣсть злоба враговъ, и всѣ роды смертей самыхъ продолжительныхъ и жестокихъ.

Что же совершили Апостолы Христовы? То, чего бы умъ человѣческій и помыслить не могъ, представляя и скудость средствъ, и множество препятствій. Разошлись они по всей вселенной, преодолѣвали всѣ препятствія, побѣждали враговъ, прогоняли мракъ языческихъ суевѣрій и заблужденій, озаряли свѣтомъ евангельскаго ученія племена и народы: сонмы мучениковъ и мученицъ доблестно подвизавшихся за Христа, сонмы святыхъ душъ препроводили въ міръ горній, къ престолу славы Царя небеснаго.

Чѣмъ совершаемы были сіи преславныя дѣла? Тѣмъ, что Богъ былъ съ ними; Онъ благоволилъ сему быть, и

ничтó не моглó противостоя́ть опредѣлéнію Божéственнаго благоволéнія. Апóстолы, по свидѣтельству Евáнгелиста, „и҆зше́дше проповѣ́даша Єѵⷢ҇ліе всю́дꙋ, Гдⷭ҇ꙋ поспѣ́шествꙋ́ющꙋ, и҆ сло́во оу҆твержꙋ́ющꙋ послѣ́дствꙋющими зна́меньми" (Мар. 16, 20.). И вотъ насаждéніе, въ началѣ подóбное зерну́ гору́шичну, возрасло́, расширилось въ вели́кое дрéво, объя́ло всю вселéнную, покры́ло весь міръ сѣнію благотвóрныхъ дѣйствій своихъ, и всегдá обильно и спаси́тельно питáетъ всѣхъ вѣрою и любóвію вку́шающихъ отъ спаси́тельныхъ плодóвъ егó! — „Съ на́ми Бг҃ъ: разꙋмѣ́йте ꙗ҆зы́цы и҆ покаря́йтесѧ, ꙗ҆́кѡ съ на́ми Бг҃ъ!"

Благочести́вые Христіáне! питáя въ душáхъ своихъ живу́ю вѣру во Іису́са Христá, всемогу́щаго Царя́ благодáтнаго цáрства, и всѣ мы ны́нѣ мóжемъ и дóлжны взывáть въ уповáніи на всеблагáго и всеси́льнаго Гóспода: „съ на́ми Бг҃ъ! не оу҆бои́мсѧ, что̀ сотвори́тъ на́мъ пло́ть. Помо́жетъ на́мъ Бг҃ъ оу҆́трѡ за оу҆́тра." И́бо А́нгелы воспѣли: „сла́ва въ вы́шнихъ Бг҃ꙋ, и҆ на землѝ ми́ръ, во человѣ́цѣхъ благоволе́ніе!" И́стинно слóво небéсныхъ благовѣстниковъ: благоволéніе Бóжіе вѣрно и не измѣнно пребывáетъ на всѣхъ лю́бящихъ Гóспода и соблюдáющихъ зáповѣди егó! „Лю́бѧщымъ Бг҃а," по слóву Апóстола, „всѧ̑ поспѣ́шествꙋютъ во бла́гое." Хотя́ чáсто по непостижи́мимъ, но всегдá прему́дрымъ и благи́мъ судáмъ свои́мъ Богъ попускáетъ имъ терпѣть скóрби, болѣзни и страдáнія: но въ тóже врéмя Богъ съ ни́ми пребывáетъ; они́ си́льны Бóгомъ; и одушевля́емые живóю вѣрою и уповáніемъ на Божéственное благоволéніе и пóмощь говоря́тъ вмѣстѣ съ дрéвними прáведниками: „Бг҃ъ на́мъ прибѣ́жище и҆ си́ла, помо́щникъ въ ско́рбехъ ѡ҆брѣ́тшихъ ны̀ ѕѣлѡ̀. Сегѡ̀ ра́ди не оу҆бои́мсѧ, внегда̀ смꙋща́етсѧ землѧ̀, и҆ прелага́ютсѧ го́ры въ сердца̀ морска̑ѧ. Гдⷭ҇ь си́лъ съ на́ми, засту́пникъ на́шъ Бг҃ъ Іа́кѡвль." (Псал. 45, 2. 3. 12.) Ами́нь.

---

3. СЛО́ВО.

Въ Рождество́ Христо́во.

„И҆ речѐ и҆̀мъ а҆́гг҄елъ: не бо́йтеса; сѐ бо благовѣству́ю ва́мъ ра́дость ве́лїю, ꙗ҆́же бꙋ́детъ всѣ́мъ лю́демъ. Ꙗ҆́кѡ роди́са ва́мъ дне́сь Спа́съ, и҆́же є҆́сть Хрїсто́съ Госпо́дь.“

Лук. II. 10. 11.

Каку́ю ра́дость возвѣща́етъ А́нгелъ па́стырямъ Виѳлее́мскимъ! По́длинно „ра́дость ве́лїю.“ И какъ, по его́ предвѣща́нію, э́то така́я ра́дость „ꙗ҆́же бꙋ́детъ всѣ́мъ лю́дем.“ то тепе́рь, по исполне́ніи ужё предвѣща́нія, ра́дость сія́, безъ сомнѣ́нія, принадлежи́тъ и вамъ, здѣсь предстоя́щимъ, всѣмъ лю́дямъ Бо́жіимъ, отъ вели́каго до ма́лаго всѣмъ, кто то́лько не закро́етъ о́ка ума́, чтобы́ позна́ть о́ную, и не окамени́тъ се́рдца, чтобы́ о́ную почу́вствовать.

Кака́я жъ э́то ра́дость? — А́нгелъ изъясня́етъ: „ꙗ҆́кѡ роди́са ва́мъ дне́сь“ . . . Прерыва́ю рѣчь вѣ́стника, чтобы́ показа́ть въ са́момъ нача́лѣ его́ рѣ́чи нача́ло ра́дости. Рожде́ніе всегда́ бо́льше или́ ме́ньше ра́достно, потому́ что представля́етъ расшире́ніе и торжество́ жи́зни: такъ какъ напроти́въ смерть всегда́ бо́льше или́ ме́ньше печа́льна, потому́ что, поглоти́въ одну́ жизнь; она́ угрожа́етъ всѣмъ остающимся жи́знямъ, того́ же ро́да. Въ осо́бенности же рожде́ніе быва́етъ ра́достно для тѣхъ, кому́, или́ у кого́ и для кого́ роди́тся младе́нецъ. Е́сли онъ роди́тся извѣ́стному семе́йству: ра́дость сему́ семе́йству. Е́сли онъ роди́тся наро́ду и госуда́рству, какъ напримѣ́ръ, сынъ царе́въ и осо́бенно наслѣ́дникъ престо́ла: ра́дость всему́ наро́ду и ца́рству. А́нгелъ говори́тъ: „ро-

дисѧ ва́мъ." Кому́? не ужё ли то́лько па́стырямъ Виѳлее́мскимъ, къ кото́рымъ бы́ло сло́во А́нгела? Но А́нгелъ сказа́лъ ужё, что ра́дость бу́детъ „всѣ́мъ лю́демъ": сiе́ пока́зываетъ, что чрезъ па́стырей онъ смо́тритъ на всѣхъ люде́й, и потому́ и́менно возвѣща́етъ ра́дость „всѣ́мъ лю́демъ," что возвѣща́емый младе́нецъ ражда́ется „ва́мъ всѣ́мъ лю́демъ," не семе́йству, не наро́ду, но всѣмъ лю́дя́мъ на свѣ́тѣ, ско́лько есть, бы́ло и бу́детъ. Кака́ же огро́мная ра́дость! Тепе́рь вы мо́жете ра́доваться ка́ждый за себя́, и за весь родъ человѣ́ческій, за отжи́вшихъ свой вѣкъ, и отше́дшихъ въ вѣ́чность, о кото́рыхъ вы или́ съ печа́лiю воспомина́ете, и не зна́ете, что объ нихъ ду́мать, и за ва́шихъ пото́мковъ, о кото́рыхъ, мо́жетъ быть, забо́титесь, какъ они́ жить бу́дутъ.

Но ста́немъ да́лѣе вывѣ́дывать отъ А́нгела, почему́ возвѣща́емое имъ рожде́нiе до́лжно прине́сть всео́бщую ра́дость. — Онъ говори́тъ: „я́кѡ роди́сѧ ва́мъ дне́сь Спа́съ." Въ исто́рiи наро́да Бо́жiя не однокра́тно ви́димъ явля́вшихся знамени́тыхъ муже́й, кото́рые для него́ бы́ли ору́дiями спасе́нiя Бо́жiя. „Возста́ви и҆́мъ Госпо́дь сꙋдíй, и҆ бѧ́ше Госпо́дь съ сꙋдíею, и спасѐ ѧ҆ ѿ рꙋки̑ враго́въ и҆́хъ во всѧ̑ дни̑ сꙋдíи̑ (Суд. II, 18.). Случа́лось и то, что тако́е спасе́нiе возвѣща́емо бы́ло А́нгеломъ, какъ напримѣ́ръ: Гедео́ну: „и҆ди̑ въ крѣ́пости твоéй сéй, и҆ спасéши Ӏ҆зра́илѧ ѿ рꙋки̑ Мадíа́мли" (Суд. VI. 14.). Но сiи́ вре́менныя и ча́стныя спасе́нiя не могли́ быть предме́томъ ра́дости для „всѣ́хъ люде́й." Потому́ что не на всѣхъ простира́лись, и вско́рѣ уступа́ли мѣ́сто но́вому злу и бѣ́дствiю. „Оу҆пира́шє сꙋдíѧ, и҆ ѡ҆браща́хꙋсѧ, и҆ па́ки растлѣва́хꙋсѧ па́че ѻ҆тє́цъ свои́хъ" (Суд. II. 19.). Тепе́рь ражда́ется Спасъ всѣмъ людя́мъ, — и́стинный Спаси́тель, Кото́раго то́лько сла́бымъ изображе́нiемъ бы́ли всѣ знамени́тые въ свяще́нной дре́вности му́жи си́лы и спасе́нiя, — всео́бщiй Спаси́тель, Кото́раго спасе́нiе простира́ется на всѣхъ, кто то́лько незахо́четъ поги́бнуть самъ доброво́льно, — всегда́шнiй Спаси́тель, на спаса́емыхъ Кото́рымъ не смѣ́етъ прiйти́ никака́я но́вая поги́бель.

Вѣстникъ рáдости ещé изъясняетъ её: „родисѧ вамъ днесь Спасъ, иже есть Хрїстóсъ Госпóдь.“ Видно Виѳлеемскіе пáстыри ужё имѣли нѣкоторое понятіе о Христѣ, когдá небéсный Вѣстникъ, видящій мысли ихъ, надѣялся достáточно вразумить о великости возвѣщáемой рáдости, сказáвъ, что возвѣщáемый есть „Христóсъ.“ И пóдлинно, не льзя было имъ не слышать иногдá въ Іерузалимскомъ храмѣ псалóмскаго гласá, котóрый оттýда перешёлъ и въ нáши храмы: „Спасе Госпóдь Хрїстá Своегó“ (Пс. XIX. 7.). И ещé: „Госпóдь оутвержденїе людей своихъ и защититель спасенїй Хрїстá Своегѡ есть“ (Пс. XXVII. 8.). Впрóчемъ сіи сáмые гласы псалóмскіе даютъ разумѣть намъ, въ какóмъ возвышенномъ знаменовáніи говорилъ о Христѣ Ангелъ пáстырямъ. Псалмы представляютъ Христá спасáемаго, что бы потóмъ служить спасéнію другихъ: въ словáхъ Ангела является Христóсъ спасáющій, не имѣющій нýжды ни въ какóмъ спасéніи для Себя, имѣющій силу спасéнія въ сóбственномъ существѣ, и дѣйствующій éю неограничéнно: „Спасъ, иже есть Хрїстóсъ Госпóдь.“ Псалóмникъ узнáетъ, какъ бы нóвое, то, что Госпóдь покровительствуетъ Христá, защищáетъ, спасáетъ: „нынѣ“ говоритъ, „познахъ, ꙗкѡ спасе Госпóдь Хрїстá Своегó“: Ангелъ возвѣщáетъ Христá, Котóрый есть Самъ Госпóдь, — Христá, то есть, помáзаника Бóжія, Котóраго Богъ, какъ сказýетъ другóй Прорóкъ: „помазá благовѣстити нищимъ послá, исцѣлити сокрушенныѧ сердцемъ, проповѣдати плѣнникѡмъ ѿпущенїе, и слѣпымъ прозрѣнїе, нарещи лѣто Госпóдне прїꙗтно и день воздаꙗнїѧ оутѣшити всѧ плáчущыѧ дати плáчущымъ Сїѡна слáву вмѣстѡ пéпела, помáзанїе весéлїе плáчущымъ, оукрашенїе слáвы вмѣстѡ дýха оунынїѧ.“ (Ис. LXI. 1 — 3.), но Котóрый въ то же врéмя и Самъ есть Госпóдь и Богъ, Самъ Собóю сильный спасти не тóлько угрожáемыхъ погибелію, близкихъ къ погибели, погибáющихъ ужё, но и погибшихъ спасти, умéршихъ воскресить, осуждéнныхъ оправдáть, подъ клятвою за нарушéніе закóна сýщихъ благословить, рáбовъ áда въ чадъ Бóжіихъ претворить.

О радость безпредѣлная, простирающаяся отъ неба до ада, вожделѣнная, какъ спасеніе, сладостная и восхитительная, какъ помазаніе Духа Божія, могущественная, какъ виновникъ ея Господь! я умолкъ бы теперь: потому что сего слишкомъ довольно, чтобы её чувствовать, такъ какъ напротивъ никакого слова не было бы довольно, чтобы вполнѣ изобразить оную.

Но проповѣдь Ангела ещё не кончилась. Дослушаемъ её до конца. Онъ хочетъ ещё показать „знаменіе,“ примѣту, по которой бы ближе усмотрѣли возвѣщаемую имъ радость, лучше узнали её, и полнѣе въ ней удостовѣрились: „и се вамъ знаменіе.“ Какое жъ это знаменіе? Гдѣ оно? Покажи намъ. Вотъ оно: „обрящете младенца повита, лежаща въ яслехъ.“ Ахъ, вѣстникъ радости! Не разрушилъ ли ты её, думая возвысить и утвердить знаменіемъ? Что за радость видѣть младенца не въ порфирѣ, или виссонѣ тонкомъ, не въ чертогѣ, или въ свѣтломъ домѣ, даже не въ хижинѣ, даже не въ колыбели, потому что для него не нашлось ни хижины, ни колыбели, но „въ яслехъ“ и слѣдственно въ какомъ нибудь жилищѣ безсловесныхъ, или въ пустомъ мѣстѣ, не защищённомъ отъ декабрьскаго ночнаго воздуха? При такомъ зрѣлищѣ не скорѣе ли пожалѣешь о родившей и о рождённомъ, или убоишься за жизнь младенца, нежели обрадуешься? Но не льзя же подумать и того, чтобы Вѣстникъ небесный явился обмануть землю ложнымъ обѣщаніемъ, или невѣрнымъ знаменіемъ радости. Если намъ земнороднымъ не кажется знаменіемъ радости то, что онъ указуетъ, какъ знаменіе радости: не потому ли такъ, что чистое, небесное око лучше видитъ вещи, нежели земное, не вдругъ очищаемое отъ праха суеты? „Очистимъ чувствія, и узримъ;“ очистимъ умъ, и уразумѣемъ тайну Христа Господа, очистимъ сердце, и насладимся его радостію, сквозь наружные виды скорби. Подумавъ лучше, я начинаю понимать Ангела, и признаю, что безпримѣрное зрѣлище „младенца повита, лежаща въ яслехъ“ есть „знаменіе“ не столько безпримѣрной нужды и бѣдствія.

сколько безпримѣрной радости. Ибо скажите, въ какомъ иначе видѣ желали бы обрѣсти родившагося вамъ днесь Спаса, Христа Господа? Въ славѣ ли небесной, свойственной Ему, какъ Господу? — Но сей славы трепещутъ самые Херувимы и закрываютъ предъ нею лица. Какъ же могли бы устоять предъ нею мы, земнородные, бренные, грѣшные? Въ славѣ ли хотя земной? Но было ли бы и сіе зрѣлище радостнѣе зрѣлища простыхъ пеленъ и смиренныхъ яслей? Многимъ ли доступна и земная слава? И есть ли она что нибудь больше, какъ только поверхностный блескъ? Тѣмъ, которые смотрятъ на ея блескъ, она большею частію не достижима; а тѣ, отъ которыхъ исходитъ блескъ сей, знаютъ, что слава земная не есть вѣрное знаменіе радости. Нѣтъ! перестанемъ искать знаменія радости нашими гаданіями дерзновенными, но ненадежными: вникнемъ глубже въ то знаменіе, которое намъ показано. Почему нужно намъ знаменіе радости? — Потому, что у насъ не достаетъ радости. Почему намъ потребенъ Спасъ, Христосъ Господь? — Потому, что мы страшимся погибели. Отъ чего же недостатокъ радости, отъ чего страхъ погибели? Отъ того, что мы находимся въ удаленіи отъ жизни Божіей; отъ того, что живёмъ въ растлѣніи грѣховномъ. А если такъ: то не доброе ли знаменіе, что родившійся намъ Спасъ начинаетъ показываться тамъ, гдѣ оказалось первое наказаніе грѣха, по изреченію Судіи: „въ болѣзнехъ родиши чада"? Какъ премудрый врачь, Онъ приближается Своею врачебною, Божественною силою къ самому началу и корню нашей болѣзни, нашего грѣховнаго разстлѣнія: какое же могло быть лучшее знаменіе чаемаго изцѣленія? По сему глубокому и премудрому началу не трудно заключить, сколь совершенное готовитъ Онъ врачеваніе. Не маловажно и то, что нисходя до смиреннаго рожденія, Онъ нисходитъ ещё и до уничиженныхъ яслей. Чрезъ сіе даётъ Онъ особенное знаменіе, что хотя бы грѣхъ унизилъ тебя до скотоподобныхъ страстей и похотей, хотя бы ты совѣстію принужденъ былъ самъ на себя обратить

проро́ческое обличе́ніе: „человѣ́къ въ че́сти сы́й не разу́мѣ, приложи́ся ското́мъ несмы́сленнымъ и̂ уподо́бися и̂мъ,“ (Пс. XLVIII. 13.); и тогда́ не до́лженъ ты отчаява́ться въ снисхожде́ніи Спа́са твоего́, Кото́рый, не возгнуша́вшись возле́чь въ ясля́хъ, не вознуша́ется и въ ясля́хъ души́ твое́й почи́ть свое́ю благода́тію и Свои́мъ ми́ромъ, е́сли то́лько ты покая́ніемъ и вѣ́рою предъ Нимъ себя́ пове́ргнешь.

И такъ: „пріиди́те вси́ тружда́ющіися и̂ ѡ̂бремене́нніи“ (Матѳ. XI. 28.) грѣха́ми, бѣ́дствіями, муче́ніями со́вѣсти, стра́хомъ осужде́нія вѣ́чнаго и поги́бели; се вамъ зна́меніе спасе́нія, и слѣ́дственно ра́дости, кака́я то́лько вамъ жела́тельна; — се вамъ зна́меніе: „ѡ̂бря́щете младе́нца пови́та, лежа́ща въ я́слехъ, и̂́же є̓́сть Спасъ, Хрїсто́съ Го́сподь.“

Приступи́те къ Спа́су младе́нцу, и бу́дьте я́ко дѣ́ти незло́біемъ и кро́тостію. Приступи́те къ Нему́ пови́тому; и скяжи́те ва́ше грѣхо́вное своево́ліе; преда́йте ва́шу во́лю во́лѣ Спаси́теля ва́шего. Приступи́те къ лежа́щему въ ясля́хъ; и отверги́те нечи́стое, скотоподо́бное житіе́, и на мѣ́стѣ о́наго утверди́те жизнь духо́вную. Приступи́те къ Сло́ву нѣмотствую́щему, съ безмо́лвными во́плями не преста́нно моля́щагося се́рдца: и Богъ Сло́во изрече́тъ въ сердца́ ва́ши Свою́ неизрече́нную ра́дость. Тогда́ уразумѣ́ете небе́снаго Вѣ́стника ра́дости; тогда́ возгла́сите съ Ма́терію рожда́гося Христа́: „вели́читъ душа̀ моя̀ Го́спода, и возра́довася ду́хъ мо́й о Бо́зѣ Спа́сѣ мое́мъ.“ (Лук. I. 47.) Ами́нь.

———— ——

4. СЛО́ВО.

Въ недѣлю Мясопу́стную.

„Иди́те ѿ менѐ прокля́тїи; прїиди́те благослове́ннїи.“
(Матѳ. XXV. 34, 41.)

Бу́детъ вре́мя необыкнове́нное, вре́мя безпреры́вныхъ, велича́йшихъ чуде́съ. „Бу́детъ де́нь єди́нъ, и̂ де́нь то́й зна́емъ бу́детъ Госпо́деви, и̂ не де́нь и̂ не но́щь, и̂ при ве́черѣ бу́детъ свѣ́тъ“ (Зах. XIV, 7.). Мо́жетъ быть та́кже ра́достно и свѣ́тло взойдётъ надъ сына́ми человѣ́ческими послѣ́днее у́тренее со́лнце, такъ же споко́йно покатится къ за́паду, — но одно́ мгнове́нiе и „небеса̀ со шу́момъ мимои́дутъ, стїхі́и сжига́емы разоря́тся“ (2. Петр. III. 10.) и всё пове́ргнется въ ужаса́ющiй безпоря́докъ! „Со́лнце поме́ркнетъ, и луна̀ не да́стъ свѣ́та своего̀. И̂ звѣ́зды бу́дутъ съ небесѐ спа́дающе“ (Марк. XIII. 24.) „и̂ на земли̂ бу́детъ туга̀ ꙗ҆зы́кѡмъ ѿ неча́анїѧ, шу́ма морска́гѡ и̂ возмуще́нїѧ“ (Лук. XXI. 25.). „Бу́детъ вре́мѧ ско́рбь и̂ ско́рбь ꙗ҆кова̀ не бы́сть ѿне́лѣже созда́сѧ ꙗ҆зы́къ на земли́, да́же до вре́мене о́нагѡ“ (Дан. XII. 1.). „И̂здыха́ющымъ человѣ́кѡмъ ѿ стра́ха и̂ ча́анїѧ гряду́щихъ на вселе́нную: си́лы небе́сныѧ подви́гнутсѧ.“ (Лук. XXI. 26.). „И воста́нетъ Мї́хаи́лъ Кня́зь вели́кїй, стоѧ́й ѿ сынѣ́хъ люде́й“ (Дан. XII. 1.). „И са́мъ Госпо́дь въ повелѣ́нїи во гла́сѣ Арха́нгеловѣ и̂ въ тру́бѣ Бо́жїи сни́детъ съ небесѐ.“ (1. Сол. IV. 16.). „И̂ тогда̀ ꙗ҆ви́тсѧ зна́менїе Сы́на человѣ́ческагѡ на небесѝ. И̂ тогда̀ воспла́чутсѧ всѧ̂ колѣ́на земна́ѧ, и̂ у҆́зрятъ Сы́на человѣ́ческаго гряду́ща на о́блацѣхъ небе́сныхъ съ си́лою и̂ сла́вою мно́гою.“ (Мат. XXIV. 39.). „И по́слетъ А҆́нгелы своѧ̂, и̂ собере́тъ и̂збра̂нныѧ своѧ̂ ѿ четы́рехъ вѣ́тръ, ѿ конца̀ земли̂ до конца̀

нѣба" (Марк. XIII. 27.). Такъ бу́детъ въ послѣ́днiй день! Соберетъ избранныя своя!..." Гдѣ же бу́дутъ не и́збранные? Ужё ли они́ избѣгнутъ грядущихъ у́жасовъ? Или́ сгорятъ вмѣстѣ съ стихiями? Нѣтъ, я́вятся и они́, несча́стные, туда́, куда́ устре́мится всё; „всѣмъ бо явитися подобаетъ предъ судищемъ Христовымъ" (Кор. V. 10.). „Пошлетъ Сынъ человѣческiй Ангелы своя, и соберутъ отъ царствiя его вся соблазны, и творящихъ беззаконiе и ввергутъ ихъ" (Мат. XIII. 41.) ... О, лу́чше бы имъ неявля́ться! — Ме́жду тѣмъ, какъ э́то произхо́дитъ на землѣ́, въ землѣ́ въ то́же вре́мя соверша́ется велича́йшее таинство. „Въ послѣднiй трубѣ вси сущiи во гробѣхъ услышатъ гласъ Сына Божiя, и услышавше оживутъ, и востанутъ нетлѣнни и изыдутъ" (1. Кор. XV. 52 Iоан. V. 25. 29.). Вмѣстѣ съ э́тимъ всѣ живы́е измѣня́тся въ тотъ же нетлѣ́нный о́бразъ, и всѣ соберу́тся въ оди́нъ несмѣ́тный и неизчётный лик... Откро́ется СУДЪ!

Чье се́рдце, са́мое закоснѣ́лое въ безпе́чности и безстра́шiй, незатрепе́щетъ, чей духъ невозмути́тся при неслы́ханномъ, неви́данномъ и невообрази́момъ зрѣ́лищѣ всего́ человѣ́чества, предста́вшаго на Су́дъ Бо́жiй? По обы́чному поря́дку чувствъ и дѣлъ человѣ́ческихъ, мо́жетъ быть, свои́ ста́нутъ съ свои́ми, бли́жнiе съ бли́жними. Мо́жетъ быть ра́достно встрѣ́тятъ живы́е воскре́сшихъ, уме́ршiе не умира́вшихъ. Вдругъ неви́домая си́ла исто́ргнетъ ихъ другъ и дру́га и разлу́читъ на вѣ́ки. „И разлучитъ ихъ другъ отъ друга, якоже пастырь разлучаетъ овцы отъ козлищъ, и поставитъ овцы одесную себе, а козлища ошуюю" (Мат. XXV. 32, 33.). Я́вятся двѣ поло́вины человѣ́чества, два разря́да подсуди́мыхъ, и два су́да Бо́жiи: судъ стра́шный и судъ ра́достный.

Стра́шный судъ.. Стра́шный судъ. Такъ привы́кли мы отзыва́ться о судѣ́ Бо́жiемъ. Христiа́нинъ! что же стра́шнаго для тебя́ на судѣ́ Бо́жiемъ? Судъ Бо́жiй — не судъ человѣ́ческiй. Тебя́ тамъ не обвиня́тъ напра́сно по неуразумѣ́нiю дѣла, по го́лосу пристра́стiя, по влiя́нiю сторо́нняго могу́чества. Судъ Бо́жiй до́лженъ не

страшить, а радовать тебя. Но гдѣ же этотъ безтрепетный подсудимый, къ которому бы можно было говорить подобнымъ образомъ? На мѣстѣ Христіанина вездѣ видѣнъ только грѣшникъ. О, нѣтъ ненапрасно судъ Божій мы называемъ судомъ страшнымъ. Онъ дѣйствительно для грѣшнаго человѣка есть судъ страшный, потому что онъ судъ обличенія, судъ безстрастія, судъ неизмѣннаго рѣшенія, потому наконецъ, что онъ — судъ осужденія.

Страшный судъ. Если бы слово Божіе и несказало намъ, что „грѣхъ ѿ діавола есть.“ (1. Іоан. III. 8), то зная, какъ онъ дѣйствуетъ въ мірѣ, мы сами могли бы притти къ этому заключенію, всматриваясь въ обнаруженіе его въ насъ, преимущественныя условія коего суть мракъ и тайна — область сокровеннаго князя тьмы. Служа Богу и работая втайнѣ грѣху, человѣкъ, доколѣ живётъ на землѣ, дотолѣ постоянно находится въ нѣкоторомъ нравственномъ раздвоеніи, внѣшность отдавая Богу, внутренность грѣху. Отсюда характеръ жизни его лицемѣріе. Подъ симъ-то нечистымъ покровомъ человѣкъ какъ бы ни былъ далёкъ отъ Христа, всё можетъ казатся Христіаниномъ, — чаще для другихъ, нерѣдко — для самаго себя. Подъ симъ то покровомъ онъ небоится никакого суда земнаго, кромѣ слабаго суда совѣсти, который къ несчастію, не всегда страшитъ его. Но — вотъ открывается судъ Божій. Судія „приведетъ тайная тьмы и ѿявитъ совѣты сердечныя“ (1. Кор. IV. 5). Что за стыдъ, что за позоръ — необъяснимые языкомъ человѣческимъ! „Всѣ неплодныя дѣла тьмы, бываемая отай ѿ нихъ же срамно есть и глаголати“, всѣ душетлѣнныя мечтанія, всѣ жгущія кровь и душу ощущенія сокровеннѣйшіе помыслы и замыслы, клеветы и пересуды, обманы и татьбы — всё, всё будетъ, выставлено, выложено на всеобщій смотръ. Куда скрыть лице? Чѣмъ заградить себя отъ ослѣпительнаго свѣта истины? Какъ закрыться отъ множества милліоновъ устремленныхъ на тебя очей? Грѣшника обниметъ несказанно тягостное и невыносимое чувство, когда онъ увидитъ себя одинокаго, безъ по-

крова, безъ защиты, нагаго тѣломъ и душей. Поздно уже будетъ искать спасенія въ лицемѣріи, принимать личину невинности, прибѣгать къ клятвѣ, искать соумышленныхъ свидѣтелей. Отъ лица всевѣдущей правды Божіей съ трепетомъ отбѣжитъ всякое лукавство. Таково положеніе бѣднаго грѣшника, привыкшаго здѣсь притворствовать и лицемѣрить. Страшный судъ!

Страшный судъ. Съ тѣхъ поръ, какъ первый судія былъ вмѣстѣ и первый подсудимы т. е. со времени перваго преступленія и перваго оправданія человѣческаго, грозный голосъ правды постоянно умолкалъ на судѣ человѣческомъ. Хорошо сознавая всю немощь природы своей, каждый судія охотно преклонялся на сторону снисхожденія и помилованія. Подъ сей духъ снисходительности болѣе или менѣе написанны всѣ законы человѣческіе, и какимъ образомъ суда безстрастнаго между людьми быть не можетъ. Но не безстрастія только нѣтъ на судѣ человѣческомъ, на нёмъ часто не достаетъ и безпристрастія. Нерѣдко правосудіе закрываетъ глаза предъ знаменитостію, силою, властію и другими могущественными движителями воли нашей. И вотъ грѣшникъ, приучённый къ такимъ судамъ, является на судъ Божій, „идѣже нѣсть лицепріятіѧ: рабъ бо и владыка вкупѣ предстоятъ, царь и воинъ, богатый и убогій въ равнѣмъ достоинствѣ.“ Куда ни обратитъ несчастный подсудимый умоляющій взоръ свой, нигдѣ не видитъ лица состраждущаго, руки помогающей! „Ко Ангеломъ очи возводящи, бездѣльнѡ молитсѧ, къ человѣкѡмъ руцѣ простирающи, неиматъ помогающаго!“ Вся тварь погружена въ трепетное безмолвіе предъ судомъ Творца и Зиждителя и Бога нашего; и никто не можетъ заступиться за несчастливца, — ни другъ, ни братъ, ни отецъ, ни начальникъ, ни Царь, ни Ангелъ Божій! Всё смолкнетъ и преклонится предъ Вѣчною правдою!.. Страшный судъ!

Страшный судъ.. И человѣческій судъ принимаетъ иногда видъ страшнаго суда Божія. Также строги и неподкупны бываютъ судіи и законы. Также никто не хо-

четъ или́ несмѣетъ пода́ть го́лоса въ защи́ту обвиня́емаго. Но быва́етъ, что избавле́ніе прихо́дитъ со стороны́, соверше́нно неча́янно. Како́е нибу́дь внѣ́шнее собы́тіе или́ обстоя́тельство, не предви́дѣнное и нисколько не зави́сящее ни отъ суде́й ни отъ подсуди́маго мо́жетъ останови́ть пригово́ръ су́дный. По кра́йней мѣ́рѣ на судѣ́ человѣ́ческомъ до послѣ́дней мину́ты у осужда́емаго всё ещё́ оста́ется въ душѣ́ утѣши́тельная наде́жда. Увы́, бра́тія мои́! на судѣ́ стра́шномъ нѣтъ мѣ́ста никако́й наде́ждѣ. Никакі́я си́лы земны́я и небе́сныя, ни како́е стече́ніе обстоя́тельствъ не остано́витъ послѣ́дняго пригово́ра. Съ пе́рваго появле́нія грѣ́шника на судъ, имъ овладѣ́етъ неопи́санное го́ре и отча́яніе; и ничѣ́мъ.. ничѣ́мъ не усла́дится го́рькая ча́ша его́ сме́ртнаго уны́нія!... Стра́шный судъ!

Стра́шный судъ... Но что всего́ страшнѣ́е на стра́шномъ судѣ́, — э́то пригово́ръ судіи́, кото́рымъ оконча́тельно рѣши́тся у́часть грѣ́шниковъ: „И҆ди́те ѿ Менѐ прокля́тіи во о҆́гнь вѣ́чный“. Твой ли э́то го́лосъ, сладча́йшій Іису́се? Тотъ ли э́то звукъ ти́хій и кро́ткій, кото́рымъ Ты нѣ́когда призива́лъ къ Себѣ́ всѣхъ тружда́ющихся и обремене́нныхъ? Тотъ ли э́то го́лосъ отца́ и дру́га, кото́рый мы слы́шали отъ Тебя́ въ Сіо́нской го́рницѣ и на горѣ́ Ма́сличной? И такъ и у Долготерпѣ́ливаго есть мѣ́ра терпѣ́нію! И у Кро́ткаго и Смире́ннаго се́рдцемъ нашло́сь гро́зное сло́во стро́гаго наказа́нія! „И҆ди́те ѿ Менѐ“. Мы не мо́жемъ сдѣ́лать и малѣ́йшаго намёка на то, каку́ю велича́йшую печа́ль соде́ржатъ въ себѣ́ сіи́ просты́я слова́: „И҆ди́те ѿ Менѐ.“ Мо́жетъ быть не одному́ изъ насъ приводи́лось испы́тывать состоя́ніе человѣ́ка, на рука́хъ кото́раго умира́етъ друго́й человѣ́къ, свя́занный съ нимъ всѣ́ми у́зами земно́й привя́занности. Въ неисчётное мно́жество разъ го́рестнѣе бу́детъ разстава́ніе грѣ́шника съ Бо́гомъ на вѣ́ки. „И҆ди́те ѿ Менѐ прокля́тіи! И҆ мно́зи реку́тъ є҆мꙋ̀: Го́споди! Го́споди!“ Мы твои́, Мы Христіа́не, мы носи́ли въ себѣ́ твоего́ Ду́ха, „въ твоѐ и҆́мѧ прорѡ́чествовахомъ, и҆ Твои́мъ и҆́менемъ бѣ́сы и҆згони́хомъ, и҆ Твои́мъ и҆́менемъ

сі́лы мнѡ́ги сотвори́хомъ… И҆ тогда̀ и҆сповѣ́мъ и҆̀мъ: ꙗ҆́кѡ николи́же зна́хъ ва́съ: ѿиди́те ѿ Менѐ дѣ́лающіи беззако́ніе (Мат. VII. 22.)!.. Ꙗ҆до́хомъ предъ Тобо́ю и҆ пи́хомъ," заговорятъ другіе, „и҆ на распу́тіихъ на́шихъ оу҆чи́лъ є҆сѝ. И҆ рече́тъ: глаго́лю ва́мъ, не вѣ́мъ ва́съ ѿку́ду є҆стѐ: ѿстꙋ́пите ѿ менѐ всѝ дѣ́латели непра́вды." (Лук. XIII. 26. 27.)! И҆ди́те ѿ менѐ прокля́тіи во ѻ҆́гнь вѣ́чный, ꙋ҆гото́ванный діа́волу и҆ а҆́нгелѡмъ є҆гѡ̀." Рѣшéніе безвозвра́тное! „И҆ и҆́дутъ сі́и въ мꙋ́ку вѣ́чнꙋю". Бра́тья! мы прислу́шались къ слова́мъ симъ, и не разумѣемъ ихъ и́стиннаго ужа́снаго смы́сла. „И҆ и҆́дутъ въ мꙋ́кꙋ вѣ́чнꙋю."
Разсу́докъ отка́зывается отъ уразумѣ́нія плаче́вной вѣчности; воображе́ніе теря́етъ о́бразы для представле́нія ея́ муче́ній. Есть болѣзни, въ кои́хъ секу́нды счита́ются часа́ми, мину́ты дня́ми, — такъ онѣ́ мучи́тельны и стра́шны! Но подо́бнаго той, а́дской, болѣ́зни мы ничего́ здѣсь не испыта́ли и испыта́ть не мо́жемъ. Госпо́дь описа́лъ её подъ о́бразомъ вѣ́чнаго горѣ́нія. Дово́льно и сего́. Духъ тре́петно мяте́тся, язы́къ со́хнетъ и горта́нь пламенѣ́етъ при живо́мъ представле́ніи безпредѣ́льнаго о́гненнаго мо́ря, въ кото́ромъ глубо́ко — глубо́ко .. отвсю́ду пали́мые, отвсю́ду задуша́емые .., въ мра́кѣ, въ шу́мѣ, въ тоскѣ́, въ стра́хѣ, въ замира́ніи, въ безпреста́нномъ у́жасѣ .. иснива́я и иста́евая... съ во́емъ, съ сто́номъ, съ во́племъ, съ скре́жетомъ — бу́дутъ страда́ть отве́рженные. — Бо́же мой!.. И не бу́детъ смѣ́ны часо́въ, дней, лѣтъ и тысящелѣ́тій! Одна́ стра́шная, неосла́бная, безнаде́жная, безконе́чная, вѣ́чная му́ка! Стра́шный судъ! Стра́шный судъ!

Но что же вы трепе́щете, вѣ́рующіе въ Бо́га и лю́бящіе Іису́са? „Восклони́тесѧ и҆ воздви́гните главы̑ ва̑ша: занѐ прибли́жаетсѧ и҆зба́вленіе ва́ше" (Лук. XXI. 28.). Христіа́не! Самъ Госпо́дь утѣша́етъ и ободря́етъ насъ. „Восклони́тесѧ и҆ воздви́гните главы̑ ва̑ша" сказа́лъ Онъ смуще́ннымъ ученика́мъ по́слѣ того́, какъ возвѣсти́лъ о гряду́щемъ судѣ́ своёмъ. Не для всѣхъ послѣ́дній судъ бу́детъ судо́мъ стра́шнымъ. Найду́тся лю́ди (дай Богъ,

чтобъ ихъ было какъ можно больше), для коихъ послѣдній судъ будетъ судомъ вожделѣнно радостнымъ. Тайновидѣцъ говорилъ, что онъ зрѣлъ духовъ, которые просили у Бога откровенія суда Его (Апок. VI, 9). То были души мучениковъ, „избіенныхъ за слово Божіе", коимъ судъ Божіи несъ вѣчное, нескончаемое блаженство. Но что такое и каждый истинный Христіанинъ, какъ не мученикъ за слово Христово? Для послѣдователя Іисусова вездѣ гоненія, вездѣ мучители! И день пришествія Христова долженъ казаться ему днемъ радостнѣйшаго избавленія его отъ враговъ его.

Первый гонитель его есть его собственная падшая, растлѣнная природа. Она постоянно неутомимо преслѣдуетъ его. Нѣтъ минуты, въ которую бы доблестный ратникъ могъ спокойно отдохнуть отъ труда и изнурительнаго бдѣнія. Подвижники благочестія незнали, что дѣлать съ собою, упадали духомъ, и плакали кровавыми слезами надъ своимъ безсиліемъ. Отъ юности многія борютъ насъ страсти, и не та, такъ другая, не другая, такъ третія постоянно возносятъ въ насъ свою преступную голову, и посмѣваются всѣмъ усиліямъ добродѣтельной воли. Ты хочешь смирить свою буйную строптивую волю, и лишь только начнешь достигать своего желанія, является злоторжествующая гордость духа. Лишь только побѣдишь гордость духа его нищетою, смотришь—закрадывается въ сердце похоть; и нѣтъ, и нѣтъ здѣсь отрадной минуты для послѣдователя Іисусова! Но — настаётъ послѣдній судъ: „Восклонитеся и воздвигните главы ваша", вы утомленные труженики Христа ради! „Зане приближается избавленіе ваше. Блажени вы плачущіи, кротцыи, милостивіи, миротворцы! Блажени вы нищіи духомъ! Блажени вы, чистіи сердцемъ! Зане приближается избавленіе ваше"... Послѣдній судъ положитъ конецъ вашей мучительной борьбѣ съ самими собою, и увѣнчаетъ васъ вѣнцемъ побѣды. Вожделѣнный, радостный судъ!

Другой мучитель благочестія есть повсюдное царство лжи и неправды. Недостаетъ слёзъ для достойнаго

оплáканія несчáстнаго извращéнія сáмыхъ пéрвыхъ и святыхъ основáній жизни, — извращéнія, столь давнó терзáющаго родъ человѣческій. Вспóмните, гдѣ, и какъ началась нынѣшняя нáша непрáведная дѣятельность. „Не смéртїю оу́мрете“ (Быт. III. 4), говорилъ родоначáльникъ лжи, и ложь егó, къ несчáстію всегó человѣчества, здѣлалась сáмымъ многоплóднымъ сѣменемъ. Мы трепéщемъ, когдá безтрéпетный братоубíйца говорúтъ Бóгу: „не вѣмъ. ѐдà стрáжъ брáтꙋ моемꙋ̀ є҆смь а҆́зъ?“ (IV. 9.). Какъ скóро и какъ сильно возраслó проклятое сѣмя! „И҆спóлнисѧ землѧ̀ непрáвды ѿ людéй“ (Быт. VI 13.), говорилъ Госпóдь, и водáми потóпа, по вúдимому, смылъ ложь и непрáвду съ лицá землú. Но чтоже? прохóдитъ нѣсколько вѣковъ, и оплятъ „хвáлитисѧ во злóбѣ сúльный; беззакóнїе вéсь дéнь, непрáвдꙋ оу҆мышлѧ́етъ ѧ҆зы́къ є҆гѡ̀: ꙗ҆́кѡ брúтвꙋ и҆зѡщрéнꙋ твóритъ лéсть, люби́тъ злóбꙋ пáче благостыни, непрáвдꙋ нéже глагóлати прáвдꙋ; люби́тъ всѧ̑ глагóлы потѡ́пныѧ, ѧ҆зы́къ льсти́въ“ (Пс. LI. 3 — 6.); „болúтъ непрáвдою, зачинáетъ болѣ́знь и҆ раждáетъ беззакóнїе“ (Исаі. X. 1.) „зи́ждетъ дóмъ съ непрáвдою“ (Іер. XXII. 13); „сѣ́етъ на браздáхъ непрáвды“ (Сир. VII. 3.), и прóч. Вúдя повсюду разливáющися потóкъ непрáвды, ревнúтели Бóжіей йстины — Прорóки скорбѣли и раздирáлись сéрдцемъ. И въ нáше врéмя ревнúтель Бóжій, „а҆лчꙋ́щїй и҆ жáждꙋщїй прáвды,“ поúщетъ её, и, мóжетъ быть, съ отчáяніемъ воскликнетъ: „ѡ҆стáвиша завѣ́тъ Твóй сы́ны І҆сраи́левы; ѡ҆стáхъ а҆́зъ є҆ди́нъ: возмú и҆ ѿ Менѐ дꙋ́шꙋ мою̀. Ꙗ҆́кѡ нѣ́смь и҆ а҆́зъ лꙋ́чшїй отéцъ моúхъ“ (3. Цар. XIX.). Цáрство непрáвды со всѣхъ сторóнъ окружáетъ и гнетéтъ бѣднаго правдолюбца, мучитъ, терзáетъ егó, не оставляетъ емý минýты утѣшительной, на кáждомъ шагý егó окáзываетъ емý нóвыя и нóвыя оскорблéнія. Но сáмое бóльшее сáмое хýдшее оскорблéніе то, когдá непрáвда одолѣетъ, прáведнымъ мýжествомъ, и увлечéтъ за собóю побóрника йстины плачевнѣйшее зло! Но—„воскλонúтесѧ и҆ воздвúгните глáвы вáшѧ, вы а҆лчꙋ́щїи и҆ жáждꙋщїи прáвды. Блажéни вы ꙗ҆́кѡ насы́титесѧ.“ Бла-

жéни вы! Вы не бýдете бóлѣе вúдѣть отвратúтельнаго лúка. посмѣя́вшейся вамъ неправды, небýдете слы́шать злорáдостнаго, явúтельнаго шýма ея́, не бýдете терпѣ́ть ея́ нáглыхъ безýмныхъ нападéній; „занѐ приближа́етсѧ и҆збавлє́нїе ва́ше!“ Отркóется послѣ́дній судъ, и вы увидите во всёмъ боголѣ́пномъ торжествѣ́ и велúчій Вѣ́чную прáвду, по которой ревновáли, о которой болѣ́ли здѣсь сéрдцемъ. Онá васъ утѣ́шитъ, увѣнчáетъ, воцáритъ съ собóю, просвѣ́титъ васъ я́ко сóлнце. Вожделѣ́нный, рáдостный судъ!

Есть ещé одúнъ гонúтель и вмѣ́стѣ мучúтель Христіáнъ, о котóромъ нéльзя́ неупомянýть въ вúду раскрывáющейся судóмъ Бóжіимъ вѣ́чности. Это — духъ вѣ́ка, вѣ́ка — нáшего врéменнаго. Подражáя своемý князю, онъ тáкже, „ꙗ҆́кѡ лє́въ рыка́ѧ, хо́дитъ, и҆скі́й кого̀ поглоти́ти“ (I. Петр. V. 8.), злóбно и я́ростно нападáетъ на христолю́бцевъ, хúтро и лукáво стережéтъ ихъ. У негó по всю́ду раскúнута невúдимая погúбельная сѣть соблáзновъ и искушéній. Мнóго нýжно крѣ́пости и сúлы дýха, чтобы́ противостоя́ть и противодѣ́йствовать семý врагý. „Въ мі́рѣ скѡ́рбни бꙋ́дете“, говорúлъ Спасúтель (Іоан. XVI. 33), „бꙋ́дете ненавидими всѣ́ми и҆́мене моегѡ̀ ра́ди“ (Мат. X. 22); „ѿ со́нмищъ и҆жденꙋ́тъ вы̀“ (Іоан. XVI. 2), сочтýтъ васъ лицемѣ́рами, святóшами, полуýмными, съ котóрыми сты́дно имѣ́ть дѣ́ло. „Но дерза́йте, ꙗ҆́кѡ а҆́зъ побѣди́хъ мі́ръ“ (Іоан. XVI. 33.). Госпóди! какъ же дерзáть, когдá міръ ужё и тогó и тогó побѣдúлъ? — побѣдúтъ и насъ. Мóжетъ быть, съ Твоéю поспѣшествующею пóмощію, мы бы и вúдержали егó нападéнія, éсли бы духóвный взоръ нашъ былъ сúленъ прозрѣвáть въ „глꙋ́бины сатани̂ны.“ Но гдѣ взять стóлько óпытности и осмотрúтельности, чтобы́ непринять иногдá врагá за дрýга, злодѣ́я за доброжелáтеля, úзверга за брáта! Духъ вѣ́ка ослѣпля́етъ, оглушáетъ насъ, преслѣ́дуетъ насъ всячески, всю́ду и всегдá, — отъ пéрвыхъ дней жúзни нáшей до послѣ́дняго дыхáнія. Мы въ нёмъ живёмъ, имь ды́шемъ; мы невóльники, рáбы нескýсные; вúдимъ прóпасть, и не мóжемъ не бѣжáть въ неё. Бѣ́дные страдáльцы! „Воскло́нитесѧ и҆ воздви́гните

главы̂ ваша̂; зане̂ приближаетсѧ и̂збавленїе ваше. Блажени вы и̂згнани правды ради! Блажени вы возненавидѣни человѣки, разлучени, поносими, злословими Сына человѣческагѡ ради" (Лук. VI.)! Будетъ время лучшее, настанетъ Судъ Божій. Предъ очами всѣхъ міролюбцевъ міръ окончательно обличенъ будетъ „ѡ̂ грѣсѣ и̂ ѡ̂ правдѣ и̂ судѣ" (Іоан. XVI. 8.). Небо приметъ въ себя ревновавщихъ о нёмъ на землѣ, и ваше будетъ царствїе небесное" (Мат. V. 10.)! Что блаженнѣе радости царствовать, и царствовать на небѣ, царствовать вѣчно?.. Стократно вожделѣнный радостный судъ!

„Возрадуйтесѧ же за той день и̂ взыграйте всѣ явные и потаенные мученики за слово Христово! Се бо мзда̀ ваша многа на небеси̇" (Лук. VI. 23.).

Мзда̀ многа. Малое слово, но безконечно — великая мысль прикрыта имъ. Господь не любилъ говорить много о томъ, какую радость готовитъ Онъ своимъ избраннымъ. „Ваше є҆сть царствїе Божїе, насытитесѧ, возсмѣетесѧ" (Лук. VI. 20. 21.). Ꙗкѡ тїи оутѣшатсѧ, наслѣдѧтъ землю, помилованы будутъ, Бога оузрѧтъ, сынове Божїи нарекутсѧ" (Мат. V.), „сторицею прїимутъ и̂ животъ вѣчный наслѣдѧтъ" (Мат. XIX. 29.), будутъ ѣсть и пить на трапезѣ Господней (Лук. XXII. 30.), „возлѧгутъ со Авраамомъ и̂ Ісаакомъ и̂ Іакѡвомъ" (Мат. VIII. 11.), будутъ со Христомъ, почтены будутъ отцёмъ небеснымъ (Іоан. XII. 26.), „просвѣтѧтсѧ ꙗкѡ солнце" (Мат. XIII. 43) и т. под. Но всѣмъ этимъ далёко не высказывается великость мзды небесной. „Непщую ꙗкѡ недостойны страсти нынѣшнагѡ времене къ хотѧщей славѣ ꙗвитисѧ въ насъ" (Римл. VIII. 18.), говорилъ предвкусившій сладость благъ вѣчныхъ Апостолъ, но что за слава сія, — также оставилъ необъяснённымъ, — безъ сомнѣнія потому, что и объ этомъ „не лѣть є҆сть человѣку глаголати. Не оу̂ ꙗвисѧ, что̀ будемъ," говоритъ тайновидѣцъ. „Вѣмы же ꙗкѡ є҆гда̀ ꙗвитсѧ (Господь), подобни є҆му̀ будемъ" (1. Іоан. III. 2.). Всякой ли способенъ понять, что за высочайшее блаженство заключается въ семъ объ-

тованіи? „Подобни ѥмꙋ бꙋдемъ.“ Восторгнись духомъ Христіанинъ! Иногда ты ревновалъ о человѣческой именитости, чести, силѣ, славѣ, — искалъ подражать уму, слову, дѣлу, себѣ подобнаго смертнаго и земнороднаго, — домогался видѣть то, чѣмъ славится суета человѣческая. Отряси тину очесе умнаго! Мы увидимъ Сущаго, „и подобни ѥмꙋ бꙋдемъ!“ — Ты желалъ раскрыть безпрепятственно силы безсмертнаго духа твоего, — всё узнать, всё сдѣлать, — возвратить себѣ истинное, вышемірное, человѣческое достоинство, — явиться предъ лицемъ Божіимъ достойнымъ образа Божія, тобою носимаго. Радуйся и веселися! „вѣмы, ꙗкѡ ѥгда ꙗвитсѧ, подобни ѥмꙋ бꙋдемъ“, — станемъ выше всего, о чёмъ теперь едва помыслить можемъ. — Послушай, какъ въ заключеніе Суда снова раздается давно знакомый намъ тихій и кроткій гласъ Сладчайшаго Спасителя нашего: „пріидите благословеннїи Ѻтца Моегѡ! Наслѣдꙋйте ꙋготованное вамъ Царствїе ѿ сложенїѧ міра.“ Какимъ языкомъ высказать ту радость, которая должна освѣтить лица благословенныхъ Отцемъ небеснымъ? — Ей, да будетъ тако благословеніе предъ тобою надъ всѣми нами, Авва Отче!

Что же, братья? какъ намъ назвать послѣдніи судъ Божій? Что онъ для насъ: страшный или вожделѣнно радостный? Вотъ предметъ, о которомъ стоитъ подумать среди праздничнаго шума слѣдующихъ дней. Аминь.

---

5. СЛОВО.

Въ недѣлю Ваій.

„Сїе же все бысть, да сбꙋдетсѧ реченное пророкомъ глаголющимъ: рцыте дщери Сїѡнове: се Царь твой грядетъ тебѣ кротокъ, и всѣдъ на ѻсла и жребѧ сына подъяремнича.“ (Матѳ. XXI. 4. 5.)

Какъ пріятно видѣть образъ солнца въ чистомъ потокѣ, гдѣ онъ, хотя не столь сильнымъ, какъ въ небесахъ, но за

то болѣе приступнымъ для зрителя свѣтомъ сіяетъ: такъ пріятно въ чистыхъ источникахъ, Израилевыхъ, то есть въ проистекшихъ отъ Духа Божія глаголахъ Пророческихъ, духовнымъ окомъ, то есть Богомыслящимъ умомъ, созерцать образъ Солнца правды Господа нашего, Іисуса Христа, представленный, хотя въ не такомъ полномъ свѣтѣ, какъ въ Евангеліи, впрочемъ въ такихъ чертахъ, въ которыхъ внимательный созерцатель удобно можетъ усматривать Его Божественныя свойства, чудесныя дѣйствія, глубокія и спасительныя таинства.

Самъ святый Евангелистъ Матѳей почелъ не излишнымъ для Евангелія показать славу и таинство настоящаго дня въ изображеніи Пророка Захаріи. Прочитаемъ точныя слова Пророка, нѣсколько сокращенныя Евангелистомъ. „Радуйся зѣло, дщи Сіона, проповѣдуй, дщи Іерусалимля: се Царь твой грядетъ тебѣ праведенъ и спасаяй, той кротокъ, и всѣдъ на подъяремника и жребца юна“ (Зах. IX. 9.). Два предмета можно здѣсь разсматривать: дивное событіе пророчества, и новое пророчество событія.

Если бы еще и не открыто было событіе пророчества Захаріина по самому сему пророчеству, можно примѣчать, что имъ обѣщается дивное событіе. Кто бы могъ ожидать, чтобы какой ни будь царь, въ царственный городъ, торжественнымъ шествіемъ вступилъ на юномъ жребяти, рожденномъ отъ подъяремныя ослицы? И если бы кто явился въ такомъ видѣ съ именемъ царя: можно ли было думать, что его примутъ съ искреннымъ весельемъ и торжественными восклицаніями, а не съ посмѣяніемъ или пренебреженіемъ? Издревле цари побѣдоносные шествовали на коняхъ; мирные вельможи, по простотѣ древнихъ обычаевъ, путешествовали, правда, на ослицахъ; но на осля, рожденное отъ подъяремныя, то есть, отъ работной, носящей тяжести ослицы, и притомъ на осля юное, необученное, не отвыкшее отъ матери, царю возсѣсть, свойственно ли, вѣроятно ли было? Какъ же пришло на мысль Захаріи предсказывать торжественное

шéствіе и срѣтеніе Царя́, всѣ́дшаго на подъярéмника и̂ жребцá ю́на? Какъ моглó испóлниться такóе предсказáніе? И то и другóе не моглó быть инáче, какъ необыкновéннымъ, отъ Бóга устрóенным образомъ. По сей необычáйности предскáзываемаго дѣ́йствія, сáмые Іудéи признáютъ издрéвле до ны́нѣ, что прорóчество Захаріи о крóткомъ Царѣ́ отнóсится къ Мессíи, или́ инáче ко Христу́, хотя́ не узнáютъ Егó, бѣ́дные, въ крóткомъ Іису́сѣ.

Но éсли въ сáмомъ прорóчествѣ Захаріи ужé мóжно усмáтривать необычáйность собы́тія, имъ возвѣщáемаго: то внимáтельное разсмáтриваніе сáмаго собы́тія ещé бóлѣе мóжетъ откры́ть чудéснаго и прямо Божéственнаго.

Когдá какому́ царю́ надлежи́тъ торжéственно вступи́ть въ цáрственный гóродъ: торжéственность сія́ составля́ется посрéдствомъ предвари́тельныхъ разпоряжéній и приготовлéній. Но ничегó таковáго не ви́димъ у Гóспода нáшего, до сáмого дня, — почти́ до сáмого часá, цáрскаго вшéствія Егó въ Іерусали́мъ. Вчерá Онъ вечеря́лъ въ Виѳáніи, гдѣ воскреси́лъ Лáзаря; и при помáзаніи ногъ Егó му́ромъ, говори́лъ о предвари́тельныхъ распоряжéніяхъ не къ воцарéнію, а къ погребéнію Своему́. Бы́ло тамъ не мáло нарóда, но „не Іису́са рáди, тóкмѡ да и̂ Лáзаря ви́дятъ" (Іоан. XII. 9.). Сегó дня по утру́ идётъ Онъ въ Іерусали́мъ сопровождáемый ученикáми, тáкже какъ и въ другíе дни. „И̂дя́ше прéди", пи́шетъ святы́й Лу́ка, „восходя̀ во Іерусали́мъ" (Лук. XIX. 28.). Нѣтъ никаки́хъ приготовлéній. Никтó не ду́маетъ о Егó воцарéніи. „Си́хъ же не разумѣ́ша ученицы̀ е̂гѡ̀ прéжде" (Іоан. XII. 16.). Внезáпно сіé начинáется, и вдругъ совершáется. „И̂ бы́сть" Не дохóдя до Виѳсфагíи, не далёко ужё и отъ сáмаго Іерусали́ма, даётъ Онъ неожи́данное повелѣ́ніе: „и̂ бы́сть, я́кѡ прибли́жися въ Виѳсфагíю и̂ Виѳáнію, къ горѣ̀ нарицáемѣй Е̂леѡ́нъ, послà двá ученикà свои́хъ, глагóля: и̂ди́те въ прямну́ю вéсь: и̂ въ ню́же входя́ща ѡ̂бря́щета жребя̀ привя̀зано, на нéже никтóже николи́же ѿ человѣ́къ всѣ́де" (Лук. XIX. 29. 30.), — по другóму Евáнгелисту обстоя́тельнѣе: „ѻслà привя̀зано, и̂ жребя̀ съ

ни́мъ" (Мат. XXI. 2.). Примѣчáйте внимáтельно, какъ по и́стинѣ Божéственно дѣ́йствуетъ Божéственный Царь нашъ. Онъ ви́дитъ прорóчество; ви́дитъ бли́зкую мину́ту, когдá ему́ надлежи́тъ испóлнится: но ещé нѣтъ ору́дій къ исполнé-нію óнаго. Онъ взирáетъ не тѣлéснымъ óкомъ Свои́мъ, но Свои́мъ всевѣ́дѣніемъ: и потрéбное тóтчасъ обрѣтáет-ся. „Я́кіе обрѧщета осла́ привѧзано, и жребѧ́ съ ни́мъ." Чудéсно, какъ на́йденно сíé ору́діе, но и то не мéнѣе чудéсно, какъ онó взя́то. „Отрѣши́вша, приведи́та Ми́," глагóлетъ Онъ двумъ ученикáмъ. Гóсподи! могли́ бы ска-зáть посылáемые, — какъ мóжно сíé дѣ́лать, — отрѣ-ши́ть чужóе ослѧ́, неизвѣ́стнымъ послáнникамъ, и вести́, кудá не знáетъ хозя́инъ? Пóдлинно сíé моглó затрудни́ть Апóстоловъ; пóдлинно, ви́димая несбы́точность повелѣ-вáемаго моглó сопровождáться непослушáніемъ посылáе-мыхъ, éсли въ другóмъ слу́чаѣ встрéченно и́ми затруднé-ніе сопровождáлось и бѣ́гствомъ и отречéніемъ отъ Гó-спода; и тогдá бы дѣ́ло разруши́лось, и прорóчество не испóлнилось. Но и здѣсь Божéственное вѣ́дѣніе Царя́ нá-шего прови́дѣло готóвность посылáемыхъ, а Божéствен-ная власть Егó надъ сердцáми укрѣпи́ла ихъ проти́въ вся́-каго сомнѣ́нія. То же вѣ́дѣніе прови́дѣло вопрóсъ хозя́и-на ослѧ́ти: „почто̀ отрѣшáета"? Та же власть надъ серд-цáми предвари́тельно далá на сíé, по ви́димому, ни мáло не убѣги́тельный для незнакóмаго, но на сáмомъ дѣ́лѣ непреобори́мымъ оказáвшійся отвѣ́тъ: „Госпо́дь трéбуетъ" (Лук. XIX. 31.). И пóсланные взяли́, и привели́ ослѧ́, не-знáя, чье; и хозя́инъ ослѧ́ти отдáлъ егó не знáя, кому́ и на что. Мéжду тѣмъ нарóдъ многъ, не цáрски сóзван-ный, но „прише́дый въ прáздникъ" (Іоан. XII. 12.) не по глáсу провозвѣ́стника, но по слáвѣ воскресéнія Лáза-рева, исхóдитъ въ срѣ́теніе Іису́су; и объя́тый внезáп-нымъ востóргомъ, вмѣ́сто приготóвленныхъ украшéній, постилáетъ ему́ ри́зы, вмѣ́сто цáрскихъ знáменій и ору́жія, взéмлетъ вѣ́тви древéсныя; предшéствуетъ, послѣ́дуетъ, восклицáетъ Крóткому Царю́, безъ вся́кой цáрской пы́ш-ности несóмому спокóйно ослѧ́темъ; котóраго никакáя че-

ловѣческая рука́ не приобуча́ла до сей мину́ты ни къ какому бре́мени. Какъ произошли́ всѣ сіи́ неча́янности? по и́стинѣ, сіе́ все́ „бы́сть, да сбу́детсѧ рече́нное проро́комъ.“ Сбы́лось несбы́точное, дабы́ я́сно бы́ло ви́дно, что дѣйствуетъ Тотъ, у Кото́раго „не изнемо́жетъ вса́къ глаго́лъ.“ (Лук. I. 37.).

Ви́димъ ди́вное собы́тіе проро́чества Захарі́йна. Изощри́мъ взоръ, и уви́димъ въ са́момъ собы́тіи но́вое проро́чество еще́ бо́лѣе ди́внаго собы́тія.

Въ са́момъ дѣлѣ, что зна́читъ ца́рскій входъ Госпо́день въ Іерусали́мъ? Для чего́ столь ди́вное предсказа́ніе? Для чего́ тако́е мно́жество чуде́съ? Како́е намѣре́ніе столь необыча́йныхъ разпоряже́ній? Како́е послѣдствіе сихъ Боже́ственныхъ дѣйствій? Како́й плодъ вели́чественнаго, но столь скоропреходя́щаго явле́нія Царя́ Сіо́нскаго? Какъ мо́лнія открыва́ется надъ Іерусали́момъ ца́рствіе небе́сное, и какъ мо́лнія, поглоща́ется о́бластію тёмною. То́лько еще́ собира́ется наро́дъ, чтобы́ итти́ въ срѣтеніе Царю́ пра́ведному и спаса́ющему; не пра́вда уже́ замышля́етъ поги́бель и Ему́ и просла́вившему Его́ Ла́зарю „совѣща́ша же архіере́е, да и Ла́зара убіютъ“ (Іоан. XII. 10.). Еще́ о́троки отъ полноты́ чи́стихъ серде́цъ восклица́ютъ въ це́ркви: власти́тели и мудрецы́ „архіере́е и книжницы уже негоду́ютъ“ (Мат. XXI. 15.), и отъ избы́тка зло́бы не могу́тъ скрыть своего́ негодова́нія. Сего́ дня говоря́тъ дще́ри Сіо́новой: „се Царь твой гряде́тъ тебѣ“: а чрезъ нѣсколько дней та же дщерь Сіо́нова, то есть, наро́дъ Іерусали́мскій, скаже́тъ „не и́мамы царя́“ (Іоан. XIX. 15.), и са́мый сей Царь отрече́тся отъ ви́димаго при́зрака ца́рства; „ца́рство Мое скажетъ Онъ „нѣсть отъ мі́ра сего́“ (Іоан. XVIII. 36.); Сего́ дня: „оса́нна Сы́ну Дави́дову“ (Матѳ. XXI. 9.), а вско́рѣ по́слѣ сего́: „распни́ его́“ (Іоан. XIX. 15.)! на что же сіе́ блиста́тельное, но исчеза́ющее зрѣлище! Ты сказа́лъ уже́, возразя́тъ мнѣ, что „сіе все бы́сть, да сбу́детсѧ рече́нное проро́комъ.“ Я сказа́лъ, что сіе́ такъ ди́вно предска́зано для того́, чтобы́ мо́жно бы́ло узна́ть

въ предсказаніи слово Божіе; и такъ дивно исполнилось, чтобы можно было узнать въ событіи дѣло Божіе. Но почто и слово Божіе предваряло, и дѣло Божіе послѣдовало? Когда Богъ, Который „рече, и быша" (Псал. XXXII. 9.), „и се вся добра зѣло" (Быт. 1. 31.), посылаетъ слово Свое, да сбудется потомъ и самое дѣло Его: надобно, чтобы отъ сего произошло нѣкое существенное и твердое благо, а не одинъ мгновенный призракъ. Иначе почто предпріемлется дѣло Божіе? Почто исходитъ слово Божіе, и почто нисходитъ оно даже до такихъ ничтожныхъ, по видимому, подробностей, какъ возрастъ осляти? Но, можетъ быть, изысканныя сіи вопрошенія начинаютъ уже казатся дерзновенными, а еще не обрѣтаютъ искомаго. По крайней мѣрѣ, не примѣчаете ли, что въ славѣ настоящаго дня должна быть сокрыта нѣкая тайна, хотя мы не дошли еще до ея открытія? Не имѣете ли уже загадки, хотя еще не угадываете ея разрѣшенія? Дойдя до сего, чтобы не выйти изъ предѣловъ вашего вѣроятія умолкаю. Пусть говоритъ вмѣсто меня, и разрѣшитъ вамъ загадку, и откроетъ вамъ тайну, святый Златоустъ.

Здѣ, говоритъ онъ, изъясняя таинство входа Господня въ Іерусалимъ „Церковь чрезъ жребя изъясняется и новые люди, прежде убо нечистіи, егда же всѣде Іисусъ, чисти содѣлавшіися. И зри всюду подобіе соблюдаемо. Ученицы бо отрѣшаютъ осла́та: отъ Апостолъ бо и оніи (то есть Іудеи), и мы (то есть Христіане изъ язычества), призвахомся. Отъ Апостолъ приведохомся, понеже и наше благоискуство онѣхъ къ ревности подвиже. Сего ради является осля, послѣдуя жребяти. Егда бо всядетъ Христосъ на языцы тогда пріидутъ и Іудее ревнующе имъ. И сіе явлая. Павелъ глаголаше: яко ослѣпленіе отчасти Израилеви бысть, дондеже исполненіе языковъ внидетъ, и тако весь Израиль спасется. Яко бо пророчество бѣ, явственно есть отъ реченныхъ. Не бо было тщаніе пророку, съ толикимъ опаствомъ осляти возрасть рещи, аще бы не сіе было. Не сія же токмо изъясняются реченными, но яко и со удобствомъ ихъ приведутъ Апостолы. Якоже

бо здѣ никто́же сопроти́въ рече̑ хотя́щымъ взяти́ та́кѡ и҆ ѿ ꙗ҆зы́цѣхъ никто́же возмо́же возбрани́ти е҆́млющымъ и҆̀хъ А҆по́столѡмъ пре́жде. Не вѣ́даетъ же на нага́го жребца̀, но на ри́зы А҆по́стольскаѧ. Поне́же бо жребя̀ ѿ и҆́нѣхъ прїѧ́ша, то и҆ своѧ̑ ѹ҆жѐ вся̑ ѿдаю́тъ, ꙗ҆́коже Па́велъ глаго́лаше: а҆́зъ же въ сла́дость и҆жди́вꙋ и҆ и҆ждиве́нъ бꙋ́дꙋ по дꙋша́хъ ва́шихъ. Смотрѝ же послꙋ́шность жребца̀, ка́кѡ не ѡ҆бꙋче́нъ сы́й, и҆ ѹ҆зды̀ не и҆скꙋ́сенъ, не возскака̀, но благочи́ннѣ и҆дя́ше. И҆ сїѐ проро́чество бꙋ́дꙋщагѡ е҆́сть, поко́рность ꙗ҆зы́къ ꙗ҆вля́ющее и҆ неза́пное и҆́хъ къ благочи́нїю приложе́нїе. Ꙗ҆́кѡ вся̑ содѣ́ла сло́во глаго́лющее: ѿрѣ́шивша приведи́та Ми: да безчи́ннаѧ благочи́нна, и҆ нечи́стаѧ ѹ҆жѐ чи́ста бꙋ́дꙋтъ" (На Матѳ. бесѣд. 66.).

До здѣ святы́й Златоу́стъ. Повтори́мъ уче́нiе сего́ таинства Христо́ва такъ, чтобы́, е́сли мо́жно, сдѣ́лать о́ное бо́лѣе внятнымъ. Входъ Госпо́день въ Іерусали́мъ не есть просто́е изъявле́нiе настоящаго, но па́че проро́чество и предзнаменова́нiе бу́дущаго воцаре́нiя Его́. Ца́рство Его́ не есть сей Іерусали́мъ, кото́рый вско́рѣ разру́шатъ, или́ земля́ Іуде́йская, кото́рую вско́рѣ поработя́ть и опустоша́тъ, но Це́рковь, кото́рой и „врата̀ а҆́дова не ѡ҆долѣ́ютъ" (Матѳ. XVI. 18.). Осля́ и жребя́, на кото́ромъ Онъ возсѣда́етъ для ца́рскаго Своего́ ше́ствiя, означа́ютъ два ро́да людей, надъ кото́рыми Онъ пришёлъ духо́вно ца́рствовать, — Іуде́евъ и язы́чниковъ. Осля́ подъяре́мное есть о́бразъ Іуде́евъ, до́лго носи́вшихъ на вы́яхъ свои́хъ и́го зако́на; „и҆́го, е҆гѡ́же" — признается лу́чшiй изъ нихъ — „ни ѻ҆тцы̀ на́ши, ни мы̀ возмого́хомъ понести́" (Дѣя́нъ. XV. 10.), и кото́рое потому́ ну́жно бы́ло перемѣни́ть на и́го Христа́ благо́е, и вре́мя Его́ лёгкое. Жребя́ необуче́нное знаменуетъ язы́чниковъ, неукроще́нныхъ уче́нiемъ не зна́ющихъ зако́на. Апо́столы безпрепя́тственно беру́тъ осля́ и жребя́: то есть, Апо́столы, не смотря́ на препя́тствiя, покоря́ютъ Ца́рствiю Христо́ву Іуде́евъ и язы́чниковъ. Госпо́дь возсѣда́етъ на жребя́; осля́ за нимъ послѣ́дуетъ: то есть, сперва́ покоря́ются ца́рствiю Христо́ву бо́льшею ча́стiю язы́чники, а когда́ пред-

опредѣлённые изъ язы́чниковъ войду́тъ въ по́лноту Це́ркви, тогда́ и оста́вшіе Іуде́и обратя́тся, и пости́гнутъ ихъ. Необучённое жребя́ благочи́нно несе́тъ на себѣ́ Царя́: то есть, невѣ́жественные и своево́льные пре́жде язы́чники вско́рѣ обра́зуются уче́ніемъ и за́повѣдями Христо́выми. Ри́зы постила́ютъ Царю́: то есть, соверше́нные послѣдователи Христо́вы всё своё отдаю́тъ Ему́. Дѣ́ти пріе́млютъ и славосло́вятъ Царя́: то есть, сердца́, дѣ́тскія по простотѣ́ и и́скренности пріе́млютъ Христа́ вѣ́рою, прославля́ютъ Его́ любо́вію.

Христіа́не, сынові́я ца́рствія Христо́ва! Е́сли ви́димъ сла́ву, или́ проника́емъ та́йну настоя́щаго торже́ства: не попусти́мъ, чтобы́ оно́ прошло́ ми́мо насъ, какъ посторо́ннее для насъ зрѣ́лище; и́бо въ семъ слу́чаѣ мы оста́лись бы посторо́нними и чу́ждыми для ца́рствія Христо́ва. Посыла́етъ ли кого́ изъ насъ Госпо́дь на како́е служе́ніе? Бу́демъ безъ испыта́нія послу́шны, какъ Апо́столы. Тре́буетъ ли отъ насъ чего́? Предади́мъ Ему́ всё безпрекосло́вно, какъ неизвѣ́стный, при и́мени Го́спода, отда́лъ свою́ со́бственность; предади́мъ доброво́льно, хотя́ бы то бы́ло съ лише́ніемъ потре́бнаго для насъ, какъ то сдѣ́лали постила́вшіе ри́зы свои́. Ходи́лъ ли кто доны́нѣ въ во́лѣ се́рдца своего́? Преклони́сь отны́нѣ подъ и́го Христо́во. Ду́маетъ ли кто, что образова́лъ себя́ исполне́ніемъ нра́вственнаго зако́на? Послѣ́дуй за Христо́мъ, „а҆́ще хо́щеши соверше́нъ бы́ти“ (Матѳ. XIX. 21.). Всѣ воззовёмъ дѣ́тскимъ, и́скреннимъ се́рдцемъ: „ѡ҆са́нна Сы́нꙋ Дави́довꙋ! Хо́щемъ семꙋ̀, да ца́рствꙋетъ надъ на́ми (Лук. XIII. 14.) во вѣ́ки.“ Ами́нь.

---

6. СЛО́ВО.

Въ вели́кій понедѣ́льникъ на у́трени.

„Гряды́й Госпо́дь къ во́льнѣй стра́сти, Апо́столωмъ глаго́лаше на пу́ти: се̑ восхо́димъ во Іерусали́мъ, и̑ преда́стся Сы́нъ Человѣ́ческій, я̑коже е̑сть пи́сано ω̑ не́мъ. Пріи̑ди́те у̑́бω и̑ мы, ω̑чи́щенными смы́слы сше́ствуемъ є̑му̀, и̑ распне́мся и̑ у̑мертви́мся є̑гὼ ра́ди жите́йскимъ сла́стемъ, да и̑ ω̑живе́мъ съ Ни́мъ.“ На хвал. стих. 1.

Съ нынѣ́шнимъ у́тромъ, бра́тія, начала́сь свяще́нная Седми́ца страда́ній Христо́выхъ — вре́мя въ цѣ́ломъ го́ду са́мое ва́жное: посему́ ка́ждому изъ настоя́щихъ дней изда́вна усвоено́ назва́ніе **вели́каго и чи́стаго**. И дни сі́й по́длинно вели́ки, по чрезвыча́йнымъ собы́тіямъ, въ нихъ происходи́вшимъ, — по́длинно чи́сты по той осо́бенной чистотѣ́, съ кото́рою прово́дятъ ихъ и́стинные Христіа́не, и кото́рую могу́тъ они́ доста́вить вся́кому провожда́ющему ихъ, какъ до́лжно. Посему́-то Св. Це́рковь ны́нѣ, при са́момъ нача́лѣ вели́кихъ и святы́хъ дней, оглаша́етъ слухъ нашъ осо́беннымъ воззва́ніемъ, приглаша́я къ досто́йному провожде́нію о́ныхъ; и чтобы́ сіе́ воззва́ніе бы́ло тѣмъ дѣйстви́тельнѣе, обраща́етъ его́ къ намъ отъ лица́ самаго́ Го́спода: „гряды́й Госпо́дь къ во́льнѣй стра́сти, Апо́столωмъ глаго́лаше на пу́ти,“ и проч.

Госпо́дь глаго́лалъ о своём пути́ Апо́столамъ; — но мо́жно ли сказаннаго Имъ не отне́сть къ себѣ́ вся́кому, кто то́кмо слы́шитъ о́ное? — Госпо́дь возбужда́лъ внима́ніе къ свои́мъ страда́ніямъ въ пе́рвыхъ ученика́хъ свои́хъ; — но како́й са́мый послѣ́дній учени́къ не почу́вствуетъ себя́ обя́заннымъ къ тому́ же? — Мы торже́ствовали всѣ ва́жныя собы́тія въ земно́й жи́зни Го́спода на́шего: Его́ чуде́сное зача́тіе, пресла́вное рожде́ніе, ди́вное принесе́ніе во храмъ, еще́ бо́лѣе ди́вное креще́ніе, и вчера́шнее вше́ствіе во Іерусали́мъ: — мо́жемъ ли не

раздѣли́ть съ Нимъ и послѣднихъ мину́тъ Его́? — Те-пе́рь, тепе́рь осо́бенно до́лжно яви́ть любо́вь и усе́рдіе, когда́ всѣ оставля́ютъ Его́! Ра́звѣ не за насъ Онъ идётъ на крестъ? Ра́звѣ не на́ши грѣхи́ бу́дутъ омыва́ться Его́ кро́вію? И мы позво́лимъ себѣ́ отсу́тствіе въ э́то вре́мя? — Нѣтъ бра́т., пріи́дите вси ма́лые, и вели́кіе, просвѣще́-ные и просты́е, ста́рые и ю́ные, пріи́дите, соедини́мся въ ду́хѣ вѣ́ры и любви́, и пойдёмъ бо́дренною мы́слею за свои́мъ Спаси́телем; не опусти́мъ безъ внима́нія ни од-наго́ Его́ сло́ва; раздѣ́лимъ всѣ Его́ чу́вства; выйдёмъ въ духъ всѣхъ Его́ посту́пковъ. И человѣ́ки предъ сме́ртію говоря́тъ и дѣ́йствуютъ рази́тельнѣе: тѣмъ па́че Богоче-ловѣ́къ. — И такъ, усугуби́мъ внима́ніе; па́че же всего́ очи́стимъ смыслъ. И́бо, какъ оча́ми напо́лненными пра́ха, нельзя́ ви́дѣть хорошо́ са́мыхъ вели́кихъ и я́вственныхъ предме́товъ: такъ съ умо́мъ, напо́лненнымъ нечи́стыми мы́слями о земны́хъ блага́хъ, не возмо́жно созерца́ть Бо-же́ственнаго вели́чія страда́ній Христо́выхъ. Но, къ со-жалѣ́нію, у мно́гихъ смыслъ и вся душа́ никогда́ такъ не быва́ютъ нечи́сты, испо́лненны суе́тъ жите́йскихъ, какъ въ э́ту святу́ю и чи́стую Седми́цу. Забо́ты объ оконча́ніи разли́чныхъ дѣлъ до пра́здника, забо́ты о приготовле́ніи разли́чныхъ веще́й къ пра́зднику развлека́ютъ умъ на всѣ сто́роны, и разсѣ́еваютъ чу́вство по предме́тамъ са́мымъ су́етнымъ. Оттого́ богослуже́нія, да́же са́мыя, ва́жныя, на-приме́ръ, Часы́ въ вели́кій Пято́къ, почти́ во́все не посѣща́-ются; други́я благослуже́нія посѣща́ются не всецѣ́ло; мно́-гое изъ чита́емаго въ Це́ркви, и прито́мъ са́маго ва́жнаго, какъ то повѣствова́нія четырёхъ Ева́нгелистовъ о жи́зни Іи-су́са Христа́, опуска́ется безъ осо́беннаго внима́нія, какъ посторо́ннее; — и о́бразъ страда́ній Христо́вихъ, начерта́н-ный Церко́вію въ обря́дахъ ея́ съ тако́ю му́дрою подро́б-ностію и тро́гательностію быва́етъ созерца́емъ во всей полнотѣ́ своей ра́звѣ одни́ми А́нгелами, вы́ну присуству́-ющими въ Храма́хъ Бо́жіихъ. Ахъ, бра́т., не тако́го смы́сла, разсѣ́яннаго, пода́вленнаго земны́ми чу́вствами, тре́буетъ отъ насъ свята́я и вели́кая Седми́ца! — Мы бу-

чи́сто! — Почему́ такъ не льзя быть и у насъ? — То́лько на́ша су́етность измышля́етъ мно́жество мѣлкихъ, ненуждныхъ нуждъ, и удовлетворе́ніемъ ихъ му́читъ сама́ себя́ и други́хъ; то́лько ненасы́тимость на́шей пло́ти увеличива́етъ чрезъ мѣру потре́бности свѣтлыхъ дней, ко́и сами́ по себѣ бу́дучи пита́тельны для ду́ха, потому́ самому́ ме́нѣе тре́буютъ пи́щи для пло́ти. Такъ, бра́т., наступа́ющій пра́здникъ тре́буетъ немно́гаго: потому́ что онъ самъ въ себѣ заключа́етъ весьма́ мно́го, — мно́го пи́щи и пи́тія́ духо́внаго, мно́го наслажде́ній и сла́достей серде́чныхъ. Е́сли въ продолже́ніе его́ сли́шкомъ мно́го намъ ка́жется ну́жднаго для пло́ти; то э́то потому́, что нашъ духъ не наслажда́ется ра́достями, заключа́ющимися въ само́мъ пра́здникѣ; а не наслажда́ется потому́, что неспосо́бенъ вку́шать духо́вныхъ благъ; а не спосо́бенъ оттого́, что нахо́дясь въ ра́бствѣ пло́ти, всегда́ алка́лъ наслажде́ній то́лько чу́вственныхъ, небре́гъ объ очище́ніи своего́ вку́са и про́чихъ чувствъ. Оттого́ мы вообще́ по́слѣ прису́тствія, ча́сто одни́мъ тѣломъ, при богослуже́ніи, незна́емъ, въ чёмъ друго́мъ и поста́вить пра́здникъ, какъ то́лько во мно́жествѣ бра́шенъ, въ шу́мѣ увеселе́ній, простира́ющемся не рѣдко до помраче́нія смы́сла и всѣхъ чувствъ. Таки́мъ о́бразомъ у насъ всё Ца́рство Бо́жіе съ его́ вели́кими собы́тіями, вся вѣра съ ея́ святѣ́йшими таи́нствами наибо́лѣе выража́ется продолжи́тельнѣйшимъ служе́ніемъ чре́ву, — бра́шномъ и питіе́мъ. — „Пра́вда и̑ ми́ръ и̑ ра́дость ѿ Дꙋ́сѣ свя́тѣ“ (Рим. XIV, 17), чи́стыя наслажде́нія се́рдца, святы́я восто́рги ду́ха, — что составля́етъ гла́вный плодъ вѣры, су́щность вся́каго и́стиннаго пра́зднества, — намъ или́ во́все неизвѣстны, или́ по одному́ и́мени. Состоя́ніе по и́стинѣ са́мое плаче́вное! Издѣсь-то гла́вная причи́на превраще́нія поря́дка веще́й и всѣхъ пра́зднествъ, осо́бенно настоя́щихъ вели́кихъ и святы́хъ дней. Бу́дучи сами́ соверше́нно земны́, мы оземленя́емъ и пра́здники Бо́жіи; бу́дучи пло́тски, мы изъ сама́го креста́ Христо́ва дѣлаемъ возгла́віе для на́шей пло́ти. Но всту́пимъ на проти́вный путь, и всё приме́тъ дру-

гóй истинный и прáвильный видъ. Проведёмъ сію недѣлю какъ должнó; выполнимъ трéбованія Церкви; пойдёмъ за грядущимъ на страдáнія Гóсподомъ; распнéмся съ Нимъ всѣмъ „сла́стемъ жите́йскимъ"; — и мы безъ большихъ приготовлéній для плоти найдёмъ въ грядущемъ прáзднествѣ то, чегó никогдá прéжде не находили: неистощимую пищу для духа и весéліе для сéрдца. Наслаждéніе духóвными благáми, заключáющимися въ прáздникахъ, сдѣлаетъ насъ равнодушными къ благáмъ чувственнымъ, съ ними соединéннымъ; мы престáнемъ измѣрять великость священныхъ дней продолжительностію нáшихъ трапéзъ и разнообрáзіемъ снѣдéй; а вмѣстѣ съ тѣмъ самó собóю спадётъ съ насъ множество излишнихъ суéтъ, кои отнимáютъ у насъ тепéрь драгоцѣнное врéмя и не даютъ намъ послѣдовать за нáшимъ Гóсподомъ. Такимъ óбразомъ самъ собóю безъ усилій, непримѣтно востанóвится прáвильный порядокъ вещéй, дней и занятій.

Ещé повторю, брáт., сдѣлаемъ сей святый óпитъ; рѣшимся въ сіи дни какъ мóжно бóлѣе врéмени отдáть Гóсподу, и какъ мóжно мéнѣе міру; рѣшимся собрáть всѣ мысли и чувства и устремить ихъ во слѣдъ грядущаго на страдáнія Гóспода. Мнóго разъ ужё протекáли священные дни сіи для насъ безъ пóльзы, мóжетъ быть дáже со врéдомъ душéвнымъ; проведёмъ ихъ хотя единóжды, какъ должнó. Такóе провождéніе ихъ обыкновéнно кáжется скучнымъ, и посему-то наиболѣе егó отвращáются. А мы, отъ имени св. Цéркви, отъ имени самогó грядущаго на страдáнія Спасителя нáшего, дерзáемъ увѣрить васъ, что надлежáщее провождéніе сихъ святыхъ дней заключáетъ въ себѣ такую внутреннюю слáдость, что кто разъ проведётъ ихъ, какъ должнó, не будетъ имѣть нужды въ нóвомъ побуждéніи къ тому, чтобы проводить ихъ такимъ образомъ и всегдá. Аминь.

---

7. СЛО́ВО.

Въ вели́кій понедѣльникъ, на литу́ргіи.

„Гряды́й Госпо́дь къ во́льнѣй стра́сти А҆по́столѡмъ глаго́лаше на пꙋтѝ: сѐ восхо́димъ во Їерꙋсали́мъ, и҆ преда́стсѧ Сы́нъ Человѣ́ческій, ꙗ҆́коже є҆́сть пи́сано ѡ҆ Не́мъ. Прїиди́те ᲂу҆̀бѡ и҆ мы̀, ѡ҆чи́щенными смы́слы сшє́ствꙋимъ Є҆мꙋ̀, и҆ распне́мсѧ и҆ ᲂу҆мерт́вимсѧ Є҆гѡ̀ ра́ди жите́йскимъ сла́стємъ, да и҆ ѡ҆живе́мъ съ Ни́мъ.“ На Вечер. стих. 1.

Послѣ́дуя Це́ркви, повторя́ющей въ свои́хъ пѣснонѣ́ніяхъ приглаше́ніе, сше́ствовать гряду́щему на страда́нія Го́споду, и я бра́т., поче́лъ за долгъ повтори́ть о́ное, и ещé останови́ть на нёмъ ва́ше внима́ніе. Въ у́треннемъ собесѣ́дованіи на́шемъ, мы разсужда́ли о необходи́мости сше́ствовать въ ду́хѣ Го́споду и объ удале́ніи препя́тствій къ тому́; но не показа́ли спосо́ба къ соверше́нію сего́ свя́таго дѣ́ла, не указа́ли подро́бно самаго́ пути́, ко́имъ должно́ итти́. А и э́то мо́жетъ быть весьма́ ну́жно для мно́гихъ. Увы́, немно́гіе изъ насъ умѣ́ютъ сами́ итти́ за свои́мъ Спаси́телемъ! Немно́гіе умѣ́ютъ надлежа́щимъ о́бразомъ по́льзоваться да́же тѣ́ми путя́ми, ко́и открыва́етъ для сего́ св. Це́рковь! Посему́ нашъ долгъ препода́ть каса́тельно сего́ свята́го дѣ́ла нѣ́сколько пра́вилъ, ко́и могли́ бы служи́ть руково́дствомъ.

Пе́рвый путь, бра́т., къ сше́ствованію за Христо́мъ во дни страда́нія Его́, есть постоя́нное присутствова́ніе въ сíи́ дни при богослуже́ніяхъ Церко́вныхъ. Богому́дрые отцы́ Це́ркви такъ соста́вили и расположи́ли богослуже́нія настоя́щей недѣ́ли, что въ нихъ жи́во отража́ется весь о́бразъ и вся постепе́нность страда́ній Христо́выхъ. Храмъ попеременно представля́етъ собо́ю то Сіо́нскую го́рницу и Геѳсима́нію, то Голго́ѳу и вертогра́дъ Іо́сиѳовъ. Посему́ кто постоя́нно въ хра́мѣ, тотъ ви́димо сше́ствуетъ Го́споду, гряду́щему на страда́нія. Но, къ сожалѣ́нію,

путемъ симъ, всегда открытымъ для каждаго, многіе не пользуются постоянно; и что наиболѣе достойно слезъ, многіе сходятъ съ него тогда, когда онъ начинаетъ пролегать прямо у креста и гроба Іисусова. Я разумѣю утреннее богослуженіе великой Субботы. Какъ немногими, въ сравненіи другихъ дней посѣщаются сіи богослуженія! А первое—часы великаго Пятка, богослуженіе весьма важное уже тѣмъ, что совершается въ самое время распятія Христова и все приспособлено къ сему времени, почти никѣмъ не посѣщается! Смотря въ сіе время на пустоту въ храмѣ Божіемъ, невольно воспоминаешь изреченіе Пророка: „поражꙋ пастырѧ, и расточатсѧ овцы стада" (Зах. XIII. 7.): и другое—Евангелиста: „оставльше его, вси бѣжаша!" (Мар. XIV, 50.).

Вторый путь къ шествованію за Христомъ въ настоящіе дни есть благоговѣйное чтеніе въ Евангеліи послѣднихъ бесѣдъ и страданіи Его. Средство сіе есть всегда одно изъ дѣйствительнѣйшихъ къ тому, чтобы приближиться въ духѣ къ Господу; но тѣмъ паче оно не должно быть оставлено безъ употребленія въ продолженіе настоящей недѣли. Церковь сама предшествуетъ въ употребленіи его, оглашая въ продолженіе первыхъ трехъ дней слухъ нашъ чтеніемъ четырехъ Евангелистовъ. И внимательнаго слышанія при семъ чтеніи достаточно для тѣхъ, кои сами не могутъ читать. Но кои могутъ, тѣ непремѣнно должны сами читать дома и для себя и для другихъ. При слушаніи въ Церкви, по великому количеству читаемаго, многое можетъ ускользать отъ вниманія; а домашнее чтеніе, зависящ отъ произвола читающаго, представляетъ всю удобность слѣдовать за Господомъ всѣми мыслями и чувствами. Способъ повѣствованія Евангелистовъ таковъ, что при чтеніи ихъ самъ собою оживаетъ въ умѣ читающаго весь образъ страданій Христовыхъ, и наполняетъ душу неизъяснимымъ умиленіемъ: ибо они повѣствуютъ весьма просто, безъ всякихъ умствованій, изображаютъ событія, какъ онѣ происходили, въ ихъ живой цѣлости. Посему, читая

Евангеліе, невольно преносишся въ умѣ на мѣсто событій, принимаешъ живое участіе въ происходящемъ, идёшь за Спасителемъ и страждешь съ Нимъ.

Третій путь къ спѣшествованію за Господомъ въ настоящіе дни есть благоговѣйное размышленіе о Его страданіяхъ. Безъ сего размышленія малоплодно и присутствіе въ храмахъ, и слышаніе, и чтеніе Евангелія: а Христіанское размышленіе, въ случаѣ необходимости, одно можетъ замѣнить другія средства. Ибо чрезъ размышленіе мы вообще сближаемся съ лицами и вещами самыми отдаленными, усвояемъ ихъ себѣ, и какъ бы вводимъ въ свою душу. — Но какъ размышлять о страданіяхъ Господа? Прежде всего представь ихъ, какъ можно живѣе, въ своёмъ умѣ, по крайней мѣрѣ въ главныхъ чертахъ, напримѣръ: какъ онъ преданъ, сужденъ и осужденъ; какъ несъ крестъ и вознесенъ на крестъ; — какъ вопіялъ ко Отцу въ Гевсиманіи и на Голгоѳѣ и предалъ Ему духъ свой; — какъ снятъ со креста и погребенъ. Кто не въ состояніи здѣлать сего? Потомъ спроси самаго себя, за что и для чего претерпѣлъ столько страданій Тотъ, кто не имѣлъ никакого грѣха, и, какъ Сынъ Божій, имѣлъ всё право на вѣчную и временную славу и блаженство. Св. вѣра скажетъ тебѣ, что Господь страдалъ за міръ, за грѣшниковъ, и слѣд. за тебя; страдалъ, чтобы удовлетворить за всѣхъ насъ правосудію Божію, искупить насъ отъ грѣха и смерти, подать намъ примѣръ терпѣнія и самоотверженія. Потомъ вопроси ещё: чего требуется отъ грѣшника для того, чтобы смерть Спасителя не оставалась для него безплодною; что должно дѣлать каждому, чтобы дѣйствительно участвовать въ спасеніи, пріобрѣтенномъ на Голгоѳѣ для всего міра? Таже вѣра скажетъ тебѣ, что для сего требуется усвоеніе умомъ и сердцемъ заслугъ Христовыхъ, покаяніе и подражаніе Христу въ благой жизни. Послѣ сего совѣсть сама ужё спроситъ тебя: исполняешь ли ты сіи условія, усвояешь ли себѣ спасеніе Христово, ожилъ ли ты Его смертію? — и сама дастъ отвѣтъ на сіе. Такое размышленіе (а кто не

способенъ къ нему?) удивительно какъ скоро приближаетъ грѣшника къ его Спасителю, тѣсно и на всегда союзомъ любви связуетъ съ крестомъ Его, сильно и живо вводитъ въ участіе того, что происходитъ на Голгоѳѣ.

Четвертый путь къ шествованію за Христомъ въ настоящіе дни есть путь поста, исповѣди и причащенія, иначе-говѣнія. Постъ, облегчая наше тѣло, а чрезъ то и душу, дѣлаетъ насъ способнѣе къ слѣдованію за Христомъ по тернистому пути Его. Исповѣдь очищая и облегчая совѣсть, производитъ еще большую легкость духовную, и естественно заставляетъ не выпускать, такъ скажу, изъ виду Спасителя, страждущаго за тѣ грѣхи, въ коихъ мы приносимъ покаяніе. А причащеніе не только приближаетъ насъ ко Господу, но и соединяетъ съ Нимъ самымъ неразрывнымъ образомъ. И когда брат., приличнѣе наблюдать св. постъ, какъ не въ сіи дни, когда „ѿимется женихъ" душъ? (Матѳ. IX, 15.). Когда Онъ самъ алчетъ у безплодной смоковницы, жаждетъ на крестѣ? Гдѣ естественнѣе слагать тяжесть грѣховъ посредствомъ исповѣди, какъ не у подножія креста? Въ такое время лучше причащаться изъ чаши жизни, какъ не въ наступающіе дни, когда она подается намъ, можно сказать, изъ рукъ самаго Господа! — По истинѣ, кто, имѣя возможность приступать въ сіи дни къ святой трапезѣ, уклоняется отъ ней; тотъ явно уклоняется отъ самаго Господа, бѣжитъ отъ своего спасенія.

На конецъ послѣдній, очевидный путь къ шествованію за Христомъ въ настоящіе дни, есть шествованіе за Нимъ въ меньшей Его братіи, оказаніе, во имя Его, помощи бѣдствующему человѣчеству. Путь сей можетъ казаться удаленнымъ и непрямымъ; но въ самомъ дѣлѣ онъ чрезвычайно близокъ, удобенъ и прямъ. Ибо Спаситель нашъ столько любвеобиленъ, что всё, дѣлаемо нами во имя Его для страждущаго человѣчества, усвоетъ лично Себѣ самому. На самомъ страшномъ судѣ Своёмъ Онъ потребуетъ у насъ особенно дѣлъ милосердія къ ближнимъ, и на нихъ утвердитъ наше оправданіе или осуж-

де́ніе. Па́мятуя сіе́, возлю́бленный, никогда́ не пренебрега́й драгоцѣ́нной возмо́жности облегча́ть страда́нія Го́спода въ Его́ ме́ньшей бра́тій, а осо́бенно воспо́льзуйся е́ю въ настоя́щіе дни. Посѣти́въ темни́цу, и облегчи́въ, чѣмъ мо́жешь, у́часть у́зниковъ, ты лу́чше сдѣлаешь, не́жели когда́ бы изъ любви́ къ Го́споду прису́тствовалъ въ прето́ріи Пила́та; доста́вивъ пропита́ніе, какому́-либо бѣ́дному семе́йству, ты бо́лѣе здѣ́лаешь не́жели когда́ бы прине́съ на Голго́ѳу вино́ со сми́рною; одѣ́въ нага́го, пока́жешь усе́рдіе не ме́нѣе Іо́сифа, предста́вившаго плащани́цу.

Таковы́, бра́т. гла́вные и откры́тые для всѣхъ пути́, ко́ими Христиа́нинъ, въ настоя́щіе дни мо́жетъ спу́тствовать гряду́щему на страда́нія Го́споду. Есть нема́ло и други́хъ путе́й къ сему́, бо́лѣе возвы́шенныхъ и таинственныхъ; но они́ удобопроходи́мы то́кмо для душъ восвы́шенныхъ и чи́стыхъ, ко́и привы́кли слѣ́довать постоя́нно за свои́мъ Спаси́телемъ и жить Его́ жи́знію. Но таковы́я ду́ши „не тре́бꙋютъ да кто̀ оу҆чи́тъ и҆́хъ“ (1. Іоан. II, 27.); и́бо самъ Госпо́дь, за ко́имъ онѣ́ всегда́ гряду́тъ, наставля́етъ ихъ „на вся́кꙋ и҆́стинꙋ“ (Іоан. XVI, 13.). Для насъ же дово́льно и тѣхъ путе́й, ко́и мы ви́дѣли; и́бо нѣтъ человѣ́ка, кото́рый бы не могъ вступи́ть хотя́ на оди́нъ изъ нихъ, и вступи́въ, не прі́йти́ туда́, куда́ всѣмъ должно́ прі́йти́. Пу́сть ты по бѣ́дности свое́й, не мо́жешь напита́ть и одѣ́ть Го́спода въ ме́ньшей бра́тіи Его́; приими́ самъ отъ Него́ пи́щу въ Евхари́стіи, оде́жду оправда́нія въ и́сповѣди, облегче́ніе въ постѣ́. Не мо́жешь говѣ́ть? посѣща́й Це́рковь и моли́сь. Не мо́жешь быть въ Це́ркви? чита́й Ева́нгеліе. Не мо́жешь и э́того? Размышля́й съ моли́твою о страда́ніяхъ Го́спода. Послѣ́днее, я́вно, возмо́жно для вся́каго и вездѣ́, на пути́ и до́ма, на са́момъ одрѣ́ болѣ́зни и въ темни́цѣ. Но и́дя и симъ одни́мъ путе́мъ моли́твеннаго размышле́нія, мо́жно вполнѣ́ дости́гнуть цѣ́ли, то есть раздѣли́ть съ Го́сподомъ Его́ страда́нія и смерть. Я говорю́ раздѣли́ть и смерть; и́бо Христіа́нинъ, до́лженъ не спу́тствовать то́кмо Го́споду, но

и разпя́ться съ Нимъ. Но о семъ чрезвыча́йно ва́жномъ предме́тѣ, въ ко́емъ вся су́щность христіа́нства, побѣсе́дуемъ, е́сли бу́детъ уго́дно Го́споду, за́втра. Ами́нь.

---

8. СЛО́ВО.

Въ вели́кій Вто́рникъ.

Гряды́й Госпо́дь къ во́льнѣй стра́сти, Апо́столωмъ глаго́лаше на пꙋти̇̀: се̇̀ восхо́димъ во Іерꙋсали́мъ, и̇ преда́стся Сы́нъ Человѣ́ческій, я̇́коже е̇́сть пи́сано ω̇ Не́мъ. Пріиди́те ᲂу̇́бω и̇ мы̀, ω̇чи́щенными смы́слы сшéствꙋемъ Е̇мꙋ̀, и̇ распне́мся и̇ ᲂу̇мертви́мся Е̇гѡ̀ ра́ди жите́йскимъ сла́стемъ, да и̇ ω̇живе́мъ съ Ни́мъ.

Когда́ Госпо́дь сказа́лъ ученика́мъ Свои́мъ: „Ла́зарь дрꙋ́гъ на́шъ, ᲂу̇́спе;“ тогда́ оди́нъ изъ нихъ воскли́кнулъ отъ лица́ всѣхъ: „И̇́демъ и̇ мы̀, да ᲂу̇́мремъ съ ни́мъ!“ (Іоан. XI. 11. и 16.). Тепе́рь бра́т., наступа́етъ вре́мя сме́рти не Ла́заря, а самого́ Го́спода на́шего, кото́рый говори́тъ, что „по двою̀ днѝю па́сха бꙋ́детъ, и̇ Сы́нъ Человѣ́ческій пре́данъ бꙋ́детъ на пропя́тіе“ (Мат. XXVI, 2.). Усумни́тся ли кто изъ насъ сказа́ть при семъ: „И̇́демъ и̇ мы̀, да ᲂу̇́мремъ съ ни́мъ?“ Но, не сказа́ть то́лько должно́ сіе́, а испо́лнить на са́момъ дѣ́лѣ. Съ Ла́заремъ мо́жно бы́ло не умира́ть; съ Го́сподомъ и Спаси́телемъ на́шимъ непреме́нно должно́ умере́ть. Слыши́те ли, какъ Онъ самъ призыва́етъ насъ къ сей высо́кой че́сти? „И̇́же непріи́метъ креста̀ своегѡ̀“, говори́тъ Онъ всѣмъ, „и̇ въ слѣ́дъ Менѐ не гряде́тъ, нѣ́сть Менѐ досто́инъ“ (Мат. X, 38.). По́слѣ сего́, отказа́ться отъ креста́ и сме́рти съ Го́сподомъ, зна́читъ отказа́ться отъ самаго́ Го́спода и своего́ спасе́нія. Кто мо́жетъ рѣши́ться на сіе́? — И такъ, бра́т., пріиди́те, пріиди́те вси, не да сшéствꙋемъ то́кмо гряду́щему на страда́нія Го́споду, къ чему́ призыва́ли мы васъ вчера́, но и „да распне́мся съ Ни́мъ и̇ ᲂу̇мертви́мся Е̇гѡ̀ ра́ди жите́йскимъ сла́стемъ.“

„Но, гдѣ Голгоѳа и крестъ, необходимыя для такого распятія.“ — Вездѣ, гдѣ мы съ тобою, слушатель.

Въ самомъ дѣлѣ, брат., въ мірѣ семъ не можетъ быть недостатка и въ вещественныхъ крестахъ. Сколь многіе изъ послѣдователей Христовыхъ въ разныя времена и въ разныхъ странахъ окончили жизнь, подобно Спасителю своему, на крестѣ? — И теперь могутъ повторяться сіи случаи; ибо значительная часть рода человѣческаго досѣлѣ почитаетъ нечестіемъ вѣру въ Распятаго, и готова преслѣдовать крестъ Его новыми крестами. Христіанинъ не обязанъ искать сихъ крестовъ; но когда они стрѣтятъ его, долженъ итти на нихъ, не обинуяся. Посему каждый, въ какомъ бы мѣстѣ и званіи ни былъ, долженъ всегда питать и укрѣплять въ себѣ святую рѣшимость, стоять въ потребномъ случаѣ, за имя Спасителя своего до крови; долженъ предварительно дѣлать сіе, дабы при нашествіи опасности, устрашившись смерти, не постыдить своей вѣры, и не заставить потомъ Спасителя своего постыдиться таковаго малодушія предъ лицемъ Бога и Ангеловъ. И когда приличнѣе укрѣплять въ себѣ сію святую рѣшимость пребывать вѣрнымъ Спасителю своему до смерти, какъ не въ дни Его собственныхъ страданій и смерти, за насъ подъятой? —

Но это кресты для не многихъ: есть другіе, совершенно не избѣжные для каждаго, уклоненіе отъ коихъ всегда есть преступленіе; ибо распятіе на нихъ составляетъ сущность Христіанства. И вопервыхъ, брат., весь міръ внѣшній, въ которомъ мы живемъ и движемся, такъ устроенъ, что въ немъ каждая вещь можетъ содѣлаться для насъ крестомъ. Въ мірѣ, по замѣчанію великаго крестоносца — Павла, „бѣды въ рѣкахъ, бѣды во градѣхъ, бѣды въ пустыни, бѣды въ мори“ (2. Кор. XI. 26.). Вовторыхъ всякое общество человѣческое, къ коему мы, по необходимости, принадлежимъ, какъ члены, таково, что въ немъ встрѣчаютъ каждаго многіе кресты; и здѣсь, по замѣчанію того же Апостола, „бѣды отъ разбойникъ, бѣды отъ сродникъ, бѣды во лжебратіи, бѣды отъ языкъ“

(2. Кор. XI, 26.). Наконе́цъ, са́мый многоча́стный соста́въ униже́ннаго, превраще́ннаго грѣхо́мъ естества́ на́шего, образу́етъ изъ себя́ для ка́ждаго изъ насъ ужа́сное многокре́стіе. Како́й тя́жкій, никогда́ неснима́емый для ду́ха крестъ есть ужё бре́нная и грѣхо́вная плоть на́ша! Са́мый внѣ́шній видъ ея́ я́вно показу́етъ сіе́: и́бо сто́итъ то́лько простере́ть ру́ки, чтобы́ уви́дѣть въ себѣ́ по́лный крестъ. Тѣмъ па́че уви́дишь, когда́ простре́шь ихъ на постоя́нную моли́тву; тѣмъ па́че уви́дишь, когда́ простре́шь ихъ на вспоможе́ніе бли́жнимъ, на защище́ніе неви́нности гони́мой, на пораже́ніе поро́ка си́льнаго и торже́ствующаго; тѣмъ па́че уви́дишь, е́сли сіи́ ру́ки, ко́и ты рѣши́лся простере́ть на добро́, люби́ли и привы́кли простира́ться на зло́е. Па́велъ ужё былъ распя́тъ для мíра, ужё да́вно жилъ но́вою жи́знію во Христѣ́; и одна́ко же до того́ чу́вствовалъ по времена́мъ тя́гость креста́ пло́ти, что вопія́лъ: „ѡ҆каа́ненъ а҆́зъ человѣ́къ, кто́ мя и҆зба́витъ ѿ тѣ́ла сме́рти сея̀?“ (Рим. VII, 24.)

По́длинно, нѣ́кому изба́вить! И́бо са́мый духъ, предназна́ченный къ несе́нію креста́ пло́ти, заключа́етъ въ себѣ́ са́момъ мно́жество кресто́въ. О, какъ онъ въ настоя́щемъ грѣхо́вномъ состоя́ніи своёмъ раздво́енъ, противуполо́женъ, самовражде́бенъ, самомучи́теленъ! — Со́вѣсть влече́тъ его́ на сто́рону до́лга и и́стины, а нечи́стыя пожела́нія — на сто́рону лжи и преступле́нія; вѣ́ра устремля́етъ взоръ его́ го́рѣ, а земна́я му́дрость прико́вываетъ до́лу; любо́вь христіа́нская располага́етъ его́ быть всѣмъ вся, а самолю́біе си́лится всё и всѣхъ подчини́ть себѣ́: ско́лько принужде́ній! ско́лько борьбы́ и томле́нія!

И гдѣ коне́цъ всѣмъ симъ креста́мъ пло́ти и ду́ха? Въ одно́мъ гробѣ́; е́сли то́кмо и въ нёмъ „ме́ртвенное грѣха́ бу́детъ поже́рто живото́мъ“ (2. Кор. V, 4.) благода́ти. Въ проти́вномъ слу́чаѣ, съ мно́гихъ кресто́въ вре́менныхъ на́добно бу́детъ перейти́ на крестъ вѣ́чный.

И такъ, жела́ющій быть распя́тымъ со Христо́мъ, не опаса́йся недоста́тка въ креста́хъ. Премýдрость Бо́жія зна́етъ, сколь необходи́мо ве́тхому человѣ́ку твоему́ быть

распя́ту; и потому́ предвари́тельно всё устро́ила для совершѐнія надъ нимъ сей ка́зни любви́. Ты непреста́нно отъ са́мой колыбе́ли до гро́ба призыва́ешся, ведёшся, влечёшся на крестъ, — всѣ́ми недоста́тками тѣле́сными и душе́вными, всѣ́ми го́рестями и лише́ніями, всѣ́ми искуше́ніями и собла́знами: то́лько не противурѣ́чь и не упо́рствуй; и ты бу́дешь разпя́тъ тѣ́ломъ и ду́хомъ, умо́мъ и во́лею, — ви́димо и неви́димо.

Жела́ешь знать возлю́бленный, въ чёмъ должно́ состоя́ть са́мое распя́тіе на́ше? — Чтобы́ уразумѣ́ть сіе́, предста́вь, что ты въ са́момъ дѣ́лѣ на кресрѣ́. — Что бы́ло бы тогда́ съ тобо́й? — У тебя́ прекрати́лось бы свобо́дное движе́ніе и въ рука́хъ и въ нога́хъ; весь міръ потеря́лъ бы для тебя́ цѣ́ну; всѣ блага́ его́ содѣ́лались бы для тебя́ чу́ждыми, какъ бы не существу́ющими; у тебя́ оста́лось бы одно́ на умѣ́ и въ се́рдцѣ: какъ бы скорѣе разрѣши́ться отъ земли́ и пло́ти, и преда́ть духъ Бо́гу. Поста́въ же себя́ въ тако́е состоя́ніе ду́ха произво́льно, си́лою вѣ́ры и любви́ ко Христу́; — и ты бу́дешь распя́тъ со Христо́мъ. У распя́таго со Христо́мъ нѣтъ движе́ній по свое́й во́лѣ, а всѣ—по во́лѣ Бо́жіей; его́ ру́ки и но́ги та́кже недви́жимы на зло и непра́вду, какъ у распя́таго на крестѣ́; міръ съ его́ блага́ми и собла́знами для него́ не привлека́теленъ; мысль объ оконча́ніи земна́го стра́нствія, есть люби́мою его́ мы́слію, онъ ужё вознесе́нъ въ ду́хѣ отъ земли́ на не́бо, и живо́тъ его́ сокрове́нъ въ Бо́гѣ. Будь тако́въ и ты; и бу́дешь распя́тъ со Христо́мъ!

Но, какъ мо́жно держа́ться въ семъ кра́йне тру́дномъ для пло́ти положе́ніи ду́ха? — А какъ, возлю́бленный, держа́тся на крестѣ́ распя́тые? — Гвоздя́ми. Пригвозди́ себя́ ко кресту́ самоотверже́нія во́первыхъ стра́хомъ Бо́жіимъ и мы́слію о Бо́гѣ. „Стра́хъ се́й ѿрѣ́ваетъ всѣ грѣхѝ“ (Сирах. 1, 21.) и собла́зны, дѣ́лаетъ человѣ́ка неподви́жнымъ на зло и тве́рдымъ въ добрѣ́. Пригвозди́ себя́ ко кресту́ па́мятію о сме́рти. Кто имѣ́етъ предъ оча́ми смерть свою́, тотъ не простре́тъ рукъ къ плоду́ запреще́нному. Пригвозди́ себя́ упова́ніемъ благъ вѣ́чныхъ., ко́и обѣща́ны

всѣмъ сражающимся до крови. Если надежда тлѣннаго вѣнца устремляетъ тысячи людей на явную смерть; то надежда ли вѣнца небеснаго не произведётъ сего? — Пригвозди себя наконецъ ко кресту любовію къ своему Спасителю, на нёмъ распятому. „Любы сія, по самому естеству своему, вся терпитъ, вся уповаетъ и николиже отпадаетъ" (1. Кор. XIII, 7.). И сихъ четырёхъ гвоздей довольно къ удержанію на крестѣ самоотверженія самой тяжелой плоти.

„Но, это состояніе ужасное, мучительное! Ужели въ нёмъ сущность Христіанства?" Въ нёмъ, возлюбленны, въ семъ состояніи, ужасномъ, мучительномъ для ветхаго человѣка. Страшишся? Но развѣ сей ветхій человѣкъ нашъ, осужденный на распятіе, самъ не ужасенъ, не мучителенъ? Развѣ не онъ изгналъ насъ изъ Рая? Не онъ мучитъ насъ всю жизнь? Не онъ положитъ всѣхъ насъ во гробъ и предаетъ тлѣнію? — По крайней мѣрѣ не дадимъ ему низвергнуть насъ во адъ; умертвимъ его силою креста прежде, нежели онъ отниметъ у насъ жизнь вѣчную.

И что пользы уклоняться отъ креста? Это надлежало бы сдѣлать въ Эдемѣ, до вкушенія отъ плода запрещеннато; а теперь—это невозможно. Мы не можемъ сложить съ себя ни креста плоти, ни креста духа; съ ними приходимъ на свѣтъ сей, съ ними и пойдёмъ со свѣта. Отъ нашего произвола зависитъ только умереть на семъ крестѣ для Бога міру, или Богу для міра; — предать духъ со Христомъ въ вѣрѣ и любви, или предать духъ діаволу въ невѣріи и самолюбіи. Посему если неизбѣжны язвы; то лучше носить язвы Господа, нежели врага Его и нашего. Страдая съ Господомъ, мы съ Нимъ и прославимся; а страдая съ міромъ и духомъ злобы, что получимъ, кромѣ вѣчнаго безславія и мученій?,

Не забудемъ въ ободреніе наше и того, что крестъ Христовъ ужасенъ токмо спреди, и за нимъ рай, не на небѣ токмо, а и на землѣ. Обыкновенный крестъ отнимаетъ всю жизнь у распятаго; а крестъ Христовъ, отъемля жизнь мірскую, грѣховную, даётъ вмѣсто ей но-

вую, въ Бо́гѣ, и Хрістѣ. „Ѽлико внѣшній человѣкъ тлѣетъ“ на семъ крестѣ, свидѣтельствуетъ испыта́вшій едва́ невсѣ кресты́ въ мі́рѣ; „толи́кѡ внѹ́треннїй ѡ҆бновлѧ́етсѧ по всѧ̑ дни̑“ (2. Кор. IV. 16.). Ѽлико и҆збы́точествꙋютъ ско́рби для распя́таго со Христо́мъ, говори́тъ онъ же: толи́кѡ и҆збы́точествꙋютъ и҆ ѹ҆тѣше́нїѧ Свята́го Ду́ха.

Въ са́момъ дѣлѣ мо́жетъ ли что ли́бо быть ра́достнѣе для человѣ́ка, какъ воста́ть изъ гро́ба? Но то́же соверша́ется надъ тѣмъ, кто распина́етъ себя́ со Христо́мъ мі́ру и грѣху́: за сме́ртію пло́ти слѣдуетъ духо́вное воскресе́ніе, кото́рое, по са́мому су́ществу своему́, есть состоя́ніе са́мое блаже́нное.

И такъ, бра́т., отложи́въ вся́кое недоумѣ́ніе и страхъ, пойдёмъ за Го́сподомъ на́шимъ на крестъ самоотверже́нія. Зря вѣ́ру и любо́вь на́шу, Онъ всемогу́щій и всебла́гій, самъ поспѣши́тъ укрѣпи́ть коле́блющіяся сто́пы на́ши въ семъ свято́мъ и необходи́момъ для насъ по́двигѣ. Ами́нь.

9. СЛО́ВО.

Въ вели́кую Сре́ду.

По благода́ти Бо́жіей, бра́т., мы стои́мъ ужё на послѣ́днемъ предѣ́лѣ св. Четыредеся́тницы. Какъ предъ дре́вними Израи́льтянами, странствова́вшими со́рокъ лѣтъ въ пусти́ни, предъ на́ми тепе́рь Хана́анъ духо́вный — страда́нія, смерть и воскресе́ніе Го́спода на́шего. Чего́ не дѣ́лала св. Це́рковь, да бы́ приготови́ть насъ къ досто́йному шѐствію въ сію́ зе́млю обѣтова́нія? — И гремѣ́ла гро́момъ прокля́тія на сыно́въ строптѝвыхъ; и пита́ла послу́шныхъ ма́нною разли́чныхъ моли́твъ, и пѣснопѣ́ній, са́мымъ тѣ́ломъ и кро́вію Христо́вою; и услажда́ла для ослабѣва́ющихъ на пути́ го́рькія во́ды покая́нія дре́вомъ креста́; и въ послѣ́дніе дни сіи́ разверза́ла предъ всѣ́ми кни́гу Но́ваго Завѣ́та, показу́я намъ всѣ дѣ́янія на́шего Го́спода. — По́слѣ столь до́лгаго и разнообра́знаго удобре́нія земли́ и сѣ́янія, на́добно быть бога́той жа́твѣ. И такъ,

гдѣ тепе́рь Іису́съ и Хале́въ, — тѣ, кои добрѣ́ подвиза́лись по́двигомъ св. поста́? Да преста́нутъ отъ четыредесяти́дневнаго стра́нствіа, да прехо́дятъ немо́кренно Іорда́нъ, да иду́тъ пря́мо въ Сіо́нскую го́рницу, гдѣ уготовля́ется безсме́ртнаѧ трапе́за! Тамъ бу́дутъ омы́ты кра́сные но́ги ихъ отъ са́маго то́нкаго пра́ха земны́хъ помышле́ній; тамъ услы́шатъ они́ послѣ́днее завѣща́ніе гряду́щаго на страда́нія Го́спода, пріи́мутъ міръ и обѣтова́нія Ду́ха; отту́да, во слѣдъ за нимъ, безъ на́шихъ указа́ній пойду́тъ въ Геѳсима́нію и на Голго́ѳу, да бы́ страда́ть съ Нимъ и сраспя́ться Ему́ ду́хомъ.

Но, что дѣ́лать, бра́т., тѣмъ изъ насъ, кои во вре́мя духо́внаго стра́нствія по пусты́нѣ поста́, не престава́ли обраща́ть ли́ца и сердца́ къ Еги́пту, ропта́ли при го́рькихъ вода́хъ покая́нія, и тогда́, какъ Мо́йсей на горѣ́ принима́лъ зако́нъ, покланя́лись подъ горо́ю, мо́жетъ быть, тельцу́ злато́му" (Исх. XXXII, 1 — 6.)? — Ахъ, предъ таковы́ми не развéрзется Іо́рданъ, не паду́тъ стѣны Іерихо́нскія, не ста́нетъ со́лнце „пра́мѡ Гаваѡ́нꙋ" (Іис. Нав. X, 12.)! Таковы́мъ мѣ́сто не у гро́ба Спаси́теля, а у „гро́бѡвъ похотѣ́ніѧ" (Числ. XI, 34.)!

Но, что ви́жу я? — Одесну́ю распя́таго Го́спода виси́тъ на крестѣ́ разбо́йникъ. Что слы́шу? Госпо́дь вѣща́етъ къ нему́: „Дне́сь со мно́ю бꙋ́деши въ раи́" (Лук. XXIII, 43.) Кто же мо́жетъ затвори́ть Рай, когда́ самъ Госпо́дь отверза́етъ его́? И такъ, бра́т., кто бы вы ни бы́ли, какъ бы ни каза́лись вели́кими грѣхи́ ва́ши, гряди́те всѣ на Голго́ѳу; распя́тый Госпо́дь призыва́етъ васъ. Не смо́тря на нечи́стоту на́шу, Онъ не хо́четъ никого́ исключи́ть изъ блаже́ннаго завѣ́та Своего́; хо́четъ, чтобы́ мы всѣ участвова́ли въ небе́сномъ ца́рствіи, пріобрѣте́нномъ Его́ заслу́гами. Оста́вьте же, бра́т., всѣ те́мныя дѣла́ ва́ши, и спѣши́те къ своему́ Спаси́телю, доко́лѣ Онъ еще́ на землѣ́, доко́лѣ безъ васъ не предáлъ духъ свой Отцу́. — Оста́вьте, говорю́ те́мныя дѣла́: и́бо уже́ли вы дерзнéте яви́ться съ ни́ми и предъ Го́сподомъ? показа́ть ихъ и у креста́ Его́? — Ахъ, дово́льно вы возмуща́ли свои́ми без-

законіями Его́ жизнь: на́добно ли возмуща́ть и́ми и послѣ́днія мину́ты Его́! Нѣтъ, бра́тія, какъ бы ни бы́ло упо́рно во грѣхѣ́ се́рдце ва́ше, вы не позво́лите ему́ тако́ваго безчу́вствія, тако́ваго небреже́нія къ своему́ Спаси́телю: посре́дствомъ покая́нія вы сложи́те тя́жесть грѣхо́въ ва́шихъ у подно́жія Голго́ѳы; яви́тесь предъ лице́ Распя́таго, е́сли не со сму́рною благи́хъ дѣлъ, то и не съ злово́ніемъ беззако́нія; — яви́тесь для того́, чтобы́ упа́сть въ слеза́хъ къ стопа́мъ Его́, принести́ испове́даніе во грѣха́хъ свои́хъ про́сить забве́нія измѣ́нъ ва́шихъ, и благослове́нія на исправле́ніе свое́й жи́зни, на побѣжде́ніе злыхъ навы́ковъ, ва́шихъ, борьба́ съ ко́ими содѣ́лается отсе́лѣ ва́шимъ гла́внымъ заня́тіемъ въ жи́зни. Безъ сего́ лу́чше не явля́ться ко гро́бу своего́ Спаси́теля, лу́чше не лобыза́ть язвъ Его́.

Поспѣши́те же, бра́т., очисти́ть себя́ покая́ніемъ; поспѣши́те возобнови́ть чрезъ него́ растóрженный грѣха́ми ва́шими сою́зъ съ Бо́гомъ и Спаси́телемъ ва́шимъ. Благопрія́тнѣе сего́ вре́мени нѣтъ, и быть не мо́жетъ. Взира́я неукло́нно на страда́нія Го́спода, душа́ сама́ бу́детъ проси́ться на крестъ, се́рдце само́ преклони́тся къ подно́жію Его́. Не подавля́йте, бра́т., сего́ свята́го чу́вства; иди́те всѣ́ми мы́слями за свои́мъ Спаси́телемъ. Онъ изнемо́жетъ подъ тя́жестію креста́; вы задѣ́ньте сей крестъ вмѣ́стѣ съ Симо́номъ Кирине́йскимъ; задѣ́ньте вѣ́рою, и иди́те на Голго́ѳу, съ твердою рѣши́мостію нача́ть распя́тіе пло́ти свое́й съ ея́ страстя́ми и по́хотями. Съ Го́спода бу́дутъ совлека́ть оде́жды; и вы поспѣши́те обле́чся и́ми, прикры́ть грѣхо́вную на́готу свою́ Его́ пра́вдою и заслу́гами. Копіе́ изведе́тъ изъ ребра́ Его́ во́ду и кровь; а ты стань подъ кресто́мъ съ отве́рзстыми уста́ми, да паде́тъ въ твою́ вну́треность хотя́ ка́пля жи́зни для погаше́нія а́дскаго пла́мени, тебя́ снѣда́ющаго.

Еще́ повторю́—наступа́ющіе дни суть са́мые благопрія́тные для покая́нія грѣ́шниковъ; и́бо суть дни спасе́нія всего́ мі́ра: свидѣ́тель тому́ благоразу́мный разбо́йникъ. Ами́нь.

---

10. СЛО́ВО.

На вели́кій Четверто́къ.

Предъ причаще́ніемъ св. Та́инъ.

„Вре́мѧ моѐ бли́зъ є҆́сть: оу҆ тебѐ сотворю̀ па́схꙋ со оу҆чн҃ки̑ мои́ми.“ (Матѳ. XXVI, 18.)

Такъ веле́но было сказа́ть хозя́ину того́ до́ма, въ кото́ромъ Спаси́тель намѣрива́лся соверши́ть свою́ послѣднюю па́сху. Кто сей счастли́вый домовлады́ка, — не бы́ло сказано́, и по́сланные должны́ бы́ли узна́ть его́ на мѣстѣ. Ибо преда́тель иска́лъ вся́ческій слу́чая соверши́ть свой за́мыслъ; посему́ надлежа́ло таи́ть мѣсто па́схи до са́маго вре́мени соверше́нія. По соверше́ніи, безъ сомнѣнія, всѣ узна́ли, у кого́ она́ соверше́на: одна́ко же и по́слѣ ни оди́нъ Ева́нгелистъ не сказа́лъ намъ и́мени счастли́ваго домовлады́ки. Толкова́тели св. Писа́нія представля́ютъ различныя причи́ны э́той сокрове́нности. Но ка́жется, не погрѣши́мъ и мы, е́сли ска́жемъ, что и́мя человѣ́ка сего́ умо́лчано потому́, что онъ изобража́етъ собо́ю вся́каго и́стиннаго послѣ́дователя Христо́ва.

Въ осо́бенности же, бра́т., не мо́жетъ онъ не изобража́ть васъ, кои намѣ́рены приступи́ть къ причаще́нію св. та́инъ. Вы хо́чете вкуси́ть па́сху Госпо́дню, причасти́ться тѣ́ла и кро́ви Спаси́теля ва́шего; а Спаси́тель и Госпо́дь вашъ хо́четъ вкуси́ть па́сху у васъ, сообщи́ться прі́искреннѣ съ ва́шимъ ду́хомъ и тѣ́ломъ, соедини́ться съ ка́ждымъ изъ васъ на вѣ́ки. Не удивля́йтесь сему́ и не почита́йте э́того за како́й—ли́бо оборо́тъ словъ, мно́ю приду́манный. Апо́столъ не слова́ обраща́лъ, а изрека́лъ и́стину, когда́ писа́лъ, что поели́ку дѣ́ти „прио́бщившасѧ пло́ти и҆ кро́ви, и҆ то́й прі́искреннѣ приѡбщи́сѧ тѣ́хже“ (Евр. II. 14.). Спаси́тель и Госпо́дь нашъ пріобщи́лся пло́ти и кро́ви всего́ человѣ́чества, приня́тіемъ на Себя́ естества́ на́шего. Но, Онъ хо́четъ тепе́рь сообщи́ться съ ду́хомъ, пло́тію и кро́вію ка́ждаго изъ насъ,—хо́четъ со-

дѣлать всѣхъ насъ хра́момъ и жили́щемъ Свои́мъ, хо́четъ быть нача́ломъ на́шей жи́зни, заня́ть нашъ умъ и се́рдце. Къ сему́-то таинственному сообще́нію дерза́ю я приглаша́ть васъ отъ лица́ Го́спода. Слова́ бу́дутъ мои́ (е́сли впро́чемъ у насъ, бесѣдующихъ съ ва́ми, есть что-ли́бо своё); а мы́сли бу́дутъ за́няти изъ бесѣдъ Его́ съ ученика́ми. Е́сли вы и́стинные ученики́ Его́, или́ по кра́йней мѣрѣ хо́чете быть и́ми; то не по́чте́те ихъ чу́ждыми и вамъ не принадлежа́щими.

„Вре́мѧ моѐ бли́зъ е̑сть“ вели́тъ сказа́ть Госпо́дь. То есть, какъ бы такъ говори́лъ Онъ: земно́е служе́ніе Моё прихо́дитъ къ концу́ „дѣ́ло, е̑же да́лъ мнѣ̀ Оте́цъ, да сотворю̀, соверши́хъ“ (Іоан. XVII, 4.). — Я возвѣсти́лъ и́мя Его́ и любо́вь бра́тіи Мое́й — человѣкамъ; провозгласи́лъ блаже́нство пла́чущимъ, кро́ткимъ, ми́лостивымъ, гони́мымъ и стра́ждущимъ; не сокры́лъ и го́ря, ожида́ющаго зло́бныхъ, го́рдыхъ, хи́щниковъ и клятвопресту́пныхъ: тепе́рь остаётся то́лько засвидѣтельствовать и́стину уче́нія Моего́ са́мымъ дѣломъ, взять крестъ, Мно́ю для всѣхъ пропові́данный, самому́, и итти́ съ нимъ на Голго́ѳу, въ примѣръ всѣмъ. „Вре́мѧ моѐ бли́зъ е̑сть“ Кова́рный учени́къ ужё преда́лъ Меня́, сре́бренники даны́ и принятьı; князь міра подви́гся съ своего́ престо́ла, для единобо́рства съ Мно́ю“ (Іоан. XIV. 30.), спи́ра гото́ва; — остаётся вы́йти на срѣтеніе ея́, приня́ть льсти́вое лобза́ніе и отда́ть „плещѝ моѝ на ра́ны, и̑ лани́тѣ моѝ на заꙋше́нїѧ“ (Ісаіи L, 6.). „Вре́мѧ моѐ бли́зъ е̑сть.“ Я ви́жу, какъ Самъ Оте́цъ Мой раство́ри́лъ ча́шу гнѣва и ско́рбей; она́ идётъ и не пре́йдётъ; крова́вый потъ не замѣни́тъ крова́ваго креще́нія; Я до́лженъ преда́ть не то́лько тѣло, са́мый духъ Мой въ ру́ки Отца́. „Вре́мѧ моѐ бли́зъ е̑сть!“ Но, пре́жде нежели Я кончу́ своё по́прище, и отойду́ ко Отцу́, Я жела́ю раздѣли́ть Свои́ чу́вства съ ва́ми, Мои́ми послѣдователями, жела́ю ознаменова́ть чѣмъ — либо но́вый завѣтъ, утвержда́емый Мое́ю кро́вію, — жела́ю оста́вить како́й-либо постоя́нный па́мятникъ Мое́й любви́ къ вамъ: „жела́нїемъ вожелѣ́хъ сїю̀

пасху ясти съ вами, прежде даже не пріиму муки" (Лук. XXII, 15.).

Но, гдѣ Я снѣмъ её? Іерусалимъ наполненъ Моими врагами. Въ чертогахъ Анны и Каіафы обитаютъ лицемѣріе, гордость и святокупство. Тамъ готовы раздрать одежду, но не съ тѣмъ, чтобы подослать её на пути Моёмъ, а чтобы обнажить Меня самаго. Я буду тамъ, но не для пасхи, а для принятія заушеній и оплеваній. Въ преторіи Пилата пространнѣе: тамъ вмѣстѣ съ любовію къ міру живётъ нѣкая любовь и къ справедливости: но, имя друга Кесарева тамъ важнѣе имени друга правды и Божія: не Мнѣ вкушать пасху съ наперсниками Тиверія! Пусть ихъ одни омываютъ руки предъ народомъ; а Я умою ноги ученикамъ Моимъ. Лучше быть судимымъ, нежели судіёй на такомъ ліѳостротонѣ. Когда нужно будетъ, явлюсь и на нёмъ — для принятія вѣнца терноваго.

И такъ „время мое близъ есть:" а мѣста и убѣжища нѣтъ у Меня. „Лиси язвины имутъ, и птицы небесныя гнѣзда: Сынъ же человѣческій не имать гдѣ главы подклонити" (Матѳ VIII, 20.). Родился въ яслѣхъ, умру на крестѣ. Что же Мнѣ дѣлать? Оставить пасху? Но, Я пришёлъ „не разорити закона но исполнити" (Матѳ. V, 17.). И какъ оставить пасху, которая прообразуетъ смерть Мою? „Что убо сотворю? Сіе сотворю: у тебе снѣмъ пасху со ученики моими!"

У тебя, Христіанинъ, у тебя, который называешься Моимъ ученикомъ и клялся слѣдовать за Мною до смерти. Если ты ещё не дашь мнѣ убѣжища, то гдѣ найду его? — Но ты не можешь недать его: ты отрождёнъ въ бани крещенія Моею кровію, помазанъ и запечатлѣнъ Моимъ Духомъ, питаешься Моимъ тѣломъ и кровію, чаешь, во имя Моё жизни вѣчной: ты ли не пріимешь и не упокоишь Меня? — И гдѣ „горница веліа" (Лук. XXII, 12.), дабы Я могъ помѣститься со всѣми дарами Моими? Гдѣ опрѣсноки „чистоты и истины" (1. Кор. V. 8.)? Гдѣ горькое зеліе — самоотверженія и терпѣнія? Гдѣ Агнецъ пасхальный „сердце чистое и духъ сокрушенный" (Псал. L, 12,

19.)? Износи́ всё, что имѣешь, укра́сь Мою́ вече́рю, дай утѣшиться тѣмъ, что произвела́ въ тебѣ́ благода́ть Моя́?

Но, вмѣсто того́, чтобы́ „возра́доватися ра́достїю за гла́съ жениховъ“ (Іоан. III. 29.), ты молчи́шь, какъ осу́жденный! Ви́жу причи́ну: вну́треннему человѣ́ку твоему́ самому́ негдѣ́ подкло́нить гла́ву; домъ ду́ха твоего́ „пу́стъ и па́лся е́сть;“ нѣтъ ни свѣти́льника вѣ́ры, ни еле́я любви́: всё нано́лнено нечистото́ю, — стра́стями и по́мыслями вреждаю́щими. Го́ре тебѣ́: „жа́лость до́му твоегѡ̀ снѣ́де мѧ̀“ (Іоан. II, 17.)! Но „вре́мѧ моѐ близъ;“ мо́жетъ быть и твоё вре́мя не далёко; прише́дъ въ друго́й разъ, Я ужё не заста́ну тебя́ на землѣ́. Не на́добно теря́ть вре́мени обо́имъ: поспѣши́мъ! не дади́мъ о́бщему врагу́ на́шему діа́волу соверши́ть надъ тобо́ю побѣ́ду. У Меня́ есть сре́дства всё испра́вить: согласи́сь то́лько быть Мои́мъ, отверзи́ то́лько двѐри се́рдца, дай заня́ть Собо́ю всю вну́тренность существа́ твоего́. Коль ско́ро Я бу́ду въ тебѣ́, то всё тотча́съ пріиме́тъ друго́й видъ. Я замѣню́ Собо́ю всѣ пріуготовле́нія: Самъ омо́ю но́ги, Самъ бу́ду свѣтомъ, Самъ — А́гнцемъ. Не печа́луй; бу́демъ насыщены́, обра́дованы о́ба: ты Мно́ю, Я тобо́ю; то́лько оста́вь накло́нность ко грѣху́, разста́нься на всегда́ съ зло́ю жи́знію, рѣши́сь быть Мои́мъ во всёмъ!

По со́бственнымъ лица́мъ ва́шимъ, бра́т., ви́жу, что гласъ Го́спода къ вамъ, хотя́ вы́ходитъ изъ мои́хъ недосто́йныхъ устъ, не остае́тся безъ дѣ́йствія надъ ва́ми. По́слѣ сего́ мнѣ ничего́ бо́лѣе жела́ть, какъ чтобы́ дѣйствіе сіе́ продли́лось на́дъ ва́ми, и оста́вило въ васъ слѣды не преходя́щіе. И какъ ему́ не продли́тся? Вы слы́шали слова́; тепе́рь увидите дѣло. Что Я далъ вамъ? а Госпо́дь препода́стъ вамъ тѣло и кровь Свою́. Тако́й ли даръ не тро́нетъ пріи́мшаго? Прито́мъ, е́сли Мы, служи́тели Его́, бесѣ́дуемъ съ ва́ми, отъ Его́ и́мени; то ужели́ Онъ Самъ оста́нется внутрь васъ безмо́лвенъ? Онъ всегда́ вѣща́етъ къ намъ въ со́вѣсти на́шей, тѣмъ па́че не мо́жетъ не глаго́лать къ се́рдцу на́шему по таинственномъ соедине́ніи съ на́ми. И такъ внемли́ ка́ждый тому́, что рече́тъ ему́ ны́нѣ

Госпóдь. Изречéтъ ли миръ? Пріими съ благодарéніемъ, и сохрани въ чистой сóвѣсти. Произнесéтъ ли обличéніе? Равнó благодари, и поспѣши испрáвить обличáемое. Начнéтъ изгонять изъ внýтренняго храма твоегó тóржниковъ? Не пререкáй, не защищáй, а пáче присоединись къ Немý и дѣйствуй. Госпóдь Самъ научитъ тебя всемý, „ꙗ҆́же подобаетъ творити“ (Дѣян. IX, 6.); тóлько слýшай и — исполняй! Аминь.

---

11. С Л Ó В О.

По причащéни св. тайнъ.

Въ Евáнгельской истóріи явлéній Іисýса Христá по воскресéніи, читáемъ, что двóе изъ ученикóвъ Егó шли съ Нимъ однáжды не мáлое врéмя по одномý и томý же пути въ Эммаýсъ, бесѣдовали о „всѣ́хъ приключи́вшихсѧ“ во Іерусалимѣ, слышали отъ Негó изъяснéніе многихъ прорóчествъ о Мессіи, ощущáлу отъ словъ Егó огнь въ сéрдцѣ, удéрживали Егó дáже „ѡ҆блещи съ ни́ми,“ и однáко же среди всѣхъ сихъ дѣйствій не узнáли въ Нёмъ своегó Учителя и Гóспода дотóлѣ, покá Онъ, на вечéрней трапéзѣ, не благословилъ хлѣба и не преподáлъ имъ онаго“ (Лук. XXIV, 13 — 31.)

Éсли съ ученикáми Эммаýсскими было такóе приключéніе, тѣмъ пáче мóжетъ быть съ нáми. Тѣмъ пáче мы мóжемъ итти однимъ путéмъ (о éсли бы хотя шли однимъ путéмъ!) съ Іисýсомъ, поучáться въ слóвѣ Егó, чýвствовать слáдость Егó учéнія, старáться дáже быть въ Егó присýтствіи; — и мéжду тѣмъ не знать Егó, какъ должнó, не видѣть въ нёмъ своегó Учителя и Гóспода.

Да познáется же Онъ таковымъ по крáйней мѣрѣ въ преломлéніи хлѣба, въ тѣлѣ и крóви Своéй, кóими Онъ питáлъ насъ нынѣ! Тутъ весь Іисýсъ, вся мýдрость Егó и сила, и наипáче вся любóвь. Éсли здѣсь не узнáемъ Егó, то никогдá не бýдемъ знать.

Кто, кромѣ матери, питалъ насъ отъ тѣла своего? Но матери не умираютъ, чтобы питать такимъ образомъ дѣтей: это питаніе можетъ напротивъ ихъ самихъ спасать отъ смерти. А Спаситель нашъ умеръ для того, чтобы питать насъ тѣломъ и кровію Своею: „Болши сея любве“ (Іоан. XV, 13.) нѣтъ и быть не можетъ.

Да познаемъ же, говорю изъ сего, сколь благъ Господь и Спаситель нашъ! Да разумѣемъ, что значитъ Пастырь душъ: онъ „душу свою полагаетъ за овцы своя“ (Іоан. X, 11.). Что значитъ христіанскій начальникъ и Владыка! онъ долженъ быть всѣмъ слуга“ (Матѳ. XX, 26.). — Что скрывать? Можетъ, легко можетъ случиться, что и нашъ путь жизни приведётъ нѣкоторихъ изъ насъ, если пе на верхъ, то къ подножію Голгоѳы; и намъ, подобно Спасителю, надобно будетъ избирать одно изъ двухъ: славу Божію, или славу міра, волю свою, или Отца небеснаго, крестъ, или удовольствія плоти. Тогда вспомнимъ о чашѣ завѣта, о кровавой молитвѣ Геѳсиманской, и пойдёмъ, подобно Господу, на стрѣчу врагамъ, съ твёрдою рѣшимостію умереть за истину. Только подобныя дѣйствія, а не вздохи и поклоненія, могутъ засвидѣтельствовать, что мы истинные ученики Распятаго, и что Онъ дѣйствительно познался намъ „въ преломленіи хлѣба“ (Лук. XXIV, 35.). Аминь.

---

12. СЛОВО.

Въ великій пятокъ.

„Тогда распяша съ нимъ два разбойника: единаго ѿ деснꙋю и единаго ѿшꙋюю.“
(Матѳ. XXVII, 38.)

Тамъ, гдѣ совершалась тайна примиренія Бога съ человѣкомъ и приносима была жертва за грѣхи всего міра, на Голгоѳѣ, приличествовало стоять, по видимому, не многимъ, а единому всеосвящающему кресту Сына Божія, дабы сосредоточивать въ себѣ взоры и вниманіе

всей вселе́нной: ме́жду тѣмъ мы ви́димъ здѣсь не оди́нъ крестъ Искупи́теля, а вмѣстѣ съ нимъ и два други́хъ. Чьи? — не Проро́ковъ не Апо́столовъ, не людéй пра́ведныхъ, да́же не людéй обыкнове́нныхъ а разбо́йниковъ — злодѣевъ! — Мо́жетъ ли быть э́то безъ та́йны, и сія́ та́йна безъ поуче́нія для насъ? — Е́сли и живопи́сецъ иску́сный не позволяетъ стать въ своéй карти́нѣ ни како́му лицу́ и никако́й ве́щи безъ осо́бенной цѣли: тѣмъ па́че прему́дрость Бо́жія не попусти́ла бы у креста́ Искупи́теля мíра стоя́ть креста́мъ разбо́йниковъ, е́сли бы въ нихъ не заключа́лось чего́-либо ва́жнаго и для всѣхъ поучи́тельнаго. Что же зна́читъ сіе́ ди́вное троекре́стіе?... Мнѣ ка́жется, бра́т., что въ нёмъ вы́ражено сво́йство и значе́ніе всѣхъ на́шихъ человѣческихъ кресто́въ, вы́ражено для того́, дабы́ ка́ждый изъ насъ, взира́я на Голго́ѳу, тотъ часъ безъ труда́ могъ узнава́ть, подъ каки́мъ кресто́мъ онъ самъ, и чего́ должно́ ему́ ожида́ть отъ своего́ крестоноше́нія. Чтобы́ увѣриться въ семъ, подойдёмъ, бра́т., внима́тельною мы́слію бли́же къ таинственному троекре́стію Голго́ѳскому, и разсмотри́мъ ка́ждый изъ стоя́щихъ тамъ кресто́въ поро́знь.

Пе́рвый крестъ Единоро́днаго Сы́на Бо́жія, возлю́бленнаго Спаси́теля на́шего. Здѣсь пре́жде вся́каго размышле́нія пове́ргнемся, бра́т., въ ду́хѣ предъ симъ кресто́мъ и покло́нимся тѣмъ боже́ственнымъ я́звамъ, отъ ко́ихъ исцѣлѣлъ весъ міръ. Что бы́ло бы съ на́ми, что бы́ло бы со всѣмъ мíромъ, е́сли бы сей всепримиря́ющій крестъ не воздви́гся посреди́ земли́ для спасе́нія погиба́вшаго ро́да человѣческаго? — Да не вы́ходитъ же никогда́ изъ па́мяти на́шей сіе́ благодѣя́ніе! — Да не забыва́етъ никто́, кѣмъ и чѣмъ мы всѣ иску́плены! И е́сли подоба́етъ „намъ хвали́тисѧ, да не бꙋ́детъ“ и намъ, какъ Ап. Па́влу, „хвали́тисѧ, то́кмѡ ѿ крестѣ̀ Го́спода Іисꙋ́са“ (Гал. VI, 14.).

Но, возда́въ таки́мъ о́бразомъ подоба́ющее поклоне́ніе кресту́ Го́спода на́шего, не оста́вимъ, бра́т., примѣти́ть того́, что въ семъ крестѣ́ должно́ служи́ть предме́томъ на́шего подража́нія. Мы сказа́ли, что кресты́ Гол-

гофскіе изображаютъ свойства и участь всѣхъ нашихъ крестовъ. Трудно ли уразумѣть, чьи и какіе кресты изображаются крестомъ Сына Божія? — Кресты тѣхъ, кои, подобно Спасителю своему, страдаютъ, творивъ всякое, возможное для нихъ добро, страдаютъ не отъ себя и за себя, а совершенно невинно, по одной волѣ Божіей, отъ злобы или неразумія человѣческаго. Хотя таковые непорочные страдальцы въ нашемъ вѣкѣ лукавомъ и грѣшномъ крайне рѣдки; однакоже могутъ найтися и между нами, и можетъ быть тамъ, гдѣ мы менѣе всего ожидали. Да приближатся же сіи чистыя души нынѣ ко кресту Спасителя своего, и да повѣрятъ собственныя страданія пресвятыми Его страданіями!

И вопервыхъ добрыя и святыя души, не смущаетъ ли васъ иногда опасная мысль, что жребій вашъ слишкомъ тяжелъ, что на васъ не обращается никакого вниманія свыше, что вы какъ бы совершенно оставлены Отцемъ небеснымъ, оставлены тогда, какъ вы сами никогда не оставляли пресвятой воли Его и нечувствуете за собою никакой особенной вины? — Когда сія искусительная мысль придётъ къ вамъ, брат., спѣшите въ духѣ на Голгофу, становитесь у подножія креста Христова, и смотрите, что происходитъ на нёмъ.

Кто болѣе Спасителя нашего имѣлъ право на пощаду или благодатную помощь среди своихъ страданій? Не онъ ли, Единородный Сынъ любви Отчей, въ коемъ Отецъ, какъ Самъ не разъ свидѣтельствовалъ, положилъ всё Своё благоволеніе? — Не онъ ли вину творилъ волю Отца Своего, и почиталъ исполненіе ея брашномъ для Себя? — Не дѣло ли, „є҆́же дадѐ є҆мꙋ̀ О҆те́цъ,“ совершаетъ Онъ и теперь — на жертвенникѣ крестномъ? — Но, обратитесь и видите, „а҆́ще є҆́сть болѣ́знь, ꙗ҆́кѡ болѣ́знь є҆гѡ̀!“ Онъ страдаетъ такъ, какъ не страждетъ никто изъ насъ; терпитъ то, чего терпятъ распятые съ Нимъ разбойники; терпитъ даже отъ нихъ самихъ. И что говоритъ о людяхъ? Сам Отецъ небесный, отъ коего въ сіи ужасныя минуты, по видимому, надлежало ожидать всей помощи, всего утѣ-

шéнія, — самъ Отéцъ оставляéтъ возлю́бленнаго Сы́на!.. Кто же пóслѣ сегó изъ насъ въ прáвѣ, роптáть на свою́ у́часть и говори́ть или́ ду́мать, что егó добродѣтель достóйна лу́чшаго жрéбія? Ахъ, возлю́бленный, éсли добродѣтель твоя́ въ сáмомъ дѣлѣ таковá, какъ ты представляéшь, но онá достóйна и́менно тогó, что тебѣ данó терпѣть: и́бо въ такóмъ слу́чаѣ онá достóйна наилу́чшей нагрáды; а у Гóспода нѣтъ ничегó лу́чше и дорóже тогó крестá, на кóемъ Онъ положи́лъ ду́шу Свою́ за насъ. Бу́дешь ли жаловáться, что онъ раздѣляéтъ съ тобóю сей сáмый крестъ? — Ужели́ лу́чше, éсли бы Онъ выражáлъ благоволéніе Своё къ тебѣ дарáми счáстія земнáго? Но для приня́тія сихъ дарóвъ всегдá готóвы и враги́ Егó: чѣмъ же Ему́ отличáть отъ нихъ при́сныхъ и дру́говъ Свои́хъ, какъ не сóбственнымъ крестóмъ? — И такъ не измѣня́й Егó довѣрію и надéждѣ на тебя́; докажи́, что ты умѣешь цѣнить крестъ Егó, и неси́ егó въ терпѣніи, въ томъ ви́дѣ, какъ онъ тебѣ подáнъ, неси́, докóлѣ онъ не бу́детъ слóженъ съ тебя́ рукóю Провидѣнія, или́ докóлѣ ты самъ не полóжишь на нёмъ души́ своéй.

Вѣрныя Гóсподу ду́ши вполнѣ чу́вствуютъ, брáт., сіи́ вáжныя и́стины, и потому́, удостои́вшись страдáть за Возлю́бленнаго, онѣ не тóлько не позволя́ютъ вы́ходить изъ устъ свои́хъ никаки́мъ словáмъ неудовóльствія и рóпота, но ещé стара́ются по примѣру Спаси́теля своегó, обращáть страдáнія свои́ на пóльзу други́хъ, возбуждáя свои́мъ примѣромъ всѣхъ стрáждущихъ къ безрóпотному перенесéнію своегó жрéбія. Осóбенно предмéтомъ любвеоби́льнаго попечéнія ихъ бывáютъ тѣ изъ страдáльцевъ, кóи, подóбно кáющемуся разбóйнику, воспріéмля по дáлѣмъ свои́мъ, имѣютъ ну́жду въ благодáтномъ удостовѣреніи, что ихъ врéменныя бѣдствія не повлеку́тъ за собóю несчáстій вѣчныхъ. Не имѣя прáва сказáть таковы́мъ óнаго божéственнаго: „днéсь со мнóю бу́деши въ рай!“ ду́ши вѣрныя Гóсподу, утверждáясь на той же вѣрѣ и любви́ къ Нему́, не сомнѣвáются о и́мени Егó вѣщáть кáждому изъ таковы́хъ; „дерзáй, возлю́бленый собрáтъ по кресту́, дерзáй:

въ раю Спасителя нашего есть и для насъ съ тобою мѣсто; только будемъ терпѣть до конца, молиться и уповать.“ Такъ, говорю, переносятъ свои страданія и такъ поступаютъ въ отношеніи къ себѣ и другимъ души вѣрныя своему Господу! Въ ихъ крестѣ отражаются не только всѣ существенныя части и черты, но и самыя, такъ сказать, оттѣнки креста Христова. Благо вамъ, души вѣрныя и мужественныя! Продолжайте до конца ваше священнодѣйствіе крестное! Продолжайте горѣть на огнѣ любви чистой, и разливать вокругъ себя благоуханіе Христово! — Если бы мы вѣдали, кто вы, то поспѣшили бы лобзаніемъ любви облобызать самыя язвы ваши, за Христа вами носимыя!

Вторый крестъ Голгоѳскій есть крестъ благоразумнаго разбойника.

Если бы нужно было положить на семъ крестѣ какую-либо надпись, то всего приличнѣе было бы начертать сіи слова: покаяніе и вѣра! — Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ найти такую высокую и живую вѣру, такое пламенное и плодоносное покаяніе, какія видимъ на семъ крестѣ? И сіе-то конечно было причиною, почему премудрость Божія позволила кресту сему стать одесную креста возлюбленнаго Сына Божія, дабы грѣшники, взирая на крестъ сей, научались, какъ путемъ вѣры и покаянія, можно со креста разбойничаго переходить прямо въ рай. Да поспѣшатъ же къ сему кресту всѣ обремененные грѣхами и слѣдствіемъ грѣховъ, — болѣзнями и страданіями, и да пріимутъ сами слово назиданія изъ устъ благоразумнаго разбойника.

Какъ немного было у него времени на покаяніе! какъ мало средствъ, коими онъ могъ располагать по своей волѣ! — И однако же покаяніе его такъ полно, что не видишь, чего желать болѣе. Ибо чего нѣтъ тутъ? Признаніе своихъ грѣховъ самое глубокое и искреннее; отвращеніе къ прежней беззаконной жизни — самое твердое и рѣшительное; перенесеніе должнаго по законамъ наказанія за грѣхи — самое безропотное и благодушное;

преда́ніе своего́ ве́чнаго жре́бія въ во́лю Сы́на Бо́жія — са́мое по́лное и смире́нное. Кро́мѣ сего́, какъ бы въ вознагражде́ніе собла́зна отъ свои́хъ пре́жнихъ грѣхопаде́ній, ка́ющійся простира́етъ сло́во вразумле́нія къ несча́стному собра́ту своему́, и для сего́ забыва́етъ всѣ со́бственныя страда́нія. Не рѣдкая ли черта́ любви́ чи́стой и высо́кой? — А вѣра ка́ющагося! Не напра́сно еще́ блаже́нный Аугусти́нъ не надѣялся наити́ подо́бной вѣры въ цѣломъ мірѣ. То́чно иска́ть ея́ на́добно по кра́йней мѣрѣ въ цѣломъ мірѣ. — И́бо суди́те сами́ въ кого́ вѣруетъ тепе́рь разбо́йникъ? Въ Того́, кто Самъ виси́тъ, подо́бно ему́, на крестѣ, оста́вленъ всѣми—са́мимъ Отце́мъ! — Какъ вѣруетъ? — Какъ вѣровали ра́звѣ одни́ лу́чшіе изъ уенико́въ Іису́совыхъ; и́бо человѣка распя́таго и приближа́ющагося къ сме́рти называ́етъ Го́сподомъ не́ба и земли́, Влады́кою рая́ и а́да, отъ сло́ва коего́ зави́ситъ всё. Не э́то ли и́менно та высо́кая вѣра въ Распя́таго, кото́рой бу́детъ иска́ть пото́мъ ме́жду свои́ми ученика́ми Св. Па́велъ?

Да преста́нутъ же зло употребля́ть примѣромъ оправда́вшаго на крестѣ разбо́йника тѣ изъ насъ, кои, не смо́тря на мно́жество грѣхо́въ свои́хъ, въ наде́ждѣ на благода́ть Бо́жію, отлага́ютъ со дня на день своё покая́ніе, ду́мая принести́ его́ въ послѣднія мину́ты свое́й жи́зни. Но, злополу́чные бра́тія, кто сказа́лъ вамъ, что вы непремѣнно бу́дете имѣть во вла́сти свое́й сій послѣднія мину́ты? Кто увѣрилъ васъ, что вмѣстѣ съ симъ бу́дете имѣть и благода́ть Бо́жію, необходи́мую для покая́нія, и что она́, небре́гомая и отмета́емая ва́ми во всю жизнь, не оста́витъ въ свою́ чреду́ сама́ васъ при концѣ ея́? Кто, наконе́цъ поручи́тся за то, что въ послѣднія мину́ты ва́ши вы бу́дете имѣть да́же сто́лько твёрдости и прису́тствія ду́ха, чтобы́, не смо́тря на страда́нія тѣле́сныя, заня́ться дѣломъ своего́ спасе́нія? Увы́! ско́лько ни случа́лось намъ ви́дѣть у вратъ сме́рти люде́й, проводи́вшихъ жизнь свою́ безъ стра́ха Бо́жія, мы всегда́ находи́ли ихъ соверше́нно поражённыхъ стра́хомъ сме́рти и отчая́ніемъ, безгла́сныхъ я́ко о́вцы заколе́нія.... И такіе лю́ди надѣются въ мину-

ты смéрти подражáть безпримѣрной вѣрѣ и любвѝ благоразýмнаго разбóйника!...

Нѣтъ, брáтіе мои, éсли блáгость и премýдрость Бóжія дáли воздвѝгнуться крестý егó острáну крестá Христóва; то сіé сдѣлано не въ покрóвъ лѣности и нераскаянности, а единственно для тогó, чтобы никтó изъ сáмыхъ послѣднихъ грѣшниковъ не предавáлся отчáянію о своёмъ спасéніи. Посемý то въ примѣрѣ сегó же благоразýмнаго разбóйника, какъ мы вѝдѣли ѝстинное покаяніе олицетворенó во всѣхъ сýщественныхъ чертáхъ егó; — да разумѣемъ, что éсли вратá рая для всѣхъ всегдá отвéрсты, то вхóдятъ въ нихъ, однáко же, однѝ способные къ томý, что милосéрдіе небéсное, какъ ни великó, никогдá не мóжетъ обратѝться въ потвóрство непрáвдѣ. Кто ýбо изъ грѣшниковъ пóльзуется примѣромъ спáсшагося на крестѣ разбóйника, какъ дóлжно? Тотъ, кто, возчýвствовавъ на себѣ дѣйствіе наказýющей десницы Бóжіей, немéдленно обращáется къ своéй сóвѣсти, и, признáвъ себя вполнѣ достóйнымъ тогó, что тéрпитъ, старáется не стóлько о уменьшéніи или прекращéніи своѝхъ страдáній, скóлько о уврачевáніи язвъ своéй сóвѣсти, и примирѣніи себя съ Бóгомъ, употребляя въ тóже врéмя всѣ срéдства къ изглаждéнію несчáстныхъ слѣдовъ своѝхъ грѣхопадéній надъ блѝжними своѝми. Тáко стрáждущій, какъ бы ни бы́ли великѝ грѣхѝ егó, éсли пребýдетъ въ духѣ покаянія и вѣрѣ до концá, твéрдо мóжетъ быть увѣренъ, что и егó на конéцъ не мѝмо идётъ слóво помѝлованія, что и предъ нимъ не затворятся вратá рая. А кто, не смóтря на бѣдствéнное положéніе своё, въ котóрое грѣхъ ещé въ сей жизни обыкновéнно ввергáетъ служѝтелей своѝхъ, продолжáетъ нерадѣть о своёмъ спасéніи, и вмѣсто раскáянія въ прéжнихъ беззакóніяхъ, ѝщетъ безýмной отрáды въ нóвыхъ злодѣяніяхъ, тотъ да читáетъ съ трéпетомъ бýдущую ýчасть свою въ ужáсной судьбѣ разбóйника нераскáяннаго, кóему принадлежѝтъ третій крестъ Голгóѳскій.

Взирáя мы́сленно крестъ сей, не знáю, брáт., чѣмъ начать рѣчь мою о нёмъ — словáми или́ слезáми! Такъ онъ жáлокъ и ужáсенъ!... Жáлокъ не избы́ткомъ мучéній (несчáстный тéрпитъ ихъ не бóлѣе благоразýмнаго своегó собрáта, дáже, мóжетъ быть, мéнѣе), — а концéмъ ихъ и послѣ́дствіями. Йбо что вы́йдетъ наконéцъ изъ толи́кихъ мукъ? — Ни чегó, крóмѣ тогó, что онѣ́ послýжатъ начáломъ мучéній áдскихъ, кудá, окрѣ́пшая во злѣ, душá несчáстнаго ужё ви́димо стреми́тся самá собóю. А мéжду тѣмъ какъ блажéнною моглá быть ýчасть и сегó разбóйника! Какъ зави́дна былá дóля егó на сáмомъ крестѣ́! Онъ дóлженъ былъ умерéть: но умерéть острáну Сы́на Бóжія, предáть духъ съ Тѣмъ, Кто пришёлъ спасти́ міръ;—какóй сáмый вели́кій прáведникъ не почéлъ бы такóй смéрти за величáйшую для себя́ ми́лость? Разбóйнику онá дарóвана тýне. Какъ мáло оставáлось приложи́ть къ семý дарý милосéрдія съ егó стóроны, чтобы́ вмѣ́стѣ съ собрáтомъ свои́мъ прейти́ со крестá въ рай! Оставáлось тóлько, такъ сказáть, наклони́ть подъ вѣнéцъ глáву; отвéрсть — для наслаждéнія — устá, произнести́ — два-три словá отъ сéрдца сокрушéннаго... Несчáстный тóчно начинáетъ говори́ть... но, Бóже мой, что вы́ходитъ изъ устъ егó? Хулá, сáмая безýмная хулá на Тогó, кто еди́нъ мóжетъ спасти́ егó!.. По крáйней мѣ́рѣ не останóвится ли онъ, не опóмнится ли, не придётъ ли въ рáзумъ и чýвство, услы́шавъ трогáтельное обличéніе отъ своегó собрáта? Пóслѣ сегó обличéнія тóчно не слы́шно бóлѣе хулы́; но, увы́, не слы́шно и моли́твы покаянія; э́то безмóлвіе — отчáянія!...

Скажи́те сами́, брáт., мóжно ли достóйно оплáкать такóе ожесточéніе во грѣхѣ́? И однáко же, таки́мъ óбразомъ нáдобно оплáкывать намъ не оди́нъ крестъ поги́бшаго разбóйника, а кресты́ мнóгихъ и мнóгихъ изъ насъ!... Йбо и сей ужáсный крестъ допýщенъ стоя́ть на Голгóѳѣ, конéчно, не почемý другóму, какъ потомý, что есть немáло подóбныхъ крестóвъ въ мíрѣ, и что нýжно грóмкое вразумлéніе для тѣхъ, кóимъ принадлежáтъ они́. Въ сáмомъ

дѣлѣ посмотри́те, что дѣлаетъ э́тотъ честолю́бецъ, кото́рый тёмными и ни́зкими путя́ми прокра́вшись на верхъ по́честей, не зналъ мѣры своему́ надме́нію и презо́рству; но наконе́цъ, све́рженный превра́тностію сча́стія, дѣлался предме́томъ всео́бщаго призрѣнія? Вре́мя бы ужё ему́, са́мое лу́чшее вре́мя, тепе́рь узна́ть, что отли́чія и по́чести человѣческія суть пусто́й дымъ, призна́ть свои́ пре́жнія ви́ны предъ Бо́гомъ и человѣками, и устреми́ться къ сниска́нію по́честей вы́сшаго зва́нія, вѣнцо́въ небе́сныхъ. Всё, и внутрь и внѣ, напомина́етъ о семъ душѣ го́рдой и злонра́вной; она́ одна́ не ви́дитъ своего́ положе́нія, остае́тся нераска́янною, и стро́итъ вновь за́мыслы за за́мыслами; теря́ется въ напра́сныхъ уси́ліяхъ и му́читъ себя́ и́ми; не ви́дя успѣха, хули́тъ и ро́пщетъ на всё, то́кмо не на себя́. Не ко́пія ли э́то съ несча́стнаго по́длинника Голго́ѳскаго? — Посмотри́те ещё, что происхо́дитъ съ симъ богаче́мъ, кото́рый, не срамля́ясь ни Бо́га, ни люде́й, ви́димо покла́нялся досе́лѣ одному́ сре́бру и зла́ту: божество его́, ко́ему онъ такъ былъ вѣренъ, наконе́цъ соверше́нно измѣни́ло ему́; сре́бреники его́ сдѣлали себѣ, по выраже́нію Проро́ка, крылья и улетѣли отъ него́ навсегда́. — Не благопрія́тный ли слу́чай и для сего́ несча́стнаго увидѣть, что бога́тство и стяжа́нія земны́я суета́, увидѣть и обрати́ть ду́шу и се́рдце своё къ стяжа́нію благъ негибну́щихъ и неотче́млемыхъ; употреби́ть для сего́ са́мую настоя́щую бѣдность свою́, пренося тя́жесть ея́ въ ду́хѣ покая́нія и вѣры? Но, ожестѣвшая въ сребролю́біи душа́ не разумѣваетъ дня посѣще́нія своего́. Вмѣсто того́, чтобы́ благодари́ть Го́спода и говори́ть: „бла́го мнѣ́ ꙗ҆́кѡ смири́лъ мѧ̀ є҆сѝ“ (Псал. CXVIII, 71.), обнища́вшій бога́чь дерза́етъ проклина́ть су́дьбу свою́, хули́тъ провидѣніе Бо́жіе. Не ко́пія ли э́то съ ужа́снаго по́длинника Голго́ѳскаго? — Взгля́ньте на коне́цъ и на сію́ несча́стную же́ртву страсте́й, на сей оста́токъ человѣка... Въ нёмъ нѣкогда кипѣлъ избы́токъ силъ, ко́и, употребле́нныя благоразу́мно, могли́ соста́вить сча́стіе того́, кто облада́лъ и́ми, и отра́ду для мно́гихъ; но сіи́ си́лы всѣ расточены́ безу́мно

по требованію слѣпыхъ страстей; и вотъ, несчастный, ещё до наступленія полдня, долженъ ожидать заката жизненнаго солнца. Чтобы казалось лучше, даже неизбѣжнѣе теперь, какъ подумать о душѣ своей, возвратиться съ страны далёкой въ домъ отеческій, постараться загладить, сколь можно, слѣды своего неразумія, собрать весь остатокъ силъ душевныхъ и тѣлесныхъ, и принести его въ жертву Богу? Это самое уже говорено было несчастному грѣшнику его духовнымъ отцёмъ; о семъ самомъ уже не разъ напоминала ему собственная его совѣсть. Но что духовный отецъ, что совѣсть для сердецъ нераскаянныхъ? — сластолюбецъ видитъ предъ собою бездну; предъчувствуетъ уже внутрь себя пламень огня геенскаго: и однако же упорно хочетъ, чтобы елей его жизни до послѣдней капли горѣлъ въ честь студнымъ кумирамъ!... Не копія ли это съ ужаснаго подлинника Голгоѳскаго?

Не мало и ещё въ мірѣ такихъ страдальцевъ, коихъ кресты, сличённые съ крестомъ погибшаго разбойника, оказались бы, можетъ быть, во всёмъ ему подобными, или не многимъ отъ него разнствующими: но вмѣсто перечисленія таковыхъ крестоносцевъ, прострёмъ лучше, подобно благоразумному разбойнику, ко всѣмъ имъ слово братскаго вразумленія. —Что вы дѣлаете, несчастные братія? Для чего не видите опаснаго своего положенія? За чѣмъ не пользуетесь бѣдствіями вашими для своего спасенія? Ваши страданія велики: но развѣ лёгче были грѣхи ваши для Сына Божія, за васъ пострадавшаго? — Міръ измѣнилъ вамъ, оставилъ, презрѣлъ васъ? Презрите, бросьте и вы его; вознеситесь надъ всѣмъ настоящимъ, и устремите мысли и желанія свои къ вѣку грядущему. Вмѣсто досады, ропота и хулы, благодарите Бога, что грѣховное ослѣпленіе ваше не продолжилось до конца; благодарите и пользуйтесь милосердіемъ Божіимъ, которое ничѣмъ лучше не могло обнаружить себя надъ бѣдною душею вашею, какъ лишеніемъ васъ благъ земныхъ, кои губили и погубили бы душу вашу. По всему видно,

что вамъ ужё не сходи́ть со креста́, на кое́мъ вы тепе́рь страда́ете: не опусти́те же драгоцѣнной возмо́жности пре-нти́ съ него́ пря́мо на не́бо.

Таковы́, бра́т., мы́сли, возбужда́ющіяся при размы-шле́ніи о таинственномъ троекре́стіи Голго́ѳскомъ. Пре-му́дрость Бо́жія могла́ бы окружи́ть крестъ Спаси́теля на́-шего чѣмъ-либо таки́мъ, что бы́ уменьша́ло собла́знъ сего́ креста́ грѣшнику: но Она́ окружи́ла сей крестъ креста́ми разбо́йниковъ, поже́ртвовавъ ви́димою сла́вою Спаси́теля на́шего на́шему спасе́нію, дабы́ мы, то-есть, взира́я на сіи́ кресты́, научи́лись узнава́ть, подъ каки́мъ кресто́мъ нахо́дится ка́ждый изъ насъ. Бла́го и́бо тому́, кто, об-раща́я внима́ніе на крестъ свой, обрѣте́тъ въ нёмъ нѣкое подо́біе креста́ Христо́ва, креста́ неви́нности и самоот-верже́нія! Да блюде́тъ таковы́й сей драгоцѣнный крестъ и да не мѣня́етъ ни на что въ мі́рѣ. Бла́го и тому́, коего́ крестъ ока́жется подо́бнымъ кресту́ благоразу́мнаго раз-бо́йника, кресту́ вѣры и покая́нія! Да продолжа́етъ тако-вы́й приноси́ть, по возмо́жности, плоды́ сихъ добродѣтелей. Но го́ре, неизрече́нное го́ре тому́, кто, наше́дъ въ себѣ́ и въ судьбѣ́ своей́ схо́дство съ неразка́яннымъ разбо́йни-комъ Голго́ѳскимъ, не поспѣши́тъ удали́ться отъ сего́ ужа́снаго о́бразца, и пре́йти́ на десну́ю стра́ну вѣры и по-кая́нія! Ами́нь.

---

13. СЛО́ВО.

Въ вели́кую Суббо́ту.

Ду́мали ли мы, бра́т., когда́-нибу́дь о томъ, что всѣ мы ужё бы́ли во гро́бѣ, и что надъ ка́ждымъ изъ насъ со-верше́нно ужё погребе́ніе? По кра́йней мѣрѣ помы́слимъ о се́мъ тепе́рь, у сего́ гро́ба. И́бо въ нёмъ и́менно, въ се́мъ гро́бѣ бы́ли погребены́ всѣ мы.

Какъ э́то и когда́? — Въ креще́ніи, отвѣща́етъ Апо́-столъ. „И́бо е́ли́цы во Христа̀ Іису́са крести́хомся, въ сме́рть его̀ крести́хомся: спогребо́хомся ему̀ креще́ніемъ

въ смерть: да якоже воста Христосъ ѿ мертвыхъ славою Отчею, такѡ и мы во ѡбновленіи жизни ходити начнемъ" (Рим. VI, 3, 4.).

Креститься въ смерть! Спогребаться въ смерть! Ахъ, брат., какъ ни изъяснять слова сіи, всё они чрезвычайно сильны и разительны. И смерть человѣка есть нѣчто весьма важное, тѣмъ паче смерть Богочеловѣка. А мы всѣ крестились въ сію смерть! Всѣ погребались въ сію смерть!... Откуда сіе дивно-ужасное крещеніе? Для чего сіе непостижимо Божественное спогребеніе? — Почему купѣль наша была гробомъ, и гробомъ Христовымъ?

Чтобы яснѣе уразумѣть сіе, брат., для чего должно обратить вниманіе на существо и цѣль нашего крещенія.

Для чего мы крещаемся? — „Во оставленіе грѣхѡвъ," отвѣтствуетъ сама Церковь. То есть, изъясняя ту же мыслъ раздѣльнѣе, мы крещаемся для освященія оскверненнаго грѣхомъ естества нашего, для возставленія въ нёмъ образа Божія, для возвращенія ему первобытной невинности и способности къ добродѣтели и блаженству. Но что очищаетъ и освящаетъ насъ въ крещеніи? — Ужели вода, коею омываемся въ купѣли? водою очищаться токмо тѣло, и то по наружности, а не душа, не совѣсть, не умъ и воля. Для души, оскверненной грѣхомъ, для духа, низпадшаго въ бездну зла, потребно очищеніе вышее, внутренѣйшее, духовное. И оно совершается въ крещеніи; — иначе для чего бы совершалось само крещеніе? Что же производитъ его, если не можетъ произвести вода? — Производитъ всеосвящающая кровь Богочеловѣка. Насъ очищаетъ купѣль по тому, что въ водѣ сокрыта благодать Духа низведенная на землю Крестомъ Сына Божія; намъ оставляются при крещеніи грѣхи потому, что за сіи грѣхи принесена жертва на семъ крестѣ; мы выходимъ изъ купѣли чадами Божіими съ правомъ, наслѣдовать жизнь вѣчную потому, что въ купѣли облеклись вѣрою въ заслуги Искупителя, Коему принадлежатъ всѣ блага жизни вѣчной. Такимъ образомъ, крещаяся во оставленіе грѣховъ, мы видимо погружаемся въ воду, а не-

видимо въ смерть и кровь Христову, въ благодать Духа Св. И сіе-то невидимое погруженіе содѣлываетъ такъ дѣйствительнымъ видимое крещеніе водою, которое само по себѣ не имѣло бы никакого дѣйствія на душй. Удалите отъ купѣли вѣру въ Распятаго; и вмѣстѣ съ нею удалится благодать; а посему не будетъ никакого оставленія грѣховъ: отнимите крестъ, и не станетъ крещенія!

Сіе то самое выражаетъ, брат., Апостолъ, когда говоритъ, что мы „крещаемся въ смерть Христовꙋ.“ Но можно креститься въ смерть, не раздѣляя сей смерти.— Христіанинъ не такъ крестится въ смерть своего Господа: погружаясь въ смерть сію, онъ самъ умираетъ, или, по выраженію Апостола, „спогребается Христꙋ.“ Спогребленіе сіе весьма явственно выражается уже для чувственнаго ока погруженіемъ крещаемаго въ водѣ. Погружаясь, мы сокрываемся отъ міра, какъ бы престаемъ на нѣкоторое время существовать — погребаемся: и напротивъ, выходя изъ воды, мы являемся вновь, — начинаемъ какъ бы существовать — воскресаемъ. Это, говорю, видитъ самый глазъ; но это одинъ символъ: на самомъ дѣлѣ въ крещеніи при видимомъ, образномъ погребеніи въ водѣ тѣла, происходитъ погребеніе невидимое, дѣйствительное, объемлющее всего человѣка, оставляющее неизгладимые слѣды на всю жизнь, временную и вѣчную. Что бы совершенно уразумѣть сіе, вспомнимъ опять, для чего мы крещаемся? — „Во оставленіе грѣховъ.“ И такъ, мы приступаемъ къ купѣли нечистыми, грѣховными, ветхими, врагами Божіими; а выходимъ изъ нея оправданными, очищенными, чадами Божіими, людьми новыми. Гдѣ же дѣвается нашъ прежній, ветхій человѣкъ? — Остается въ купѣли. Что съ нимъ тамъ? —Онъ умираетъ и исчезаетъ. Какъ и чьею силою? — Силою креста.— Искупитель и Господь нашъ пріемлетъ въ купѣли нашей на Себя грѣхи наши, нашу ветхость и смертность, нашего ветхаго человѣка, и уничтожаетъ его силою заслугъ крестныхъ, всемощною благодатію Духа Своего; а намъ вмѣсто сего даруетъ Свою правду, Свою жизнь, Свои силы и права

людьми́ но́выми. Е́сли бы въ купѣ́ли на́шей не происходи́ло сей спаси́тельной перемѣ́ны; е́сли бы Искупи́тель нашъ не встрѣча́лъ насъ въ ней таки́мъ чуде́снымъ о́бразомъ; если бы мы не умира́ли тамъ, и не воскреса́ли съ Нимъ: то купѣ́ль на́ша не была́ бы гробо́мъ для на́шего ве́тхаго человѣ́ка; погружа́ясь со грѣха́ми, мы и выходи́ли бы изъ воды́ со грѣха́ми. Съ друго́й стороны́ Искупи́тель нашъ не имѣ́лъ бы, такъ сказа́ть, пра́ва принима́ть въ купѣ́ли на Себя́ на́ши грѣхи́, и отдава́ть намъ Свою́ пра́ведность, снима́ть съ насъ прокля́тіе, и облека́ть насъ благослове́ніемъ; е́сли бы Онъ на Голго́ѳѣ не у́меръ за насъ, не удовлетвори́лъ за грѣхи́ на́ши правосу́дію Бо́жію, не поне́съ на Себѣ́ на́шей ка́зни, не заслужи́лъ для насъ всѣхъ правъ на жизнь вѣ́чную, и таки́мъ о́бразомъ не стяжа́лъ Себѣ́ пра́ва усвоя́ть наслѣ́діе жи́зни вѣ́чной тѣмъ, ко́и вѣ́руютъ во и́мя Его́ и живу́тъ по за́повѣдямъ Его́, каковы́ до́лжны быть всѣ креща́емые. Таки́мъ о́бразомъ въ купѣ́ли, при погруже́ніи на́шемъ, происхо́дитъ погребе́ніе на́шего ве́тхаго человѣ́ка; потому́ что мы погружа́емся не одни́, а со Христо́мъ, его́ умерщвля́ющимъ; погружа́емся не въ одну́ во́ду, а и въ кровь Его́, не погребе́емся то́кмо, а спогреба́емся. И всё сіе́ произво́дитъ вѣ́ра. — Вѣ́рою на́ши грѣхи́ съе́млются съ насъ, и возлага́ются на на́шего Искупи́теля; вѣ́рою Его́ пра́вда взима́ется отъ Него́ и усвоя́ется намъ; по вѣ́рѣ мы умира́емъ и воскреса́емъ предъ судо́мъ пра́вды Бо́жіей, въ лицѣ́ на́шего Хода́тая. Удали́те вѣ́ру отъ креще́нія, и не бу́детъ спогребе́нія Христу́; а безъ спогребе́нія не бу́детъ и погребе́нія ве́тхаго человѣ́ка; а безъ сего́ погребе́нія не произойдётъ и духо́внаго обновле́нія и воскресе́нія. Оста́нется одно́ просто́е погруже́ніе — симво́лъ для глазъ, но не бу́детъ си́лы для ду́ха, дѣ́йствія для се́рдца, та́инства для жи́зни вѣ́чной.

Тепе́рь для ка́ждаго изъ насъ мо́жетъ быть поня́тна си́ла словъ Апо́стольскихъ „погрꙋжа́тисѧ въ сме́рть, спогребаа́тисѧ Хрїстꙋ́;“ а вмѣ́стѣ съ нимъ я́сно и то, почему́

гробъ Христо́въ есть всемі́рною купѣлію, равно́ какъ купѣль на́ша есть гробо́мъ Христо́вымъ.

Но, бра́т., христіа́нство „не въ словеси, а въ силѣ,“ не въ поня́тіи, а въ дѣлѣ. И́стины, о ко́ихъ мы бесѣдовали, таковы́, что до́лжны однима́ть и проника́ть всё существо́ на́ше, выража́ться во всей жи́зни на́шей. И для сего́ не тре́буется да́же раздѣльнаго поня́тія тѣхъ отноше́ній, въ ко́ихъ нахо́дится на́ше креще́ніе къ сме́рти Христо́вой; дово́льно просто́й вѣры въ крестъ Христо́въ, просто́й вѣрности тѣмъ обѣтамъ, ко́и да́ны при креще́ніи. Кто не понима́етъ сихъ обѣтовъ, е́сли то́лько не забы́лъ ихъ по небреже́нію, соверше́нно непрости́тельному? И такъ, бра́т., позво́льте, отъ и́мени почива́ющаго во гробѣ Го́спода, вопроси́ть васъ: ощуща́ете ли вы въ себѣ плоды́ таинства креще́нія въ смерть Христо́ву, — драгоцѣнные плоды́ того́ ди́вна̀го завѣта на жи́знь и смерть, кото́рый при купѣли заключе́нъ съ Го́сподомъ и Спаси́телемъ на́шимъ? Е́сли мы вѣрны сему́ боже́ственному завѣту; то онъ до́лженъ произвести́ въ насъ мно́гое: до́лженъ доста́вить миръ на́шей со́вѣсти, свѣтъ уму́, чи́стоту се́рдцу, свя́тость жи́зни; до́лженъ испра́вить и усоверши́ть весь о́бразъ мы́слей и чувствъ, освяти́ть всѣ на́ши отноше́нія и свя́зы, содѣлать насъ людьми́ но́выми, уго́дными предъ Бо́гомъ и человѣками, досто́йными благослове́нія на земли́ и на не́бѣ, вознесе́нными надъ всѣми превра́тностями мі́ра и жи́зни. До́лженъ говорю́: и́бо кровь Христо́ва, въ кото́рую мы погружа́лись въ купѣли, не мо́жетъ быть безпло́дною. Госпо́дь не напра́сно возшёлъ на крестъ и низшёлъ во гробъ; не напра́сно нисходи́лъ и въ на́шу купѣль и спогреба́лся въ ней съ на́ми; плодо́мъ сего́ до́лжна быть жизнь вѣчная, кото́рая во всей сла́вѣ раскро́ется въ вѣчности, но во всей си́лѣ до́лжна раскры́ться здѣсь, въ продолже́ніе въ на́шей земно́й жи́зни. Такъ ли, бра́т., на са́момъ дѣлѣ? На всегда́ ли оста́лся погребе́ннымъ въ купѣли ве́тхій человѣкъ нашъ съ его́ страстя́ми и похотя́ми? Не воскре́съ ли онъ, и не дѣйствуетъ ли въ насъ самовла́стно? И не погребе́нъ ли, вмѣсто его́ человѣкъ

нóвый, сь кóимъ мы вышли изъ купѣли? Не дóлжно быть, брáт., трудно отвѣчáть на сíй вопрóсы. Смерть и воскресéніе не такíе предмéты, кóи мóжно не вйдѣть, не узнáть, илй сокрыть. Умéршій Христóсъ былъ вйдѣнъ всѣми; сáмые врагй Егó признáли Егó мéртвымъ. Такъ ли съ нáми? — Сказáлъ ли хотя́ одйнъ человѣкъ о насъ, что мы мéртвы для мíра и грѣхá? Чу́вствовали ли мы когдá-либо это самй — въ своéй сóвѣсти? Воскрéсшій Христóсъ былъ вйдѣнъ мнóгими, Онъ давáлъ Себя́ дáже осязáть невѣрующимъ. Такъ ли, брáт., съ нáми? Мóжемъ ли мы сказáть людя́мъ, невѣрующимъ въ сйлу крещéнія, въ благодáть обновлéнія то, что говорйли нѣкогда христíáне язычникамъ: „прїидите и посмотрите на сїе ѡбновлéнїе въ жизни крещéнныхъ, въ ихъ благихъ дѣлахъ и непорóчности нрáвѡвъ“ (Апол. Тертул.)? — По крáйней мѣрѣ, спогрéбшись Христу́ въ крещéніи, хотя́ начинáли ли мы ходйть въ обновлéніи жйзни, отъ Негó принятой? Не стоймъ ли, вмѣсто тогó, совершéнно прáздны на путй ко спасéнію; не сидймъ ли безпéчно на сѣдáлищѣ губйтелей; не лежймъ ли, и не спимъ ли въ блáгѣ чу́вственности? Предложу́ и ещé одйнъ вопрóсъ: пóмнимъ ли, по крáйней мѣрѣ, что мы когдá-то крещéны въ смерть Христóву, что бѣлая одéжда, въ котóрую облеклй насъ по выходѣ изъ купѣли, былá сдѣлана изъ плащанйцы нáшего Гóспода? Увы́, какъ мнóго христíáнъ, не могу́щихъ дать утвердйтельнаго отвѣта и на сей послѣдній вопрóсъ! Бóже мой, что же знáчитъ нáше христíáнство, éсли мы не пóмнимъ, въ когó и во что мы крестйлись? — Велйчіе гробá Христóва не умáлится, брáт. отъ нáшей неблагодáрности; Госпóдь остáнется влады́кою нéба и землй при всѣхъ нáшихъ измѣнахъ Ему́: но что бу́детъ съ нáми, éсли мы, потеря́въ благодáть нáшего крещéнія, не возвратймъ óной чрезъ покая́ніе? — Всéосвящáющая кровь завѣта, вмѣсто тогó, чтобы́ ходáтайствовать за насъ, не возопіéтъ ли протйву насъ, и не бу́детъ ли просйть отмщéнія? И такъ, поспѣшймъ, докóлѣ есть врéмя, снóва окрестйться слезáми йстиннаго покая́нія; поспѣшймъ очиститься крóвію завѣ-

та, доко́лѣ она́ не престала́ течь изъ боже́ственныхъ язвъ. Тепе́рь Онъ зове́тъ весь день, всю жизнь на́шу, простира́я къ намъ ру́ки со креста́; и мы не вне́млемъ и не прихо́димъ: бу́детъ вре́мя, когда́ и къ Нему́ воззову́тъ, и Онъ не услы́шитъ тѣхъ, ко́и не внима́ли Ему́. Да не оста́немся въ числѣ послѣднихъ. Ами́нь.

---

14. СЛО́ВО. *)

На пра́здникъ св. Па́схи.

Мы слы́шали нынѣ повѣствованіе Ева́нгелиста Лу́ки о двухъ ученика́хъ, кото́рымъ явился Госпо́дь на пути́ и съ кото́рыми продолжа́лъ путь, слы́шали, что говори́лъ Онъ имъ, и что отвѣща́ли Ему́ они́, до како́го мѣста дошёлъ съ ни́ми, и какъ позна́ли они́ Его́ въ преломле́ніи хлѣба. Како́й же, бра́тіе! здѣсь предме́тъ для на́шего размышле́нія? Здѣсь назида́ніе вѣры на́шей въ воскресе́ніе Го́спода Іису́са Христа́. Мы ужё вѣровали, когда́ слы́шали Ева́нгеліе и съ вѣрою вошли́ нынѣ въ це́рковь; но какъ-то съ но́вою ра́достію слы́шимъ то, что намъ воспомина́ется. Какъ же хо́чете ра́доваться, когда́ представля́ется намъ, бу́дто мы лу́чше тѣхъ ученико́въ путеше́ственниковъ, кото́рымъ яви́лся Госпо́дь? И́бо мы вѣруемъ, чему́ они́ еще́ не вѣровали. Они́ потеря́ли наде́жду, а мы не сомнѣва́емся въ томъ, въ чёмъ они́ сомнѣва́лись. По распя́тіи Го́спода, они́ потеря́ли наде́жду, какъ ви́дно изъ словъ ихъ. „Что сꙋть словеса̀ сі̑ѧ,“ вопроси́лъ ихъ Госпо́дь „ѿ ни́хже стѧза́етесѧ къ себѣ̀ и҆дꙋ́ще, и҆ є҆ста̀ дрѧ́хла,“ и они́ сказа́ли: „ты̀ ли є҆ди́нъ при́шлецъ є҆сѝ во і҆ерꙋсали́мѣ, и҆ не оу҆вѣ́дѣлъ є҆сѝ бы́вшихъ въ не́мъ во дни̑ сі̑ѧ? — Ківхъ?“ — спра́шивалъ такъ о себѣ всевѣдущій, потому́, что жела́лъ быть въ нихъ прису́щимъ. „Кіихъ? — Ѡ̑ і҆и҆сꙋ́сѣ назаря́нинѣ, — отвѣтствуютъ, — и҆́же бы́сть мꙋ́жъ проро́къ, си́ленъ дѣ́ломъ и҆ сло́вомъ

---

*) Свята́го Августи́на.

предъ Богомъ и всѣми людми: Какω предаша его архіереи и князи наши на осужденіе смерти, и распяша его: мы же надѣяхомся." Вы поучались, а теперь ужё не надѣетесь! Такіе ли вы ученики? Разбойникъ на крестѣ оказался лучшимъ. Вы забыли Того, кто училъ васъ, а онъ позналъ Его, когда съ Нимъ страдалъ на древѣ. „Мы же надѣяхомся." Чего надѣялись? „Якω сей есть хотяй избавити Ізраиля:" чего вы надѣялись, и на что потеряли надежду, когда Христосъ былъ разпятъ, то призналъ разбойникъ распятый, и сказалъ: „помяни мя, Господи, егда пріидеши во Царствіи Твоемъ" (Лук. XXIII, 42.), — призналъ, „якω сей есть хотяй избавити Ізраиля." Крестъ былъ училищемъ для разбойника. Древо висящаго содѣлалось каѳедрою учащаго. Но возвратившійся къ вамъ да возвратитъ вамъ надежду. Такъ и было. Припомните, возлюбленые, какъ Господь Іисусъ благоволилъ быть познаннымъ въ преломленіи хлѣба, тѣмъ, коихъ „очи держастѣся, да его не познаета." Вѣрные знаютъ, что говорю я: они знаютъ Христа въ преломленіи хлѣба. Ибо не всякій хлѣбъ, а только тотъ, который пріемлетъ благословеніе Христово, дѣлается тѣломъ Христовымъ. Тамъ познали они, познавъ возрадовались и не спѣшили къ другимъ, обрѣли другихъ ужё знающихъ и повѣствующихъ, что кто видѣлъ, и своё сказаніе приложили въ Евангелію. Таково сказаніе, таковы событія; такъ написано дошло до насъ.

Да вѣруемъ во Христа распятаго, и вмѣстѣ воскресшаго въ третій день. Такова вѣра, которою отличаемся мы отъ язычниковъ и Іудеевъ. Апостолъ говоритъ Тимоѳею: „поминай Господа Іисуса Христа, воставшаго отъ мертвыхъ, отъ сѣмене Давидова, по благовѣствованію моему" (2. Тим. II, 8.). И въ другомъ мѣстѣ: „аще исповѣси усты твоими Господа Іисуса, и вѣруеши въ сердцѣ твоемъ, якω Богъ того воздвиже изъ мертвыхъ, спасешися" (Римл. X. 9.). Я знаю, что вы вѣруете; знаю потому, что и спасетесь. Содержите сердцемъ, исповѣдуйте устами ту истину, что Христосъ воскресъ изъ

мёртвыхъ. Но имѣйте вѣру Христіанъ, а не вѣру демоновъ. — Вотъ я отличаю вамъ вѣру отъ вѣры. Я сказалъ: то вѣра, по которой вѣруемъ мы въ воскресеніе Іисуса Христа отъ мёртвыхъ, отличаетъ насъ отъ язычниковъ. Спроси язычника: былъ ли Христосъ распятъ? онъ отвѣтитъ: точно такъ! — А воскресъ ли? — скажетъ: нѣтъ. Спроси также Іудея: былъ ли распятъ Христосъ? Онъ сознается въ винѣ своихъ предковъ, сознается въ преступленіи, въ которомъ и самъ участвуетъ; ибо піетъ ту чашу, которую поднесли ему родители, когда сказали: „Кровь его на насъ и на чадѣхъ нашихъ" (Матѳ. XXVII. 25.). Но спроси его: воскресъ ли Христосъ отъ мёртвыхъ? онъ будетъ отрицать, насмѣхаться, клеветать. Мы раздѣлились. Ибо вѣруемъ, что Христосъ, отъ сѣмене Давидова по плоти, воскресъ изъ мёртвыхъ. Ужели не знали сего демоны, или сему не вѣрили, что и вѣдѣли? Еще до воскресенія, взывалъ и говорилъ демонъ: „вѣмъ тя, кто еси, святый Божій" (Марк. I, 24.). Но вѣруя въ воскресеніе Христово и различаясь тѣмъ отъ язычниковъ, ужели мы не различаемся вѣрою отъ демоновъ? Почему однако демону, такъ говорящему сказано: „умолчи"? Не тоже ли сказалъ онъ, что исповѣдалъ Петръ: „Ты еси Христосъ, Сынъ Бога живаго"? (Матѳ. XVI, 16.). И демону сказано: „умолчи", а Петру: „блаженъ еси". Что различало ихъ, то да отличаетъ и насъ. Что побуждало вопить такъ демоновъ? Что Петра? Любовь. Теперь изберите, возлюбите. Тоже вѣра, что различаетъ христіанъ отъ демоновъ, но не таже вѣра. Ибо Апостолъ Іаковъ говоритъ: „ты вѣруеши, яко Богъ единъ есть: добрѣ твориши: и бѣси вѣруютъ, и трепещутъ" (Іаковл. II, 19.). Это говоритъ тотъ же, который въ томъ посланіи пишетъ: „кая польза, братіе моя, аще вѣру глаголетъ кто имѣти, дѣлъ же не имать; еда можетъ вѣра спасти его?" (Iак. X. 14.). И Апостолъ Павелъ учитъ: „ни обрѣзаніе что можетъ, ни необрѣзаніе, но вѣра любовію поспѣшествуема" (Гал. V, 6.). Так различили мы вѣру истинную отъ ложной; или лучше, такое

различіе нашли́ мы въ писа́ніи, такъ научи́лись. Какъ различа́емся вѣрою, такъ да различа́емся и нра́вами, и дѣла́ми, воспламеня́сь любо́вію, кото́рой не имѣютъ де́моны. Симъ-то огнёмъ горѣли и о́ные два ученика́ на пути́. И́бо, когда́ позна́ли Христа́, и Онъ отходи́лъ отъ нихъ, они́ сказа́ли другъ ко дру́гу: „не се́рдце ли на́ше горя́ бѣ въ на́съ, егда́ глаго́лаше на́ма на пути́, и егда́ сказо́ваше на́ма писа́нія" (Лук. XXIII. 32.). Гори́те и вы симъ огнёмъ, чтобъ не горѣть тѣмъ, кото́рымъ бу́дутъ горѣть де́моны. Гори́те огнёмъ любви́, чтобъ различа́ться отъ де́моновъ. Э́тотъ пла́мень возвыша́етъ васъ го́рѣ, возно́ситъ къ не́бу. Что ни потерпѣли бы вы ско́рбнаго на земли́, ско́лько бы ни наклоня́лъ врагъ се́рдце христіа́нина до́лу, пла́мень любви́ стреми́тся го́рѣ. Такъ пла́мень фа́кела, де́ржишь ли его́ пря́мо, или́ обраща́ешь въ низъ, восхо́дитъ къ не́бу. Горя́ у́бо ду́хомъ, возжига́йтесь огнёмъ любви́; пламенѣйте хвала́ми къ Бо́гу и добродѣтелями. Е́сли оди́нъ горя́чъ, друго́й хла́денъ, то горя́чій да возжига́етъ хла́днаго, и кто имѣетъ ма́ло огня́, да жела́етъ бо́льшаго, да про́ситъ по́мощи. Госпо́дь гото́въ дарова́ть намъ; а мы, съ отве́рстыми сердца́ми, да жела́емъ приня́ть. Ами́нь.

---

15. СЛО́ВО. *)

На вознесе́ніе Госпо́дне.

Прославле́ніе Го́спода на́шего, Іису́са Христа́, соверши́лось воскресе́ніемъ Его́ и вознесе́ніемъ. Воскресе́ніе пра́здновали мы въ пе́рвый день Па́схи; Вознесе́ніе пра́зднуемъ нынѣ. Торжество́ для насъ тотъ и друго́й день. Воскре́съ Онъ, да яви́тъ намъ примѣръ воскресе́нія; вознёсся, да покрови́тельствуетъ намъ свыше. И такъ тотъ же Госпо́дь и Спаси́тель нашъ, Іису́съ Христо́съ, кото́рый висѣлъ на дре́вѣ, нынѣ сѣди́тъ на не́бѣ. Висѣвъ на дре́вѣ,

---

*) Свята́го Августи́на.

Онъ уплатилъ нашу цѣну, а сѣдя на нѐбѣ собираетъ имъ купленное. Когда же соберетъ всѣхъ, въ продолженіе временъ соберетъ, тогда придётъ въ концѣ временъ, и какъ писано, „Бо́гъ ꙗвѣ пріидетъ“ (Пс. XLIX. 3.), — придётъ явѣ, а не сокровенно, какъ приходилъ прежде. Надлежало притти Ему сокровеннымъ, чтобы быть судимымъ; но придётъ явнымъ, чтобы судить. Ибо, если бы пришёлъ явнымъ прежде, то кто смѣлъ бы судить Его? „А҆́ще бо бы́ша разꙋмѣли, — говоритъ Апостолъ Павелъ, — не бы́ша Го́спода сла́вы распали“ (1. Кор. II. 8.). А если бы Онъ не былъ умерщвлёнъ, не умерла бы смерть. Діаволъ побѣждёнъ своей побѣдой. Ибо онъ торжествовалъ, когда, обольстивъ перваго человѣка, подвергъ его смерти. Обольстивъ перваго, убилъ его, а умертвивъ втораго Адама, потерялъ плѣнника своего-перваго. Такимъ образомъ Господь нашъ, Іисусъ Христосъ, одержалъ побѣду, когда воскресъ и вознесся на небо, и исполнилось то, что слышали мы при чтеніи Апокалипсиса: „побѣди́лъ є҆́сть ле́въ, и҆́же сы́й ѿ колѣ́на і҆ꙋ́дова“ (Ап. V. 5.). Тотъ же названъ львомъ, кто, яко агнецъ, былъ умерщвлёнъ. Онъ лёвъ по силѣ, а агнецъ по невинности: лёвъ, какъ непобѣдимый, агнецъ, какъ смиренный. И вотъ Агнецъ умерщвлённый побѣдилъ своею смертію льва, который „хо́дитъ и҆скі́й, кого̀ поглоти́ти“ (1. Петр. V. 8.), то есть, діавола, который львомъ называется, не по силѣ, а по лютости. „Хо́дитъ дїа́волъ, — говоритъ Апостолъ Петръ — ꙗ҆́кѡ ле́въ рыка́ѧ, и҆скі́й, кого̀ поглоти́ти.“ И кто не достался бы зубамъ льва сего еслибъ не побѣдилъ лёвъ иже отъ колѣна Юдова? Противъ льва Лёвъ, противъ волка Агнецъ. Торжествовалъ діаволъ, когда Христосъ умеръ; но самою смертію Христовою побѣждёнъ діаволъ: онъ, какъ бы въ западнѣ, уловленъ пищею. Радовался о смерти, какъ начальникъ смерти; но о чёмъ радовался, тѣмъ и уловленъ былъ. Западня діаволу, крестъ Господень; пища, уловившая діавола, — смерть Господня. И се воскресъ Господь нашъ, Іисусъ Христосъ. Гдѣ теперь смерть, висѣвшая на древѣ? Гдѣ ругательства Іудеевъ?

Гдѣ высокомѣріе и превозношéніе тѣхъ, кóи покивáли главáми у крестá и говорúли: „ѧ҆́ще сы́нъ є҆сѝ бж҃ій, сни́ди со крестà?“ (Матѳ. XXVII. 40.) Госпóдь сдѣлалъ бóлѣе, нéжели скóлько онú, ругáясь, трéбовали. Йбо бóлѣе знáчить воскреснýть отъ гробá, нéжели сойтú съ дрéва.

Какъ же велúка слáва въ томъ, что Христóсъ вознéсся на нéбо и сѣдúтъ одеснýю Отцá? Но сегó не вúдимъ мы очáми, какъ не вúдѣли Егó и висяшаго на дрéвѣ. Всё э́то содéржимъ вѣрою, зримъ очáми сéрдца. Йбо нынѣ, какъ вы слы́шали, брáтія! Госпóдь нашъ, Іисýсъ Христóсъ, вознéсся на нéбо; да вознесéтся съ нимъ и нáше сéрдце. Послýшаемъ словъ Апóстола: „ѧ҆́ще, воскресну́сте со Хрⷭ҇то́мъ, вы́шнихъ и҆щи́те, и҆дѣ́же є҆́сть Хрⷭ҇то́съ, ѡ҆деснꙋ́ю Бо́га сѣдѧ̀; го́рнѧѧ мꙋ́дрствꙋйте, не зємнáѧ“ (Кол III, 1. 2.). Какъ Онъ, вознéсшись, не отступúлъ отъ насъ, такъ и мы ужё тамъ съ Нимъ, хотя́ ещё не совершúлось въ тѣлѣ нáшемъ то, что обѣщáется намъ. Онъ ужё воснесéнъ превы́ше небéсъ. И намъ не дóлжно терять надéжды взойтú въ совершéнное жилúще небéсное, áнгельское, хотя́ и скáзано: „никто́же взы́де на не́бо, то́кмѡ сше́дый съ небесѐ Сы́нъ человѣ́ческій, сы́й на небесѝ“ (Іоан. III, 13.). Э́то скáзано по причúнѣ тогó единства, по котóрому Госпóдь есть нáша главá, а мы Егó тѣло. Посемý когдá Онъ вознéсся на нéбо, мы не отлучúлись отъ Негó. Сошéдшій съ небéсъ, не откáзываетъ и намъ въ нéбѣ, но ещё какъ бы взывáетъ: „бýдьте моúми членáми, éсли хóчете вознестúсь на нéбо.“ Въ семъ ýбо соединéніи да утверждáемъ себя́, всéю сúлою душú, да возлю́бимъ óное. Да помышля́емъ въ жилúщахъ дóльнихъ, что мы сопричисля́емся къ гóрнимъ. Нѣкогда совлечéмся смéртности тѣла; тепéрь совлечéмся вéтхости дýха. И тѣло, безъ трудá, вознесéтся въ міръ гóрній, когдá духъ не бýдетъ гнетóмъ тя́жестію беззакóній. Амúнь.

---

16. СЛО́ВО.

На Преполове́ніе Пятидеся́тницы.

Бра́тія и Отцы́! съ воскресе́ніемъ Христо́вымъ оживáетъ вся вселе́нная: ко вре́мени торжества́ въ честь Его́ земля́ покрывáется зе́ленью, дерева́ разцвѣта́ютъ, живо́тныя пасу́тся на луга́хъ, мо́ре утиха́етъ, сло́вомъ: всё прихо́дитъ въ лу́чшее состоя́ніе, сбра́сывая уны́лый покро́въ, кото́рый лежа́лъ на всёмъ, во вре́мя зимы́. Но е́сли пресла́вному воскресе́нію такъ сочу́вствуютъ неодушевле́нныя и неразу́мныя существа́, то тѣмъ бо́лѣе мы, имѣя ра́зумъ, и бывъ со́зданы по о́бразу Бо́жію, до́лжны въ э́то вре́мя благоукраша́ться во нра́вахъ, и благоуха́ть ду́хомъ, т. е. пріобрѣта́ть вся́кія добродѣтели, и́бо благоуха́ніе Христо́во суть лю́ди добродѣтельные, какъ ви́дно изъ словъ Апо́стола: „Хрїсто́во благоѹха́нїе е҆смы̀ Бо́гови въ спаса́емыхъ и҆ въ погиба́ющихъ: о҆́вѣмъ ѹ҆́бѡ вона̀ сме́ртнаѧ въ сме́рть, о҆́вѣмъ же вона̀ живо́тнаѧ въ живо́тъ“ (2. Кор. II. 15, 16.). Здѣсь на́добно замѣтить, что Ада́мъ пре́жде преступле́нія былъ благоуха́ніемъ Бо́гу; поели́ку, облада́я безсме́ртіемъ и созерца́я небе́сную кра́соту, онъ обита́лъ въ раю́, чтобъ усоверша́ться въ добродѣтеляхъ. Такъ и Иса́акъ Патріа́рхъ, обоня́въ духо́вное благоуха́ніе сы́на своего́, Іа́кова, сказа́лъ: „сѐ вона̀ сы́на моегѡ̀, ꙗ҆́кѡ вона̀ ни́вы и҆спо́лненны, ю҆́же благословѝ Госпо́дь“ (Быт. XXVII. 27.). И такъ, Бра́тія! содѣлаемся духо́внымъ благоуха́ніемъ, т. е. украсимся добродѣтелями. Э́тимъ благоуха́ніемъ мы угоди́мъ Бо́гу, привлече́мъ А́нгеловъ, а де́моновъ отго́нимъ отъ себя́; въ во́ню сего́ благоуха́нія отроковицы теку́тъ въ слѣдъ Христа́, какъ говори́тся въ пѣсняхъ пѣсней (I. 3.) Попече́мся пріобрѣсти́ его́ во вре́мя святаго преполове́нія наступа́ющей Пятидеся́тницы, и́бо въ Ева́нгеліи говори́тся: „что въ преполове́нїе пра́здника взы́де Ї҆исъ въ Це́рковь, и҆ ѹ҆ча́ше, и҆ дивлѧ́хѹсѧ Ї҆ѹде́е глаго́люще: ка́кѡ се́й кни́ги вѣ́сть не ѹ҆чи́всѧ“ (Іоан. VII. 14, 15.)? Но такъ поступа́лъ Іису́съ Христо́съ пре́жде своего́ страда́нія; а

ны́нѣ, по́слѣ воскресе́нія являя́сь святы́мъ Апо́столамъ, Онъ открыва́лъ имъ та́йны. Чтобы́ увѣрить ихъ въ воскресе́ніи Своёмъ, Онъ, (о неизрече́ннаго снисхожде́нія!), вкуша́лъ и пилъ съ ни́ми, хотя́ свята́я плоть Его́ не тре́бовала сего́; и дабы́ они́ не почита́ли Его́ ду́хомъ, дозволи́лъ имъ осяза́ть своё ребро́, ру́ки, и но́ги. Что ска́жешь на э́то ты христобо́рецъ? Е́сли бы не льзя бы́ло изобража́ть Его́ на ико́нахъ, то Онъ не имѣлъ бы пло́ти и косте́й; но показа́въ плоть Свою́; Онъ и не говоря́ научи́лъ насъ тому́, чтобы́ мы изобража́ли Его́ на ико́нахъ. Но извѣстно, что иконобо́рцы подве́ргнутся ра́вной у́части съ Манихе́ями, и́бо одина́ковыя съ ни́ми имѣютъ заблужде́нія; мы же, Бра́тія! де́ржась правосла́внаго уче́нія, т. е. вѣруя, что на ико́нѣ ви́димъ и покланя́емся са́мому Іису́су Христу́, бу́демъ жить соотвѣтственно сему́ вѣрова́нію, т. е. чи́сто, непоро́чно, свя́то, дабы́ наслѣдовать ца́рство небе́сное, по благода́ти Го́спода на́шего, Іису́са Христа́, кото́рому сла́ва и власть со Отце́мъ и Святы́мъ Ду́хомъ ны́нѣ и при́сно и во вѣки вѣко́въ. Ами́нь.

---

17. С Л О́ В О.

Въ день Пятидеся́тницы.

„И҆спо́лнишасѧ всѝ Дꙋ́ха Ст҃а́го.“
Дѣян. II. 4.

По́слѣ того́, какъ погрузи́вшійся въ твари, не могши сноси́ть не со́зданнаго свѣта, человѣкъ „скры́сѧ“ (Быт. III. 8.) отъ Бо́га, и Богъ скры́лся отъ человѣка, дабы́ не истреби́ть престу́пника святы́мъ Свои́мъ присутствіемъ, Еди́ный Тріипоста́сный, по неизрече́нной бла́гости, вновь прибли́жился къ отчужде́нному въ постепе́нныхъ открове́ніяхъ, да „Благода́ть Го́спода на́шегѡ, І҆исꙋ́са Хрїста̀, и҆ любы̀ Бо́га и҆ Ѻ҆тца̀ и҆ ѻ҆бще́нїе Ст҃а́гѡ Дꙋ́ха“ (2. Кор. XIII. 13.) возста́витъ и па́ки превознесе́тъ па́дшаго. Яви́лся Оте́цъ въ обѣтова́ніяхъ любви́ и милосе́рдія, и устраше́ннаго всемогу́щимъ правосу́діемъ грѣш-

ника пробождалъ къ ходатайству Сына: явился Сынъ подъ покровомъ человѣчества, и, въ Себѣ Самомъ побѣдивъ грѣхъ, и умертвивъ смерть, отверзъ Благодати Святаго Духа дверь къ сынамъ гнѣва: явился наконецъ Духъ Святый въ знаменіи огненныхъ языковъ, и проникнулъ въ Апостолахъ естество человѣческое, дабы усвоить ему благоволеніе Отца и заслуги Сына, и содѣлать, „да бꙋ́демъ причастницы Божественнагѡ єстества̀“ (2. Петр. 1. 4.).

Въ тотъ самый день, въ который данъ нѣкогда на Синаѣ законъ „дꙋ́ха рабо́ты въ боа́знь“ смерти: въ тотъ самый день исшёлъ нынѣ отъ Сіона „зако́нъ дꙋ́ха жи́зни, свобо́ды, сыноположе́нїѧ“ (Рим. VIII. 2. 15.): да разумѣемъ, что не постигнутое плотскимъ Израилемъ „ѡ҆правда́нїе зако́на и҆спо́лнаетсѧ въ чадахъ вѣры, ходѧ́щихъ по дꙋ́хꙋ“ (Рим. VIII, 4.), и общество спасаемыхъ предъизмѣреннымъ шествіемъ приближается къ совершенію.

И такъ мы должны взирать на сошествіе Святаго Духа не токмо, какъ на чудо, прославившее Апостольскую церковъ, но и какъ на событіе, существенно сопряженное съ дѣломъ нашего спасенія. Настоящее торжество не есть простое воспоминаніе прошедшаго, но продолженіе Апостольскаго приготовленія къ пріятію онаго „Дꙋ́ха, непрестанно дышꙋ́щагѡ, и҆дѣ́же хо́щетъ.“ Апостолы, какъ повѣствуетъ книга ихъ дѣяній, послѣ постоянныхъ и единодушныхъ молитвѣ, „и҆спо́лнишасѧ Дꙋ́ха Свѧ́та;“ и не только Апостолы, но, по изъясненію святаго Златоуста, и пребывавшіе съ ними ученики, „и҆ме́нъ наро́да вкꙋ́пѣ ꙗ҆́кѡ сто̀ и҆ два́десѧть“ (Дѣян. I. 15), „и҆спо́лнишасѧ вси̑“. И насъ нынѣ церковь, какъ въ Іерусалимской „го́рницѣ“ (Дѣян. I. 13.,) во храмѣ семъ совокупляетъ, дабы призвать Утѣшителя Духа истины, да придётъ и вселится въ насъ.

Чтобы столь важное прошеніе не срѣтилось съ древнимъ упрекомъ: „невѣ́ста, чесѡ̀ проси́та,“ — вникнемъ, слушатели, предварительно, что такое „и҆спо́лнитисѧ Дꙋ́ха Свѧ́та“, и колико даръ сей необходимъ для всѣхъ и каждаго.

Не осмѣлимся говори́ть здѣсь о Ду́хѣ Свято́мъ, какъ тре́тіемъ лицѣ́ покланя́емыя Тро́ицы . . . самъ то́лько „Бо́жїй Дꙋ́хъ испытꙋ́етъ глꙋбины̑ Бо́жїѧ“ (1. Кор. II. 10. 11.). „Дꙋ́хъ, посыла́емъ Сы́номъ ѿ О҆тца̀“ (Іоан. XV. 26.) въ спаси́тельныхъ да́рахъ, Духъ, исполня́ющій человѣ́ка, человѣ́къ, испо́лненный Ду́ха: вотъ предме́ты, кото́рые постига́етъ человѣ́къ, но и то человѣ́къ, Ду́хомъ же обита́емый; мы, едва́ ли „нача́токъ Дꙋ́ха и҆мꙋ́ще“ (Римл. VIII. 23.), то́лько издалека́, чрезъ зерца́ло сло́ва Бо́жія, приника́ть мо́жемъ въ явле́нія сего́ вели́каго таи́нства.

Что тако́е Духъ Святы́й въ первонача́льныхъ да́рахъ Свои́хъ, сіе́ изъясня́етъ Самъ Онъ Свои́ми о́гненными языка́ми. Онъ есть неве́щественный о́гнь, кото́рый дѣ́йствуетъ двумя́ си́лами; свѣ́томъ и теплото́ю,— свѣ́томъ вѣ́ры, теплото́ю любви́. Сей небе́сный свѣтъ, по выраже́нію Соломо́на, „предхо́дитъ и҆ просвѣща́етъ, до́ндеже и҆спра́вится де́нь“ (Прит. IV. 18.). Разгоня́етъ мглу невѣ́дѣнія и сомнѣ́ній; открыва́етъ обма́нъ призра́ковъ, кото́рые погря́зшій въ чу́вственности ра́зумъ принима́етъ не рѣ́дко за и́стины; даётъ человѣ́ку ви́дѣть себя́ самого́ въ наготѣ́ растлѣ́нной приро́ды, позна́ть міръ въ отноше́ніи къ душѣ́, и ощути́ть прису́тствіе Бо́га, я́ко исто́чника свѣ́та; сообща́етъ „ᲂу҆пова́емыхъ и҆звѣще́нїе, веще́й ѡ҆бличе́нїе неви́димыхъ“ (Евр. XI. 1.). По той мѣ́рѣ, какъ свѣтъ отъ Со́лнца пра́вды умножа́ется въ умѣ́, согрѣва́ется и воспламеня́ется се́рдце. Любо́вь Боже́ственная изгоня́етъ изъ него́ самолю́біе; попаля́етъ въ нёмъ те́рніе пло́тскихъ пожела́ній; очища́етъ, упраздня́етъ его́, и взаимно привлека́етъ въ ду́шу но́вый свѣтъ. Сля́ніе сихъ исто́чныхъ да́ровъ Духо́вныхъ образу́етъ о́гненный язы́къ, изрека́ющій „зако́нъ Бо́га Сло́ва въ се́рдцѣ“ (Псал. XXXVI. 31.) человѣ́ка, „вообража́ющій въ не́мъ Хрїста̀“ (Гал. IV. 19.), соверша́ющій возрожде́ніе въ жизнь духо́вную.

Спо́собъ, каковы́мъ человѣ́къ исполня́ется благода́тныхъ да́ровъ, есть еди́ное нераздѣ́льное дѣ́йствіе Св.

Ду́ха, кото́рое одна́ко въ человѣкѣ начина́ется и прекраща́ется, уменьша́ется и возраста́етъ, дли́тся и ускоря́ется, пріе́млетъ разли́чныя направле́нія и ви́ды; всегда́ соотвѣтствуетъ гото́вности пріе́млющаго, но никогда́ не зави́ситъ отъ его́ произво́ла; сопровожда́ется ощути́тельными слѣдствіями, но убѣга́етъ отъ разсу́дка, желаю́щаго взойти́ къ его́ нача́лу. Простира́ясь изъ вну́тренняго во внѣшнее, оно́ уподобля́ется влагѣ, сходя́щей на руно́ Гедео́ново (Суд. VI. 38), кото́рая изъ во́здуха открыва́ется въ ка́пляхъ воды́, и наполня́етъ окри́нъ; или́ вѣтру, примѣча́емому въ тѣхъ движе́ніяхъ, кото́рыя онъ произво́дитъ, но не въ тѣхъ, кото́рыя его́ составля́ютъ. „Дꙋ́хъ, и҆дѣ́же хо́щетъ, ды́шетъ, и҆ гла́съ є҆гѡ̀ слы́шиши, но не вѣ́си, ѿкꙋ́дꙋ прихо́дитъ, и҆ ка́мѡ и҆́детъ: та́кѡ є҆́сть вся́къ человѣ́къ рожде́нный ѿ Дꙋ́ха“ (Іоан. III. 8.). Какі́я же суть примѣча́тельнѣйшія перемѣ́ны, кото́рыя мо́гутъ означи́ть путь Ду́ха Бо́жія въ душѣ́ человѣ́ческой? — Быва́ютъ мину́ты, въ кото́рыя и преда́нный мі́ру и пло́ти человѣ́къ пробужда́ется отъ очарова́нія, въ каково́мъ они́ де́ржатъ его́; ви́дитъ я́сно, что проше́дшая жизнь его́ есть цѣнь заблужде́ній слабосте́й, преступле́ній, измѣ́нъ Бо́гу, что дѣла́ его́ есте́ственно суть сѣ́мя бу́дущихъ казне́й, и что са́мыя добродѣ́тели его́ не постоя́тъ предъ взо́ромъ вѣ́чнаго Суді́я; осужда́етъ самъ себя́; трепе́щетъ всѣмъ существо́мъ свои́мъ, и бу́дучи отча́янъ въ само́мъ себѣ́, чрезъ сіе́ отча́яніе влече́тся къ упова́нію на Бо́га: — сіе́ расположе́ніе къ покая́нію что есть ино́е, какъ не тотъ „Дꙋ́хъ ве́лїй и҆ крѣ́покъ, разора́ѧ го́ры и҆ сокрꙋша́ѧ каме́нїе“ (то есть, низлага́ющій го́рдость, и умягча́ющій жестокосе́рдіе), кото́рый посыла́етъ предъ собо́ю „ми́мѡ ходѧ́щїй Госпо́дь“ (3. Цар. XIX. 11.)? Что, какъ не то „дыха́нїе тонко,“ кото́рое предвѣща́етъ соше́ствіе Свята́го Ду́ха“ (Дѣян. II. 2.). Что, какъ не тотъ „стра́хъ Твой, Го́споди, среди́ ко́его мы „во чре́вѣ пріе́млемъ Дꙋ́хъ спасе́нїѧ Твоегѡ̀“ (Исаи. XXVI. 18.)? Блаже́нъ, кто съ поко́рностію даётъ влещи́ себя́ сему́ стремле́нію Ду́ха Бо́жія! Оно́ поведётъ

его „тѣснымъ пѹтемъ“ (Мат. VII. 14.) самоотверженія; заставитъ его самого исторгать то, что прежде посѣялъ, и разрушать то, что созидалъ; научитъ его страдать, и „радоватисѧ во страданіихъ“ (Кол. I. 24); „распѧть плоть со страстьми и похотьми“ (Гал. V, 24.), дабы совершенно предать духъ въ руцѣ Божіи. Мало по малу бурное дыханіе превратится въ тѣ кроткія, „неизглаголанными воздыханіи, коими Самъ Дѹхъ ходатайствѹетъ ѡ насъ“ (Рим. VIII. 26.); въ тотъ живый гласъ, коимъ „вопіѧетъ Онъ въ сердцахъ нашихъ: Авва Отче“ (Гал. IV. 6.): и тогда человѣкъ исполняетъ Христову заповѣдь „о непрестанной молитвѣ“ (Лук. XVIII. 1.), что, при однѣхъ собственныхъ силахъ, было бы для него не возможно, и по его склонности къ разсѣянію, и по невѣдѣнію предметовъ и образа истинной молитвы: „ѡ чесомъ помолимсѧ, ѩкоже подобаетъ, не вѣмы“. Съ упражненіемъ въ непрестанной молитвѣ неразлучно соединяется Духовное уединеніе, въ которомъ Христіанинъ, „вошедъ въ клѣть свою, и затворивъ двери“ (Мат. VI. 6.), пребываетъ, подобно какъ Апостолы, „въ ожиданіи ѡбѣтованіѧ Отца“ (Дѣян. 1. 4.). Онъ не вдаётся въ развлеченіе, въ коемъ міролюбцы, связанные суетными благоприличіями, преслѣдуя утѣхи, преслѣдуемы заботами, рѣдко возвращаются къ себѣ: но „плѣнѧетъ разѹмъ въ послѹшаніе Хрістово“ (2. Кор. X. 5.), и всѣ свои желанія или воскриляетъ горѣ, гдѣ „животъ его сокровенъ есть со Хрістомъ въ Бозѣ“ (Кол. III. 3.), или упокоиваетъ внутрь себя, гдѣ Благодать наконецъ должна открыть „царствіе Божіе“ (Лук. XVII. 21.). Исполняетъ обязанности своего состоянія, не привязываясь къ соединеннымъ съ ними выгодамъ; пользуется наружными благами, но не прилѣпляется къ нимъ; пріобрѣтаетъ такъ, какъ бы не имѣлъ нужды; теряетъ такъ, какъ бы отдавалъ излишнее. Если человѣкъ твёрдо рѣшится, по возможности, удерживать себя въ семъ состояніи самоотчужденія: то скоро его „пѹстынѧ жаждѹщаѧ процвѣтетъ, ѩкѡ крінъ“ (Иса. XXXV, 1.); „зерно горѹшно, вверженное въ вертоградъ

души̇ его́, возрасте́тъ въ дре́во ве́лїе" (Лук. XIII. 19.); сквозь тлѣ́ющїй покро́въ ве́тхагω человѣ́ка, отчасу́ бо́лѣе совлека́емый, бу́детъ просiява́ть „но́вый человѣ́къ, созда́нный по Бо́гꙋ въ пра́вдѣ, и̇ въ преподо́бїи и̇́стины" (Кол. III. 9. Еф. IV. 24.); и духъ святы́ни дыша́ть бу́детъ во всѣхъ его́ спосо́бностяхъ и дѣ́йствiяхъ.

Такъ, испо́лненный Ду́ха Свя́та человѣ́къ не потемнѐнному предразсу́дками о́ку представля́етъ тако́й о́бразъ соверше́нства, предъ кото́рымъ, какъ тѣнь, исчеза́етъ всё, что мiръ называ́етъ прекра́снымъ и высо́кимъ. Его́, слу́шатели, оцѣни́лъ Апо́столъ, когда́ о нѣ́которыхъ подви́жникахъ вѣ́ры сказа́лъ, что ихъ „не бѣ̀ досто́инъ ве́сь мі́ръ" (Евр. XI. 38.). Благода́ть превраща́етъ въ безцѣ́нное сокро́вище всё, къ чему́ ни косне́тся въ человѣ́кѣ ей пре́данномъ. Въ его́ умѣ̀ сiя́етъ духъ прему́дрости: не той, кото́рою сыны́ вѣ́ка сего́ преиму́ществуютъ, по слова́мъ Спаси́теля „въ ро́дѣ свое́мъ" (Лук. XVI. 8.), то есть, кото́рая науча́етъ ихъ быть изобрѣта́тельными въ спо́собахъ, и ло́вкими въ слу́чаяхъ къ сниска́нiю вре́менныхъ вы́годъ, и умножа́ть своё досто́инство не сто́лько въ себѣ̀, ско́лько во мнѣ́нiи други́хъ; но прему́дрости „дꙋ́ховнѡ востязꙋ́ющей вс́ѧ" (1. Кор. II. 15), дабы́ всё обрати́ть въ сре́дства къ еди́ному вѣ́чному бла́гу души́. Его́ во́лю дви́жетъ духъ свобо́ды: „ꙗ̇́кω зако́нъ Дꙋ́ха жи́зни ѡ̇ Хрїстѣ̀ Ї̇исꙋ́сѣ его̀ свободи́лъ ѿ зако́на грѣхо́внагω и̇ сме́рти", кото́рый даётъ свои́мъ раба́мъ сто́лько тя́жкихъ влады́къ, ско́лько есть нуждъ и прихоте́й, страсте́й и привы́чекъ. Во глубинѣ̀ се́рдца его́ почива́етъ духъ утѣше́нiя „и̇ ми́ра, вся́къ оу́мъ превосходя́щагω" (Фил. IV. 7.), кото́рый Iису́съ „Хрїсто́съ дае́тъ ученика́мъ свои́мъ, не ꙗ̇́коже мі́ръ дае́тъ" (Iоан. XIV. 27.): и́бо миръ мiра есть кра́ткая дремо́та подъ шу́момъ опа́сной бу́ри, безопа́сность, основа́нная на невѣ́дѣнiи, такъ что ра́достныя восклица́нiя: „ми́ръ и̇ оу̇твержде́нїе"! иногда́ прерыва́етъ „внеза́пꙋ напада́ющее всегꙋби́тельство" (Сол. V. 3.); напроти́въ того́ мiръ дару́емый Христо́мъ, утвержда́ется на непоколеби́мой увѣ́ренности въ примире́нiи съ Бо́гомъ, такъ

что Христіанинъ въ са́мыхъ искуше́ніяхъ, скорбя́хъ и опа́сностяхъ „не стꙋжа́етъ си́, но и҆ въ сме́рть предае́тсѧ ми́рно, въ увѣреніи, что є҆́же ны́нѣ ле́гкое печа́ли по преꙋмноже́нію въ преспѣ́ѧніе тѧготꙋ̀: вѣ́чныѧ сла́вы содѣ́ловаетъ" (2. Кор. V. 8 — 17.). Въ нёмъ обита́етъ духъ вели́чія, кото́рое не есть ни слѣпа́я отва́жность, ни го́рдость, покры́тая пы́шностію, ни блескъ есте́ственныхъ добродѣтелей, нечи́стыхъ во своёмъ исто́чникѣ: но и́стинная возви́шенность мысле́й, заня́тыхъ Бо́гомъ, обши́рность ви́довъ, ограничи́вающихся одно́ю вѣ́чностію, благоро́дство чувствова́ній, рожде́нныхъ и воспи́танныхъ сло́вомъ Бо́жіимъ: — духъ смире́нія, кото́рое среди́ бога́тства бла́гости Бо́жіей усма́триваетъ въ себѣ́ одну́ бѣ́дность и недосто́инство, дабы́ тѣмъ бо́лѣе „вели́чить Го́спода"; ме́жду тѣмъ какъ не возрожде́нные Ду́хомъ Бо́жіимъ въ са́мыхъ недоста́ткахъ свои́хъ стара́ются находи́ть нѣ́что вели́кое, са́мымъ униже́ніемъ про́сятъ себѣ́ почте́нія, пресмыка́ются, чтобы́ подавля́ть други́хъ: — духъ си́лы, съ кото́рымъ Христіа́нинъ не есть бо́лѣе о́ный человѣ́къ безси́льный, плѣ́нникъ со́бственныхъ чувствъ, со всѣхъ сторо́нъ откры́тый нападе́ніямъ врага́, побѣжде́нный пре́жде сраже́нія, и, дабы́ усмири́ть одну́ страсть, покаря́ющійся друго́й; но до́брый во́инъ, „облече́нный во всѧ̀ ѻ҆рꙋ́жіѧ Бо́жіѧ" (Еф. VI. 11.), „могꙋ́щій всѧ̑ ѿ оукрѣплѧ́ющемъ є҆го̀ І҆исꙋ́сѣ Хрїстѣ́" (Фил. IV. 13.), „си́лою всесхища́ющій ца́рствіе Бо́жіе" (Мате. XI. 12.). Что сказа́ть о тѣхъ чрезвыча́йныхъ „дарова́ніѧхъ, ѿ тѣ́хъ ѩ҆вле́ніѧхъ Дꙋ́ха," кото́рыя и́збраннымъ Бо́жіимъ даю́тся „на по́льзꙋ" (1. Кор. VII. 4. 7.) други́хъ, въ созида́ніе всея́ це́ркви? —

О несравне́нное сча́стіе, быть сосу́домъ, жи́лищемъ, ору́діемъ Ду́ха Бо́жія! О блаже́нство на земли́ небе́сное! О таи́нство, въ кото́ромъ сокрыва́ется всё, чего́ и́щетъ духъ человѣ́ческій, и о чёмъ „всѧ̀ тва́рь совоздыха́етъ и҆ здолѣ́знꙋетъ" (Римл. VIII. 22.)! „Но, Го́споди! кто̀ вѣ́рова слꙋ́хꙋ на́шемꙋ; и҆ мы́шца Госпо́днѧ комꙋ̀ ѿкры́сѧ" (Иса. LIII. 1.)? „Пло́ть и҆ кро́вь не ѩ҆влѧ́ютъ" (Мате. XVI. 17.) сего́ таи́нства: міръ ду́маетъ, что и на небеса́хъ

дышáтъ дýхомъ мíра, и, столь многокрáтно слы́ша глагóлющихъ языкóмъ Дýха Твоегó, досéлѣ такъ же, какъ прéжде, ругáется: „виномъ исполнени сꙋть.“

Такъ есть и мéжду Христіáнами люди, котóрымъ дáры Святáго Дýха кáжутся столь стрáнными, что éсли не смѣ́ютъ совсѣ́мъ отвергнýть ихъ по крáйней мѣ́рѣ отнóсятъ къ другúмъ лицáмъ и временáмъ; а самú не помышляя о возрождéніи, довóльствуются илú прáзною надéждою на заслýги Ходáтая, илú дáже сóбственною чéстностію.

Не бýдемъ обмáниваться привлекáтельнымъ вúдомъ, котóрый имѣ́етъ обыкновéнная мíрская чéстность. Не быть врагóмъ вѣ́ры, не дѣ́лать вопіющихъ несправедливостей, окáзывать иногдá благодѣ́янія, убѣгáть врéдныхъ излúшествъ, крáтко, исполнять тóлько необходúмыя и нарýжныя обязанности человѣ́ка и члéна óбщества, знáчитъ тóлько „повапливать свой гробъ“ (Матѳ. XXIII. 27.), котóрый мéжду тѣмъ остаéтся „внꙋтрꙋдꙋ полнъ костей мертвыхъ; знáчитъ срывáть листвіе древа животнагѡ, дáнное въ исцѣленіе ѧзыкѡмъ, но не вкушáть плодѡвъ“ (Апок. XXII. 2.) егó, дóлженствующихъ питáть Христіáнина; знáчитъ имѣ́ть „правдꙋ книжникъ и фарісей, котóрая не ввóдитъ въ царствіе небесное“. (Матѳ. V. 20.). А проникнуть въ изгúбы своегó сéрдца, откóлѣ „исходѧтъ помышленіѧ злаѧ“ (Матѳ. XV. 19.), и тамъ водворúть чúстоту и святость, а „соблюсти весь законъ, и не согрѣшúть ни во единомъ дабы́ всѣмъ не быть повиннꙋ“ (Іак. II. 10.) какóй своемý тóкмо рáзуму и сúламъ остáвленный человѣ́къ похвáлится, что испóлнитъ сіé? Едúнъ Богъ „зиждетъ въ человѣцѣ сердце чисто, и дꙋхъ правъ ѡбновлѧетъ во оутробѣ егѡ“ (Псал. L. 12.). Дóлжно „родитисѧ свыше, чтобы́ видѣти царствіе Божіе“ (Іоан. III. 3.)

Съ другóй стороны́, когдá „неистлѣнное сѣмѧ“ (1. Петр. 1. 23.) сегó вы́шняго рождéнія низведéно на зéмлю смéртію Богочеловѣ́ка: мы не мóжемъ и остальнóе предостáвить безконéчной впрóчемъ сúлѣ заслýгъ Егó. Какъ? Рáзвѣ Богъ предáлъ Сы́на Своегó въ жéртву не

то́лько своему́ Правосу́дію, но и на́шей неблагода́рности? Ра́звѣ мы для того́ позна́ли дѣйстви́тельность крестно́й же́ртвы, чтобы́ тѣмъ съ бо́льшею безпе́чностію остава́ться въ бездѣ́йствіи? Такъ мы́слить не есть возвыша́ть цѣ́ну заслу́гъ Христо́выхъ, но па́че унижа́ть ихъ, и почива́ть на нихъ съ тако́ю же па́губною безопа́сностію, какъ нѣ́когда Іуде́и почива́ли на зако́нѣ. Е́сли мы во Христа́ крести́лись: то согла́сно сему́ исповѣ́данію, да я́вимъ въ себѣ́ плоды́ креще́нія не то́лько водо́ю, но и ду́хомъ; и́бо Христо́съ „крести́тъ Ду́хомъ Свя́тымъ и҆ ѻ҆гне́мъ" (Мат. III. 11.).

Наконе́цъ когда́ Боже́ственный даръ Ду́ха ка́жется намъ рѣ́дкимъ явле́ніемъ: не заключи́мъ изъ сего́, что онъ не для всѣхъ. Онъ для всѣхъ, какъ ско́ро всѣ для него́. Е́сли не примѣча́ютъ бо́лѣе слѣдо́въ Его́: то или́ имѣ́ютъ о́чи, и не ви́дятъ; или́ въ са́момъ дѣ́лѣ, вопро́съ: егда́ пріидётъ „Сы́нъ человѣ́ческій ѡ҆бря́щетъ ли вѣ́ру наземлѝ" (Лук. XVIII. 8.)? приближа́ется къ разрѣше́нію, и са́мый міръ нахо́дится при послѣ́днемъ издыха́ніи. Вселе́нная зна́етъ, что случи́лось съ не́ю тогда́, когда́ рекъ раздраже́нный Богъ: „не и҆́мать Ду́хъ мо́й пребыва́ти въ человѣ́цѣхъ си́хъ во вѣ́къ, занѐ сꙋ́ть пло́ть" (Быт. VI. 3.). Тогда́ не то́лько беззако́нный родъ человѣ́ческій, но и тварь повинꙋ́вшаяся сꙋетѣ̀ нево́лею истреби́лись мсти́тельными волна́ми. Еще́ подо́бное преще́ніе, — и насту́питъ о́гненный пото́пъ суда́ послѣ́дняго!

Но доко́лѣ Богъ сохраня́етъ бытіе́ на́ше, Христіа́не, и благоде́нствіе Це́ркви Свое́й; дото́лѣ мы не мо́жемъ сомнѣва́ться, что Духъ Бо́жій въ ней пребыва́етъ. Такъ же, какъ при созда́ніи міра Онъ „ноша́шеся вѐрхꙋ воды̀" но́сится Онъ и нынѣ́, при продолжа́ющемся возсозда́ніи человѣ́ка надъ бе́здною разстро́еннаго естества́ на́шего, и животворя́щимъ осѣне́ніемъ оплодотворя́етъ его́ къ благода́тному возрожде́нію. Предади́мъ себя́ Его́ всеси́льному дѣ́йствію; преведёмъ къ нему́ на́ши мы́сли и жела́нія отъ смѣше́нія пло́ти и міра: воззовёмъ изъ глубины́ отпаде́нія на́шего, да снидётъ на насъ и Свое́ю благода́тію,

ходáтайствомъ Искупи́теля намъ пріобрѣтéнною, очи́ститъ, просвѣ́титъ, обнóвитъ, освяти́тъ, и спасéтъ, Благíй, дýши нáша. Ами́нь.

СЛÓВО ПРИВѢ́ТСТВЕННОЕ,

при вступлéніи въ санъ архіерéйскій и въ управлéніе пáствою.

„Благодáть вáмъ и҆ ми́ръ ѿ Бо́га Ѻ҆тцà нáшегѡ и҆ Гóспода І҆исꙋ́са Хрїстà“. (Рим. 1. 7.)

Такъ нѣ́когда Святы́й Апóстолъ Пáвелъ привѣ́тствовалъ Цéрковь держáвнаго Ри́ма, вступáя съ нéю въ общéніе посрéдствомъ Послáнія. Такъ, при семъ пéрвомъ общéніи лицéмъ къ лицý привѣ́тствовать Цéрковь сегó грáда и я дерзáю.

Но кто я, дерзнýвшій возглашáть столь вели́кое слóво, среди́ столь вели́кія Цéркви? Среди́ Цéркви, котóрая обы́кла слышáть живы́е и си́льные глáсы Божéственнаго Слóва, въ котóрой сіяли столь мнóгіе Свѣти́льники Правослáвныя Вѣ́ры, не угáсшіе и во гробáхъ, но и оттóлѣ ещé сіяющіе свѣ́томъ бýдущаго вѣ́ка, въ котóрой предстояли въ моли́твахъ, дóзнанные пóслѣ, небéсные споспѣ́шники нáшихъ земны́хъ моли́твъ; — здѣсь, гдѣ дрéвняя святы́ня, ещé недáвно, вновь ознаменóвала себя́, и очисти́тельнымъ посѣщéніемъ, и чудéснымъ избавлéніемъ, и прáведнымъ отмщéніемъ; — какъ дерзнýлъ я предстоять толи́кому сóнму Бóжію въ священнодѣ́йствіи таи́нства вѣ́ры, и какъ пáки начáть дерзáю священнодѣ́йствіе слóва и́стины? Нéмощнымъ глáсомъ недостóйныхъ устъ какъ дерзáю колебáть сáмый сей вóздухъ, испóлненный благоухáніемъ Святы́ни?

О, Влады́ко Гóсподи! Ты ви́дишь глубину сердéцъ; Ты слы́шишь движéніе помышлéній. Ты зрѣлъ сіé смятéнное сéрдце, когдá тóлько ещé даéмы бы́ли жрéбіи сегó служéнія; Ты слы́шалъ трéпетное воспоминáніе óнаго

дре́вняго гла́са: „и҆збери̑ могꙋ́щаго и҆но́го, є҆го́же по́слеши" (Исх. IV. 13.). Но когда́, по неизслѣди́мымъ судьба́мъ Твои́мъ, чвезъ Свяще́нную и Держа́вную Власть, жре́бій сей пришёлъ, и не возврати́лся: „а҆́зъ не кто̀ є҆́сть, моги́й возбрани́ти Бо́га" (Дѣян. XI. 17.)? И ны́нѣ, Го́споди, да бу́детъ во́ля Твоя́; и́бо ужё и бысть во́ля Твоя́. „Оу҆крѣпи̑ Бо́же сїѐ, є҆́же соде́лалъ є҆сѝ въ на́съ" (Псал. LXVII, 29.). Ра́ди наро́да Твоего́ мно́гаго, дару́й благода́ть служе́нію сему́; ради́ сла́вы Ттвоея́, сугу́бо ди́вной въ ничто́жныхъ ору́діяхъ, „соверши̑ си́лꙋ Твою̀ въ не́мощи се́й. Да́ждь гла́сꙋ Твоемꙋ́ гла́съ си́лы" (2. Кор. XII. 9. Псал. LXVII. 34.) и въ недосто́йныхъ уста́хъ, да, „прїе́млющїе сло́во слы́шанїѧ Твоегѡ̀ ѿ на́съ, прїе́млютъ не ꙗ҆́ки сло́во человѣ́ческо, но, ꙗ҆́коже є҆́сть вои́стиннꙋ, сло́во Бо́жїе, и҆ да дѣ́йствꙋетсѧ оно̀ въ си́хъ вѣ́рꙋющихъ" (Сол. II. 13.).

И такъ Бо́гомъ дарова́нные намъ Отцы́, бра́тія и чада́ Це́ркви сея́, „благода́ть ва́мъ и҆ ми́ръ ѿ Бо́га Ѻ҆тца̀ на́шегѡ и҆ Го́спода І҆исꙋ́са Хрїста̀!"

О, е́сли бы соверше́нно испо́лнилось надъ ва́ми сіе́ пе́рвое жела́ніе на́ше! тогда́ могли́ бы мы упова́ть, что Богъ испо́лнитъ и всѣ во благи́хъ жела́нія ва́ши. Но духо́вныя жела́нія соверше́нно быва́ютъ дѣйстви́тельны тогда́, когда́ съ во́лею даю́щаго благослове́ніе соединя́ется во́ля пріе́млющаго. Посему́, дабы́ расположи́ть сердца́ на́ши къ соедине́нію въ еди́номъ жела́ніи, досто́йномъ сего́ духо́внаго обще́нія, скаже́мъ нѣ́что въ изъясне́ніе того́, почему́ „пре́жде всегѡ̀ и҆ па́че всегѡ̀ жела́емъ ва́мъ благода́ти и҆ ми́ра."

Мы всѣ, когда́ ни встрѣча́емся оди́нъ съ други́мъ, обыкнове́нно привѣ́тствуемъ другъ дру́га каки́мъ ли́бо жела́ніемъ. Что зна́читъ сіе́ обыкнове́ніе? Знамена́тельное указа́ніе на состоя́ніе на́ше, е́сли бы мы бы́ли внима́тельны! Вообрази́мъ на мину́ту, что мы встрѣ́тились, бы не на сей бѣ́дной и осужде́нной землѣ́, но на небеса́хъ, или́ хотя́ въ земно́мъ раю́: каки́мъ жела́ніемъ ста́ли бы мы тамъ привѣ́тствовать другъ дру́га? Жела́ніемъ здра́вія? —

Но тамъ и безъ того́ нѣтъ болѣзней. Жела́ніемъ долгоде́нствія? — Какъ мо́жетъ тамъ быть забо́та о долгоде́нствіи, гдѣ есть безсме́ртіе? Жела́ніемъ благополу́чія? Тамъ ужё есть блаже́нство. Жела́ніемъ ли на коне́цъ благода́ти и ми́ра? И сіе́ тамъ имѣютъ всѣ, или́ еще́ и бо́лѣе, — имѣютъ благода́ть и сла́ву. Изъ сего́ само́ собо́ю открыва́ется, что тамъ, вмѣсто изъявле́нія жела́ній, обыкнове́ннѣе всего́ до́лжно быть изъявле́ніе ра́дости, въ благода́рныхъ славосло́віяхъ преиспо́лнившему всѣ жела́нія — Бо́гу. Что же тепе́рь зна́читъ, что здѣсь на землѣ мы привѣтствуемъ другъ дру́га разли́чными жела́ніями? — То, что всѣмъ намъ недостае́тъ мно́гаго, что мы не въ томъ состоя́ніи, въ кото́ромъ до́лжны быть, и къ кото́рому предназна́чены, что мы здѣсь не въ оте́чествѣ, но въ землѣ чу́ждой, не въ приста́нищѣ, но на мо́рѣ, не въ и́стинномъ жили́щѣ на́шемъ, но въ кратковре́менной гости́ницѣ, или́ на пути́, не въ о́бласти ми́ра, но среди́ бра́ни, ме́жду врага́ми, ме́жду опа́сностями, въ изнуре́ніи, въ лише́ніи.

Чѣмъ прямѣе и точнѣе къ испо́лненію на́шихъ недоста́тковъ отно́сятся на́ши жела́нія: тѣмъ онѣ досто́йнѣе, тѣмъ онѣ пра́вильнѣе. Приложи́мъ сію́ мѣру къ обыкнове́ннымъ жела́ніямъ на́шимъ. — Жела́ніе здра́вія, е́сли при семъ ду́маютъ о тѣле́сномъ, отно́сится то́лько къ ни́зшему соверше́нству живо́тной приро́ды, о́бщей намъ съ безслове́сными; здѣсь совсе́мъ нѣтъ въ ви́ду потре́бности со́бственно человѣческой. —Жела́ніе долгоде́нствія, е́сли не получа́етъ вы́сшаго значе́нія въ соедине́ніи съ други́ми благороднѣйшими жела́ніями, не мо́жетъ принести́ намъ ничего́ бо́лѣе, какъ то́лько продолже́ніе на́шего земна́го изгнани́чества и стра́нствованія, и, е́сли мы не на пути́ избавле́нія и возвраще́нія въ небе́сное оте́чество, то еще́ бо́льшее удале́ніе отъ о́наго; и́бо — „слы́шите и҆ разумѣ́йте!“ — въ семъ мі́рѣ, въ кото́ромъ всё дви́жется и прехо́дитъ, нѣтъ и для насъ неподви́жнаго состоя́нія, и е́сли человѣкъ не стара́ется непреста́нно приближа́ться къ не́бу, то непримѣтнымъ о́бразомъ приближа́ется ко а́ду. —

Желáніе благополýчія, éсли хотя́тъ получи́ть тóлько блáго земли́, а не благословéніе Нéба, есть обольщéніе, поколи́ку не исполня́ется, — и ещé бóльшее обольщéніе, поколи́ку исполня́ется: не осторóжный стрáнникъ земли́, собирáя блестя́щій прахъ, изнемогáетъ подъ прія́тнымъ брéменемъ, или́, гоня́ясь за мелькáющею тѣнію, косни́тъ въ безполéзной торопли́вости. Такъ въ обыкновéнныхъ человѣческихъ желáніяхъ, ви́дно, при всегдáшнемъ ощущéніи недостáтковъ, достóйное сожалѣнія невнимáніе къ недостáткамъ сущéственнымъ и потрéбностямъ и́стиннымъ!

И потомý, Боголюбéзные, для васъ не бýдетъ чýждымъ и стрáннымъ тотъ, кто не совѣтуется съ плóтію и міромъ, дабы́ встрѣтить васъ желáніемъ по сéрдцу вáшего внѣшняго человѣка, но, въ уповáніи обрѣсти́ сéрдце вáше „по сéрдцꙋ Бóжію,“ прéжде всегó и пáче всегó взыскýетъ Божéственнаго Истóчника, дабы́ оттóлѣ почерпнýть для васъ духóвное благословéніе: „благодáть и̑ мíръ.“

Познáемъ сущéственный для насъ недостáтокъ ми́ра! Возчýвствуемъ высóкую потрéбность благодáти!

Кто лýчше знáетъ, что намъ недостаéтъ, и кто лýчше мóжетъ указáть путь желáніямъ нáшимъ, какъ не Тотъ, Котóраго желáніе нáшего блáга низвелó въ сей лежáщій „во злѣ̀ мíрѣ,“ дабы́ Сами́мъ Собóю воспóлнить то, чегó намъ недоставáло? Но и обыкновéнное и торжéственное благословя́щее желáніе Спаси́теля нáшего бы́ло желáніе и благословéніе мíра. Прихóдитъ ли Онъ къ ученикáмъ Свои́мъ, когдá ужё „дáна бы́сть є̑мꙋ̀ всѧ́ка влáсть на небесѝ и̑ на земли̑“ (Матѳ. XXVIII. 18.), и когдá они́ моглѝ ожидáть отъ Негó дáра, достóйнаго сея́ влáсти? Онъ приносит имъ міръ. „Пріи́де Ї҆исꙋ́съ и̑ стà посредѣ̀, и̑ глагóла и̑̀мъ: ми́ръ вáмъ“ (Іоан. XX. 19.). Отхóдитъ ли Онъ въ путь крестá, когдá смущéнное сéрдце дрýговъ Егó трéбовало сильнѣ́йшаго врачествá дѣйстви́тельнѣйшаго утѣшéнія? — Онъ оставля́етъ имъ врачевствó и утѣшéніе ми́ра. „Ми́ръ ѡ̑ставлѧ́ю вáмъ, ми́ръ Мóй даю̀ вáмъ“

(Іоан. XIV. 27.). Хóщетъ ли Онъ послáть Апóстоловъ для благовѣтствовáнія о Нёмъ всемý мíру, и дать имъ довóльное для сегó путú напýтствіе?—Онъ усугубляéтъ имъ благословéніе мíра. „Рече̑ и҆̀мъ Ї҆ис҃ъ пакı: ми́ръ ва́мъ: ꙗ҆́коже посла̀ Мѧ̀ Ѻ҆те́цъ, и҆ а҆́зъ посыла́ю вы̀“ (Іоан. XX. 21.). Завѣщавáетъ ли, какъ дóлжны онú вступáть во грáды и веси, совершáя посóльство, на нихъ возложéнное? —Онъ и҆ имъ повелѣвáетъ приносúть съ собóю миръ. „Въ о҆́ньже а҆́ще коли́ждо гра́дъ и҆лѝ ве́сь вни́дете: входѧ́ще въ до́мъ цѣлꙋ́йте є҆го̀, глаго́люще: ми́ръ до́мꙋ семꙋ̀“ (Матѳ. XII. 12.).

Пóслѣ сегó примѣра и повелѣнія, Христіáнинъ не бýдетъ въ недоумѣніи, прáвильно ли, пáче прóчихъ благъ, привѣтствуютъ егó мíромъ. Éсли же кто ещé не уразумѣлъ, для чегó такъ нýжно „помышлє́ніе ми́ра, которое помышлѧ́етъ на него̀“ (Іер. XXIX. 11.) Духъ Христóвъ: томý не нýжно далёко иттú на пóле брáни, илú въ осаждéнный гóродъ, илú на позóрище распрéй, чтобы́ уразумѣть сіё. Человѣкъ! сáмое блúзкое къ тебѣ и сáмое опáсное для тебя́ пóле брáни есть сóбственная твоя́ жизнь и дѣятельность въ мíрѣ, éсли на семъ пóлѣ не пріобрѣтена ещé тобóю „побѣ́да побѣжда́ющаѧ мі́ръ, вѣ́ра“ (1. Іоан. V. 4.); сéрдце твоё подóбно грáду, осаждéнному отвнѣ, и таящему крамóлу внутрú, éсли „ми́ръ Бо́жїй ещé не водвори́лсѧ въ онóмъ“ (Кол. III. 15.); въ помышлéніяхъ твоúхъ непрестáнно возобновляется позóрище распрéй, éсли ещé „не низложе́но въ тебѣ̀ ѻ҆рꙋ́жїами, си́льными Бо́гомъ, всѧ́ко возноше́нїе взима́ющеесѧ на ра́зꙋмъ Бо́жїй, и҆ не плѣне́нъ ра́зꙋмъ тво́й, въ послꙋша́нїе Хрїсто́во“ (2. Кор. X. 4. 5.). Éсли тебѣ неизвѣстна сія́ брань: то конéчно ты никогдá не пробуждáлся отъ дремóты чýвственной жúзни къ бóдрствованію вы́сшей жúзни человѣческой; никогдá и главы́ не возносúлъ изъ плѣна и рáбства духóвнаго. Кто бóлѣе илú мéнѣе усиливался возникнуть изъ сегó рáбства въ свобóду чадъ Бóжіихъ: тотъ, безъ сомнѣнія, испытáлъ и уразумѣлъ, какъ зло мíра нападáетъ на насъ съ орýжіемъ скорбéй и страдáній, дабы́ низложúть насъ уны́ніемъ и отчáяніемъ; какъ благá мíра окру-

жа́ютъ насъ, дабы́ взять въ плѣнъ кова́рствомъ по́хоти; какъ неуде́ржанныя жела́нія пло́ти простира́ются по ви́димому, дабы́ покори́ть намъ весь міръ, но въ са́момъ дѣлѣ покоря́ютъ насъ всему́, къ чему́ онѣ́ прилѣпля́ются; какъ плоть сража́ется съ ду́хомъ, и сама́ съ собо́ю, стра́сти возста́ютъ, бо́льшею ча́стію проти́въ разсу́дка, и не рѣ́дко одна́ проти́въ друго́й; какъ подъ нога́ми того́, кто бо́лѣе стара́ется примѣча́ть и обходи́ть преткнове́нія, бо́лѣе открыва́ется собла́зновъ, такъ что весь по́двигъ есте́ственной добродѣ́тели состои́тъ по́чти то́лько въ дозна́ніи превозмога́ющаго поро́ка, подо́бно какъ весь по́двигъ есте́ственной му́дрости — въ дозна́ніи превозмога́ющаго невѣ́дѣнія. Е́сли при по́мощи ра́зума и до́брыхъ страсте́й мы явля́емся иногда́ побѣди́телями на по́лѣ внѣ́шней дѣятельности: сіе́ не пріобрѣта́етъ еще́ намъ и́стиннаго ми́ра; позо́рище бра́ни то́лько перено́сится да́лѣе во вну́тренняго человѣ́ка, и по́двигъ стано́вится тѣмъ труднѣ́е, чѣмъ сокрове́ннѣе здѣсь, вражде́бныя си́лы и ору́жія. Иногда́ на примѣ́ръ, намъ ка́жется, что мы побѣди́ли корыстолю́біе или́ сластолю́біе, соверши́въ по́двигъ благотворе́нія или́ воздержа́нія; но, въ то же са́мое вре́мя, входя́ въ глу́бину се́рдца усма́триваемъ, что мы тамъ побѣжде́ны тщесла́віемъ или́ го́рдостію; и тамъ, гдѣ ду́мали стоя́ть подъ защи́тою со́вѣсти, сверхъ спасе́нія, уязвля́емся ея́ паля́щими стрѣла́ми. Восходя́ въ о́бласть ума́, обрѣта́емъ но́вую брань по́мысловъ, опра́вдывающихъ, побужда́ющихъ къ по́двигамъ, и па́ки воспяща́ющихъ, то сомнѣ́ніями, то стра́хомъ, то разсѣя́ніемъ, восперя́ющихъ къ небеса́мъ, и низверга́ющихся во прахъ; свѣтоно́сныхъ и омрача́ющихъ, чи́стыхъ и оскверня́ющихъ. Внима́тельные узна́ютъ здѣсь ту брань, о кото́рой говори́тъ оди́нъ изъ о́пытныхъ подви́жниковъ, „я́кѡ нѣ́сть на́ша бра́нь къ кро́ви и̑ пло́ти, но къ нача́лѡмъ и̑ ко власте́мъ, и̑ къ мїродержи́телємъ тмы̀ вѣ́ка сегѡ̀, ко дѹхѡ́вѡмъ зло́бы, поднебє́снымъ“ (Ефес. VI. 12.). Се́ю-то бра́нію утомле́нный вопіе́тъ Дави́дъ: „нѣ́сть ми́ра въ костѣ́хъ мои́хъ!“ Отъ чего́ нѣтъ ми́ра у того́, кото́рый побѣди́лъ всѣхъ враго́въ

народа Божія, и создалъ градъ мира Іерусалимъ? — „Нѣсть мира — говоритъ Онъ — ѿ лица грѣхъ моихъ“ Кто изъ насъ дерзнетъ похвалиться, что въ нёмъ нѣтъ грѣха? Почему кто не долженъ признаться и въ томъ, что въ насъ нѣтъ собственнаго внутренняго мира, ни мира съ Богомъ, ни мира съ самими собою. „Ты Господи Боже нашъ, миръ даждь намъ“ (Исаи. XXVI. 12.)!

Богъ — Отецъ нашъ, и готовъ дать намъ вожделѣнный миръ, братія Христіане! Для сего Самъ Онъ нарёчся „Богомъ мира“ (1. Сол. V. 23.); для сего даровалъ нам Единороднаго Сына Своего Іисуса Христа, Который „есть миръ нашъ“ (Ефес. II. 14.); для сего послалъ въ силѣ Духа Своего „„благовѣствующихъ миръ“ (Римл. X. 15.), отъ которыхъ, по непрерывному преданію священнаго рукоположенія, и въ насъ недостойныхъ „положено слово примиренія“ (2. Кор. V, 19.). Но что говоритъ „Миръ нашъ“ благовѣстникамъ мира, которыхъ Онъ послалъ во всякій „градъ и домъ,“ — ко всякой Церкви, и ко всякой душѣ? — „Аще убо будетъ домъ достоинъ, пріидетъ миръ вашъ нань; аще ли же не будетъ достоинъ, миръ вашъ къ вамъ возвратится“ (Матѳ. X. 13.). Такимъ образомъ сколь ни готовъ для насъ миръ отъ Бога: намъ приносятъ его тщетно, если мы недостойны принять его. Что же можетъ содѣлать насъ достойными принять миръ, намъ подаваемый! Между человѣками пріобрѣтается миръ или самою бранію, или правдою, или по милости; — бранію, когда побѣдитель предписываетъ миръ побѣжденному; — правдою, когда ищущій мира, или удостовѣряетъ въ справедливости своей, или сдѣланную несправедливость заглаждаетъ удовлетвореніемъ; — по милости, когда тотъ, кто не имѣетъ ни силы, чтобы завоевать миръ, ни правды, чтобы заслужить оный, предаётся великодушію оскорблённаго враждою, и, непритворною покорностію собственною, или притомъ и споручёніемъ вѣрнаго и могущественнаго посредника, пріобрѣтаетъ милость мира. „Но миръ Божій,“ кто можетъ,

или восхитить силою отъ Всесильнаго, или правдою заслужить отъ Того, „предъ Которымъ не оправдится всякъ живый“ (Псал. CXLII. 2.)? Кто хотя однажды побѣжденъ грѣхомъ: тотъ ужё „рабъ грѣха“ (Іоан. VIII. 34), „и повиненъ всѣмъ закономъ Божіимъ“ (Іак. II. 10.), требующаго всецѣлой святости и „совершенства по образу Отца Небеснаго“ (Матѳ. V. 48.); и потому онъ не имѣетъ ужё ни силы, ни правды; онъ не можетъ самъ собою изгнать воцарившагося въ нёмъ зла, и, если дѣлаетъ какое, несовершенное добро, оно всегда относится къ обязанности настоящей, и потому никогда не составитъ удовлетворенія правосудію Божію за зло прежде содѣланное. И такъ единая для насъ надежда мира съ Богомъ есть милость Бога мира, по которой Онъ не только не хощетъ мстить намъ за грѣховную противъ Него вражду, но и хощетъ насъ освободить отъ порабощающихъ насъ сею враждою, враговъ Его и нашихъ; не только не взыскуетъ отъ насъ не возможнаго съ нашей стороны удовлетворенія Его правосудію, но и пріемлетъ на Себя удовлетворить оному за насъ ходатайствомъ и крестнымъ подвигомъ Единороднаго Сына Своего; признаетъ насъ достойными наслаждаться „миромъ Его превосходящимъ всякъ умъ“ (Филип. IV. 7.), какъ скоро мы признаемъ собственное недостоинство, и утверждаемъ надежду нашу въ Его милосердіи „Благодать Бога Отца нашего и Господа Іисуса Христа“ есть единственный для насъ источникъ истиннаго и совершеннаго духовнаго мира. Съ нашей стороны, вѣра, молитва и смиреніе открываютъ въ насъ токъ горнему источнику благодати, и тогда Господь „уклоняетъ на насъ, аки рѣку мира“ (Исаи. LXVI. 12.), которая потопляетъ въ насъ всё вражебное, и всё существо наше орошаетъ, прохлаждаетъ, оживляетъ, исполняетъ плодами жизни, „возвеселяетъ“ чистыми духовными „устремленіями освящаетъ насъ, селеніе Вышняго“ (Псал. XLV, 5.), и, такъ проистекла изъ вѣчной жизни Божіей, такъ и „течетъ въ насъ въ животъ вѣчный“ (Іоан. IV. 14.).

О миръ, вожделѣнный паче всего! О Благодать, вожделѣнная прежде всего! — ибо миръ есть единосущное чадо Благодати.

Будучи призванъ принести нынѣ Господу начатокъ общенія съ сею Церковію, по волѣ Его, молю всѣхъ Богоугодно стоящихъ теперь въ семъ общеніи, соединить взаимно всѣ сердца въ крѣпкомъ желаніи „благодати и мира ѿ Бога Ѻтца нашегѡ и Господа Іисуса Христа.“ Единодушная молитва сопастырей и всѣхъ вѣрныхъ да привлечетъ свыше благодать и миръ новому пастырю, дабы онъ съ силою и дѣйствіемъ могъ возвѣщать паствѣ благодать и миръ. „Благодать Господа нашегѡ, Іисуса Христа со духомъ вашимъ братіе“ (Гал. VI. 18.); „и миръ Божій превосходяй всякъ умъ, да соблюдетъ сердца ваша и разумѣнія ваша ѡ Христѣ Іисусѣ“ (Фил. IV. 7.). „Самъ Господь мира да дастъ вамъ миръ всегда во всякомъ образѣ“ (2. Сол. III. 16.), какъ во внутреннемъ, такъ по дѣйствію внутренняго, и во внѣшнемъ. „Миръ пасущимъ стадо Божіе,“ — въ Христіанскомъ послушаніи пасомыхъ; миръ пасомымъ, — въ отеческомъ и братскомъ попеченіи пасущихъ. Миръ начальствующимъ, — въ вѣрности подчиненныхъ; миръ подчиненнымъ, — въ мудрости и кротости начальствующихъ. Миръ судящимъ, — въ непритворной искренности судимыхъ; миръ судимымъ, — въ прозорливости и безпристрастіи судящихъ. Миръ продающимъ и купующимъ, — во взаимномъ отвращеніи отъ лукавства и обмана. Миръ дѣлающимъ и трудящимся, — въ благословенномъ успѣхѣ полезнаго дѣланія и въ обильномъ плодѣ труда праведнаго. „Миръ всѣмъ!“ Аминь.

---

19. СЛОВО.

По принесеніи Господу Богу молитвъ о предохраненіи отъ губительной болѣзни, или какаго нибудь общественнаго бѣдствія.

Вкратцѣ буду бесѣдовать съ вами, братія; хотя не мало сказать надобно. Продолжившіяся молитвы не по-

зволяютъ быть долгому слову. Послушайте не долго, но внимательно.

Въ молитвахъ упоминалось о губительной язвѣ во дни Давида, и о чудесномъ ея прекращеніи (2. Цар. XXIV.) Воспоминаніе сіе здѣсь къ мѣсту, теперь ко времени.

Царъ Давидъ впалъ въ искушеніе тщеславія: хотѣлъ показать силу своего царства и повелѣлъ исчислить всѣхъ способныхъ носить оружіе, тогда какъ такое исчисленіе совсѣмъ не было въ употребленіи у Евреевъ. И праведникъ не безопасенъ отъ паденія, если вознерадитъ.

Еще не кончилось исчисленіе народа, какъ Царь почувствовалъ совѣсти своей обличеніе грѣха и страхъ наказанія отъ Бога. Въ самомъ дѣлѣ явился Пророкъ, и, по повелѣнію Божію, предложилъ Давиду на выборъ одно изъ трехъ наказаній: войну, голодъ, моръ. Примѣчайте изъ сего примѣра, что война, голодъ, моръ, и подобныя бѣдствія, хотя кажутся приключеніями случайными; хотя происходятъ частію отъ извѣстныхъ причинъ естественныхъ: тѣмъ не менѣе однако суть орудія правосудія Божія употребляемыя для наказанія согрѣшившихъ человѣковъ.

Давидъ смирился предъ Богомъ; безропотно покорился суду Его, и совершенно предался въ волю Его. „Да впадꙋ оубѡ въ рꙋцѣ Господни,“ сказалъ онъ „И даде Господь смерть во Ізраили ѿ оутра до часа обѣда́нагѡ.“ Здѣсь примѣтьте скорый плодъ смиренной покорности судьбамъ Божіимъ. Не три мѣсяца несчастной войны послалъ Богъ, не три года голода, и моръ не на три дни, какъ угрожалъ Пророкъ сначала, но уже только „ѿ оутра до часа обѣданагѡ.“

Открылось наказаніе грѣха, и совершилось покаяніе Давида. „И рече Давидъ ко Господꙋ, єгда видѣ Ангела біюща люди, и рече: се азъ єсмь согрѣшивый.“ Давидъ совершенно покаялся во злѣ грѣха, и тотчасъ „раскаялъся Господь ѿ злѣ“ наказанія. „И рече Ангелꙋ погꙋбляющемꙋ люди: довольно нынѣ, ѿними рꙋкꙋ твою.“ Примѣчайте спасительное дѣйствіе покаянія.

Чтобы́ доверши́ть дѣ́йствіе поми́лованія, избавле́нія и спасе́нія, Проро́къ, по наставле́нію Ангела, побуди́лъ Дави́да поста́вить Го́сподеви олта́рь, на гумнѣ́ О́рны Іевусе́анина, тамъ, гдѣ въ послѣ́дствіи вре́мени со́зданъ и храмъ Соломо́новъ. „И созда̀ та́мѡ Дави́дъ олта́рь Го́сподеви: и вознесѐ всесожѐнія и ми́рнаѧ. И послꙋ́ша Госпо́дь землѝ и ѿѧ́тъ ꙗ́звꙋ ѿ Ізра́илѧ" (2. Ца́рст. XXIV.). Примѣча́йте необходи́мость моли́твы во вре́мя обще́ственныхъ бѣ́дствій, и въ осо́бенности по́льзу моли́твы, прино́си́мой торже́ственно предъ олта́ремъ, по наставле́нію духо́вному и небе́сному, по установле́нію Боже́ственному.

Бра́тія! не, ви́дится ли намъ нѣ́что подо́бное гро́зному видѣ́нію Дави́да? Не ви́димъ ли и мы Ѧ́нгела Госпо́дня стоѧ́ща междꙋ̀ землёю и не́бомъ, и ме́чь є҆гѡ̀ извлече́нъ въ рꙋ́кꙋ є҆гѡ̀, просте́ртъ на Ієрꙋсали́мъ" (1. Парал. XXI. 16.)? Не смотри́те бо́льшими глаза́ми стра́ха, кото́рые обыкнове́нно ви́дятъ то, чего́ нѣтъ, и не ви́дятъ того́, что есть: взира́йте о́стрымъ и му́жественнымъ о́комъ проница́нія и благоразу́мной предосторо́жности. Губи́тельная болѣ́знь, нѣ́сколько лѣтъ опустоша́вшая не Христіа́нскія стра́ны А́зіи, простерла́сь и на Христіа́нскія стра́ны Евро́пы. Въ проше́дшемъ го́ду показа́лась она́ въ предѣ́лахъ оте́чества на́шего: уступи́ла предохрани́тельнымъ сре́дствамъ попечи́тельнаго Прави́тельства: но въ ны́нѣшнее лѣ́то яви́лась вновь. Мы, до сего́ дня поща́же́нные, благослови́мъ долготерпѣ́ливаго къ намъ Бо́га! „Но Ѧ́нгелъ погꙋблѧ́ющій ви́дѣнъ, ме́чь є҆гѡ̀ извлече́нъ;" онъ угрожа́етъ.

Что же намъ дѣ́лать? Я ду́маю, то же, что сдѣ́лали Дави́дъ и жи́тели Іерусали́ма при ви́дѣ А́нгела погубля́ющаго. „Падѐ Дави́дъ и старѣ́йшины Ізра́илевы, ѡблече́ны во вре́тища, на лицѐ своѐ." То же до́лжно намъ дѣ́лать, чѣмъ Ниневи́тяне отврати́ли не по дога́дкамъ и опасе́ніямъ ожида́нную бѣ́ду, но опредѣли́тельно предска́занную поги́бель. „Вѣ́роваша мꙋ́жїе Ниневі́йстїи Бо́гови, и заповѣ́даша по́стъ. И возопи́ша прилѣ́жнѡ къ Бо́-

гꙋ: и҆ возвратиса кі́йждо ѿ пꙋтѝ своегѡ̀ лꙋка́вагѡ, и҆ ѿ непра́вды сꙋщїѧ въ рꙋка́хъ и҆́хъ" (Іоан. III. 5 — 8.).

Пове́ргнемъ, бра́тія, сердца́ на́ши предъ Бо́гомъ во смире́ніи, въ поко́рности неисповѣди́мымъ судьба́мъ Его́. Призна́емъ не то́лько правосу́діе Бо́га, гото́ваго кара́ть грѣхи́ на́ши облича́ющаго на́ше житіе́, недосто́йное и́мени Христіа́нскаго, но и Его́ милосе́рдіе и долготерпѣніе, кото́рое не вдругъ, не пре́жде други́хъ, поража́етъ насъ, а показу́етъ порази́вшее други́хъ, намъ же то́лько грозя́щее наказа́ніе, и, какъ бы предохраня́я, говори́тъ: „а҆́ще не пока́етесѧ, всѝ та́кожде поги́бнете" (Лук. XIII. 5.). Пока́емся, бра́тія, и принесе́мъ плодъ досто́йный пока́янія, то есть, исправле́ніе житія́. Отложи́мъ го́рдость, тщесла́віе и самонадѣяніе. Возбуди́мъ вѣру на́шу. Утверди́мся въ надеждѣ на Бо́га и на и́мя Іису́са Христа́, Хода́тая Бо́га и человѣковъ, Спаси́теля грѣшныхъ и погиба́ющихъ. Исто́ргнемъ изъ серде́цъ на́шихъ коре́нь золъ, сребролю́біе. Возрасти́мъ ми́лостыню, пра́вду, человѣколю́біе. Прекрати́мъ ро́скошь. Откаже́мъ чу́вственнымъ жела́ніямъ, тре́бующимъ нену́жнаго. Возлюби́мъ воздержа́ніе и постъ. Облече́мся, е́сли не „во вре́тище," то въ про́стоту. Отве́ргнемъ украше́нія изы́сканныя, ознамено́ванныя легкомы́сліемъ и непостоя́нствомъ. Презри́мъ заба́вы суе́тныя, убива́ющія вре́мя, да́нное для дѣланія до́бра. Умно́жимъ моле́нія, та́йныя на вся́комъ мѣстѣ, и во вся́кое вре́мя, обще́ственныя, по руково́дству Святы́я Це́ркви. Употреби́мъ внима́тельно, благовре́менно, благонаде́жно, всегда́ благотво́рное и всецѣле́бное врачевство́, ми́рную, безкро́вную же́ртву, пріобще́ніемъ Пресвята́го Тѣла и Кро́ви Христо́вы.

Хотя́ ни А́нгелъ, ни Проро́къ не приходи́лъ побуди́ть насъ къ созда́нію благопрія́тнаго Бо́гу, а для насъ благода́тнаго олта́ря: но, благодаре́ніе Бо́гу, Христолю́би́мое усе́рдіе не преста́етъ созида́ть олта́ри и хра́мы; и на одно́й недѣлѣ, не оди́нъ олта́рь освяще́нъ, и еще́ не оди́нъ гото́вится къ освяще́нію.

Го́споди! послꙋ́шай землѝ, смире́нно призыва́ющей Твое́ пренебе́сное И́мя, и ѿи́ми ꙗ҆́звꙋ отъ... Сохрани́

градъ сей, и вѣрою живущихъ въ нёмъ. Благослови плодоносящихъ и добродѣющихъ во Святыхъ храмахъ Твоихъ.

„Буди Господи, милость Твоя на насъ, якоже уповахомъ на Тя!" Аминь.

---

20. РѢЧЬ.

По рукоположеніи Преосвящ. Агапита Епископа.

Преосвящённый Епископъ Агапитъ!

Бога Отца прозрѣніемъ и предуставлёніемъ, Царственнымъ вкупѣ и Священноначальственнымъ мановёніемъ Господа нашею, Іисуса Христа, благодатію и дѣйствіемъ Святаго Духа, при молитвенномъ и рукоположительномъ служёніи Соепископовъ, пріялъ ты нынѣ часть Епископскаго дарованія, предназначеннаго, по изъяснёнію Апостола, „къ совершенію святыхъ, въ дѣло служенія, въ созиданіе тѣла Христова" (Ефес. IV. 12.).

Часть Епископскаго дарованія, — сказалъ я, не уменьшая твоё настоящее пріобрѣтеніе, но изъ указанія на цѣлое, къ которому принадлежитъ сія часть, желая извлечь полезныя и утѣшительныя для тебя мысли.

Какое жъ это цѣлое, котораго часть досталась тебѣ въ нынѣшнемъ дарованіи? Не меньше, какъ Епископство Христово. Ибо Самого Іисуса Христа Апостолъ Петръ называетъ по Славенскому переводу Посланія, посѣтителемъ, по Греческому подлиннику, Епископомъ душъ" (1. Петр. II. 25.). Онъ, раздѣляя Своё собственное Епископство душъ, примѣнительно къ потребностямъ Церкви, коей онъ есть „глава" (Кол. I. 18.), „далъ есть овы убо Апостолы, овы же Пророки, овы же Благовѣстники, овы же Пастыри и Учители" (Ефес. IV. 11.).

Видишь, какого чуднаго достоянія часть пріялъ ты нынѣ: — часть того дарованія, которымъ Благовѣстники предали и неповреждённымъ сохранили Евангеліе Христово,

которымъ Пророки освѣщали мракъ сокровеннаго и будущаго, которымъ Апостолы преобразили міръ языческій въ Христіанскій, которымъ Іоаннъ возгремѣлъ о Богѣ Словѣ, которымъ Петръ поколебалъ Синагогу, которымъ Павелъ „ѿ Їерусалима и окрестъ даже до Їллиріка исполнилъ благовѣствованіе Хрістово" (Рим. XV. 19.), которымъ Аѳанасій, Василій, Григорій утвердили Православіе и низложили ереси, отъ котораго Іоаннъ златыми струями ученія усладилъ и напоилъ Церковь.

Помышляй о семъ, и воскриляй твой духъ, и возбуждай твою ревность, и утверждай твоё упованіе на помощь свыше.

Немощь ли устращаетъ тебя? — Вспомни, что и Апостолу сказалъ Господь: „сила Моя въ немощи совершается" (2. Кор. XII. 9.).

Озабочиваетъ ли тебя то, что не на готовый идёшь престолъ, но долженъ будешь самъ поставить и утвердить твоё сѣдалище, и при томъ на такой землѣ, гдѣ не многонасѣянную ниву Христову окружаютъ и плевелы и терніе? — Воззри на Павла, который не только не приходилъ въ смущеніе отъ подобныхъ затрудненій, но ещё любилъ „благовѣстити не идѣже именовася Хрістосъ, и не на чужемъ основаніи созидати" (Рим. XV. 20.).

Затрудняетъ ли тебя отдаленность паствы, тебѣ ввѣряемой? — Опять воззри на Павла, который, не довольствуясь тѣмъ, что своимъ служеніемъ наполнилъ пространство отъ Іерусалима до Иллирика, ещё побуждаемъ былъ Апостольскою ревностію распространить свои подвиги до Рима и до Испаніи; или — если трудно смотрѣть такъ далёко, — воззри на собственномъ твоёмъ пути на.... Не добрые ли это предшественники? Не благъ ли путь, который лежитъ по слѣдамъ ихъ?

Пріими же благодушно и благонадёжно сей, частію, если угодно, и путническій, найпаче же пастырскій жезлъ, и гряди въ крѣпости Господней, и совершай спасеніе людей Божіихъ. По образу древняго Патріарха, „съ же-

злóмъ сúмъ прейдú предѣлъ Еврóпы, и да дастъ Госпóдь, да бꙋдеши бóлѣе, нéжели въ два полкà“ (Быт XXXII. 10.) спасáемыхъ.

---

21. БЕСѢ́ДА. *)

О блажéнствахъ и гóрѣ.

Блажéнны тѣ, котóрые возлюбúли Бóга, и изъ любвú къ Немý пренебрегáютъ всѣмъ земны́мъ. Блажéнны тѣ, котóрые плáчутъ день и ночь; потомý что избавятся отъ бýдущаго гнѣва. Блажéнны тѣ, котóрые добровóльно смиряютъ самú себя; потомý что бýдутъ возвы́шены. Блажéнны воздéржные; потомý что ожидáютъ ихъ рáйскія утѣхи. Блажéнны изнуряющіе тѣло своё бдѣніемъ и пóдвигами; потомý что уготóвано имъ рáйское весéліе. Блажéнны очúстившіе себя отъ лукáвыхъ пóмысловъ; потомý что въ нихъ обитáетъ Духъ Святы́й. Блажéнны тѣ, котóрые лю́бятъ Бóга отъ всей душú, пáче всегó міра; потомý что бýдутъ прúзнаны друзьями Христóвыми. Блажéнны добровóльно понéсшіе крестъ свой и дѣйствительно послѣдовавшіе Христý; потомý что достúгнутъ гóрняго Іерусалúма. Блажéнны тѣ, котóрые препоясали чрéсла свой úстиною, и свѣтúльники свой имѣютъ готóвыми, ожидáя небéснаго Женúха; потомý что съ Нимъ бýдутъ цáрствовать въ небéсномъ цáрствѣ. Блажéнъ, кто пріобрѣлъ себѣ ýмныя óчи, и неуклóнно устремлялъ ихъ въ созерцáніе бýдущихъ благъ; потомý что наслѣдуетъ ихъ. Блажéнъ, кто непрестáнно имѣетъ предъ очáми день оправдáнія, и старáется оказáться въ óный благоугóднымъ. Блажéнъ, кто сдѣлался побѣдúтелемъ плóтскихъ удовóльствій; потомý что въ послѣдній день испытáнія обрѣтéтъ дерзновéніе. Блажéнъ, кто плáкалъ на землѣ для Бóга; потомý что плоды́ егó возродятся на нéбѣ. Блажéнъ, кто ѣстъ хлѣбъ не дáромъ, но въ трудѣ рукъ сво-

---

*) Свят. Ефрéма Сирúма.

и́хъ, подо́бно Апо́столу, и кто други́мъ удѣля́етъ отъ со́бственныхъ свои́хъ трудо́въ; потому́ что упоко́ится онъ въ нѣдра́хъ Авраа́мовыхъ.

Но го́ре тому́, кто пребыва́етъ во грѣха́хъ, и не зна́етъ вре́мени покая́нія; потому́ что бу́детъ раска́иваться тамъ, безъ по́льзы опла́кивая грѣхи́ свои́ во вѣ́ки. Го́ре тому́, кто говори́тъ: „въ настоя́щее вре́мя наслажду́сь пло́тію, а въ ста́рости пока́юсь“; потому́ что, подо́бно сѣ́ти, внеза́пно накро́етъ его́ смерть, и ожида́ніе его́ поги́бнетъ. Го́ре тому́, кто произво́льно грѣши́тъ, и хо́четь на у́тро пока́яться; „не вѣ́сть бо, что̀ роди́тъ находя́й де́нь“ (Притч. XXVII. 1.) и предше́ствующая ему́ ночь. Го́ре тому́, кто, зна́я до́брое, даётъ ру́ку лука́вому; потому́ что въ день исхо́да его́ пріи́мутъ его́ злы́е А́нгелы. Го́ре тому́, кто лука́выми свои́ми дѣла́ми полага́етъ претыка́ніе бли́жнему; потому́ что въ день суда́ дастъ онъ отчётъ во всёмъ, въ чемъ то́лько соблазни́лъ други́хъ лука́выми свои́ми обы́чаями. Го́ре тому́, кто отре́кся отъ міра, и опя́ть де́ржится мі́рскаго о́браза мы́слей; потому́ что къ нему́ бу́детъ относи́ться при́тча „о ра́лѣ“ (Лук. IX. 62.). Го́ре тому́, кто слѣ́дуетъ жела́ніямъ пло́ти, и пренебрега́етъ попече́ніемъ о душѣ́ своёй; потому́ что жизнь его́ и надежда его́ разсы́плются по землѣ́. Го́ре тому́, кто со всёю крѣ́постію своёю не поспѣша́етъ пригото́виться здѣсь, какъ дать оправда́ніе тамъ. Го́ре погуби́вшимъ терпѣ́ніе; что бу́дутъ они́ дѣ́лать, когда́ посѣти́тъ Госпо́дь?

Постара́йтесь, возлю́бленные, оказа́ть себѣ́ по́мощь въ э́то кра́ткое вре́мя, покая́ніемъ и слеза́му уми́лостивить долготерпѣ́ливаго и милосе́рдаго Бо́га, Кото́рый ожида́етъ на́шего обраще́нія, и подаётъ жизнь. Не бу́демъ небрегу́щими о своёмъ спасе́ніи; не ста́немъ увеселя́ться удово́льствіями міра сего́; потому́ что онѣ́ продолжа́ются часъ, пото́мъ произво́дятъ раска́яніе, и опя́ть прихо́дятъ. И вся́кая сла́ва міра сего́ съ земли́ на зе́млю же обраща́ется, и ничто́ ино́е не сопу́тствуетъ ей, кро́мѣ одного́ грѣха́ и наказа́нія за грѣхъ. Никто́ не по-

можетъ намъ въ день тотъ, ни другъ, ни сродникъ, кромѣ покаянія принесеннаго здѣсь и содѣйствующихъ ему добродѣтелей, истинной любви, смиренно-мудрія, послушанія, воздержанія. Онѣ пойдутъ съ нами изъ этой жизни; онѣ противостанутъ сопротивнымъ силамъ, которыя хотятъ овладѣть нами во время исхода нашего изъ жизни сей; онѣ представятъ насъ Спасителю Христу, чтобъ поклоняться Ему и прославлять Его вмѣстѣ со Отцемъ и Святымъ Духомъ, нынѣ, и всегда, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

---

22. БЕСѢДА. *)

о томъ: почему Духъ Святый, въ Писаніи, называется „водою живою."

Приступимъ, братія, для утоленія жажды къ источнику воды живой, „текущій въ животъ вѣчный" (Іоан. IV. 14.). Этотъ источникъ воды живой, по замѣчанію Евангелиста, есть Духъ Святый, котораго вѣрующіе должны принять, во имя Іисуса Христа (Іоан. VII. 39.).

Почему же Духъ Святый называется въ Писаніи источникомъ воды живой? Безъ сомнѣнія, потому, что вода питаетъ и оплодотворяетъ всё въ природѣ. Она производитъ растѣнія и оживляетъ животныхъ. Падая съ неба, она производитъ на землѣ различныя и, до безконечности, разнообразныя явленія: одна и таже роса доставляетъ и бѣлизну лиліи и прекрасный алый цвѣтъ розѣ, даётъ одно свойство пальмѣ, а другое—виноградной лозѣ, она — всё во всѣхъ вещахъ, не потому, чтобы сущность ея измѣнялась, или превращалась въ каждой изъ нихъ, а потому, что, проникая въ предметы, она приспособляется къ сущности и образамъ каждаго изъ нихъ. — Подобно сему и Духъ Святый есть единый и нераздѣльный: однако раздѣляетъ свои дарованія вся-

---

*) Святаго Кирилла Іерусалимскаго.

кому, по своему́ хоте́нію; и какъ мы ви́димъ иногда́, что изсо́хшій пень, ороше́нный оби́льно водо́ю пуска́етъ лѣторасли и покрыва́ется зе́ленью: такъ и душа́ грѣшная, удосто́енная дарова́ній Свята́го Ду́ха, прихо́дитъ въ покая́ніе и прино́ситъ оби́льные плоды́ пра́вды. И хотя́ Духъ Святы́й есть тотъ же и еди́ный: но кто мо́жетъ исчи́слить всѣ чуде́сныя дѣйствія, соверша́емыя имъ во и́мя Іису́са Христа́? Одному́ Онъ даётъ язы́къ для поуче́нія прему́дрости, друга́го озаря́етъ умъ вѣдѣніемъ проро́чествъ, сему́ — подаётъ си́лы къ изгна́нію бѣсовъ, а другому́ — да́рствуетъ спосо́бность изъясня́ть Боже́ственное писа́ніе, въ иныхъ вселя́етъ бо́дрость, необходи́мую для соблюде́нія чистоты́, други́мъ даётъ сострада́ніе и любо́вь къ бѣднымъ, ины́мъ сообща́етъ си́лы къ перенесе́нію тя́жкихъ трудо́въ поста́ и подвижни́чества, а въ други́хъ, вселя́етъ презрѣніе по всему́ тлѣнному и располага́етъ ихъ къ по́двигу мучени́чества. — „Вся̑ же сїя̑ дѣйствꙋетъ є̑ди́нъ и̑ то́йжде Дꙋ́хъ, раздѣля́я вла́стїю коегꙋ́ждо я̑́коже хо́щетъ“ (1. Кор. XII. 11.)!

---

23. БЕСѢ́ДА. *)

о развраще́ніи нра́вовъ.

Какъ конь, пораже́нный мечёмъ, прихо́дитъ въ бѣшенство и сбива́етъ съ себя́ вса́дника: такъ человѣкъ, зараже́нный поро́ками, теря́етъ душе́вную крѣпость и впада́етъ въ уны́ніе, а отъ уны́нія пуска́ется во вся́кій развра́тъ и погиба́етъ. Е́сли кто пойдётъ въ го́родъ, отстоя́щій на три́дцать миль, и пройдётъ два́дцать девя́ть миль, а одно́й мы́ли не дойдётъ: то не мо́жетъ сказа́ть, что онъ соверши́лъ свой путь благополу́чно и дости́гъ до го́рода. Или́, е́сли кто придётъ въ одиннадцатый часъ труди́ться въ вертогра́дѣ, то онъ получи́тъ награ́ду нара́внѣ съ тѣми, кото́рые цѣлый день труди́лись и перенесли́ всю тя́жесть дня; а е́сли онъ не захо́четъ

---

*) Свята́го Ефре́ма Сири́на.

трудиться и этого краткаго времени, начнетъ ослабѣвать и всё, что успѣлъ насадить, станетъ раскапывать и вырывать: то онъ неполучитъ никакой награды (Матѳ. XX 1 — 16.). Ибо Спаситель нашъ Господь, Іисусъ Христосъ самъ сказалъ: „претерпѣвый до конца, той спасенъ будетъ“ (Матѳ. X. 22.), и въ другомъ мѣстѣ говоритъ: „никтоже возложь руку свою на рало, и зря вспять, управленъ есть въ царствіи Божіи“ (Лук. IX. 62.). Лотова жена, оглянувшись назадъ, была превращена въ солёный столпъ. А потому и Апостолъ, заднее забывая вперёдъ простирался (Фил. III. 13.). И ты, любленый Христіанинъ, крѣпись, мужайся и терпи. Ибо „міръ сей преходитъ, и похоть его: а творяй волю Божію, пребываетъ во вѣки“ (1. Іоан. II. 17.). Всѣ мы въ этомъ мірѣ странники и пришельцы. Если мы постоянно въ нёмъ станемъ трудиться и соблюдать неуклонно всѣ заповѣди Божіи, то непремѣнно получимъ награду. И такъ любленый братъ, имѣй терпѣніе; ибо сказано: „въ терпѣніи вашемъ стяжите души ваша“ (Лук. XXI. 19.). Енохъ, родивши Маѳусаила, и поживши двѣсти лѣтъ, угодилъ Богу (Быт. V.); а мы и самаго краткаго времени не хочемъ потрудиться. Мужайся, возлюби, всячески сопротивляйся вреднымъ помысламъ и всегда говори съ Апостоломъ: „Христови распяхся: живу же не ктому азъ, но живетъ во мнѣ Христосъ“ (Гал. II, 20.) „Кая бо польза человѣку, аще міръ весь пріобрящетъ, душу же свою отщетитъ; или что дастъ человѣкъ измѣну за душу свою (Матѳ. XVI. 26.)? „Уклонитеся отъ мене лукавнующіи, и испытаю заповѣди Бога моего“ (Псал. CXVIII. 115); а Екклезіастъ восклицаетъ: „суета суетствій, и всяческая суета“ (Ек. I. 2.). Въ самомъ дѣлѣ, не суета ли это, что я всю жизнь мою провожу въ трудахъ, въ заботахъ, а по смерти моей всё это остается другимъ, а я подвергнусь безконечнымъ мукамъ? не лучше ли для меня и не полезнѣе ли потрудиться для Бога, который мнѣ обѣщаетъ жизнь вѣчную, и всё то, „иже око не видѣ, и ухо не слыша, и на сердце человѣку не взыдоша“ (1. Кор.

II. 9.)? Возлюбленный братъ, „мꙋжайсѧ, и҆ да крѣпитсѧ сердце твое, и҆ потерпи Го́спода“ (Псал. XXVI. 14.), и ты получи́шь ми́рную кончи́ну. Тамъ всѣ Святы́е возра́дуются о твоёмъ спасе́нiи: тамъ ты упоко́ишься въ нѣдра́хъ Авраа́мовыхъ съ убо́гимъ Ла́заремъ: потому́, что и ты та́кже терпѣлъ бѣдность и ни́щету, переноси́лъ напа́сти, бѣды, поноше́нiя и безче́стiя. Тамъ тебя́ при́мутъ съ ра́достiю въ вѣчные кро́вы, гдѣ нѣтъ ни печа́ли, ни возды-ха́нiя. Тамъ ты узри́шь жизнь, и свѣтъ и́стинный; тамъ узри́шь лице́мъ къ лицу́ наде́жду на́шу, Искупи́теля душъ на́шихъ, Іису́са Христа́, Царя́ сла́вы, и се́рдце твоё возра́дуется, и э́ту ра́дость никто́ не отъи́метъ у тебя́. Госпо́дь Богъ да сохрани́тъ, и да спасе́тъ всѣхъ насъ: Ему́ же и отъ насъ да бу́детъ сла́ва во вѣки. Ами́нь. (Oper. Ephr. par. VIII.)

24. РАЗМЫШЛЕ́НIЕ

о концѣ человѣка.

Помы́сли, душа́ моя́, что существова́нiе, кото́рымъ ты наслажда́ешься, Богъ дарова́лъ тебѣ, созда́въ тебя́ по своему́ о́бразу, безъ вся́кой заслу́ги съ твое́й стороны́; Онъ призна́лъ тебя́ свои́мъ ча́домъ чрезъ Свято́е Креще́нiе; Онъ лю́битъ тебя́ сто́лько, ско́лько не мо́жетъ люби́ть лу́чшiй оте́цъ; Онъ далъ тебѣ всё, для того́, чтобы́ ты позна́ла Его́, люби́ла Его́, служи́ла Ему́ въ сей жи́зни и чрезъ то достигла́ наконе́цъ до вѣчнаго соедине́нiя съ Нимъ на небеси́. И такъ Христiа́нинъ, ты не роди́лся, для того́, чтобы́ доставля́ть себѣ удово́льствiя, чтобы́ обогаща́ться и вла́ствовать, и еди́нственно для того́, чтобы́ люби́ть Бо́га и забо́титься о своёмъ спасе́нiи. Но то ли я сдѣлалъ? Окая́ненъ я, потому́ что помышля́лъ досе́лѣ совсѣмъ о друго́мъ, а не о мое́й гла́вной цѣли. О, Бо́же, благоволи́вшiй быть Отце́мъ мои́мъ! умоля́ю тебя́ во и́мя Іису́са Христа́, дай мнѣ нача́ть но́вую жизнь святу́ю и впо́лнѣ сообра́зную съ свято́й во́лею Твое́ю.

Помы́сли! какíя угрызе́нiя со́вѣсти и како́е го́рькое сожалѣнiе почу́вствуешь ты въ часъ сме́рти, е́сли ты не

старáлся служи́ть Бóгу. Какóе гóре, éсли ты узнáешь, при концѣ́ дней твои́хъ, что тебѣ́ не остáется тогдá ничегó изъ здѣ́шнихъ богáтствъ, удовóльствій, слáвы, крóмѣ улетáющей тѣ́ни и гóрькаго мучи́тельнаго воспоминáнія. Какъ ужáсно уви́дѣть тогдá, что для презрѣ́нной суеты́, для ничтóжныхъ благъ, ты потеря́лъ ми́лость Бóжію, погуби́лъ свою́ ду́шу, лиши́лся спасéнія, и не мóжешь ужё вознагради́ть своегó несчáстія, не имѣ́я врéмени возврати́ться на путь добродѣ́тели! О тогдá ты познáешь, какъ дóрого то врéмя, котóрое ты теря́ешь, но бу́детъ ужё сли́шкомъ пóздо. Ты хотѣ́лъ бы вы́купить егó какóю бы цѣ́ною ни бы́ло, но ужё невозмóжно. Какъ тя́жко тогдá для человѣ́ка, котóрый не люби́лъ Гóспода и не служи́лъ Ему́! Гóсподи не допусти́, чтобъ э́то случи́лось со мнóю! Дару́й мнѣ начáть отны́нѣ и́стинно люби́ть Тебя́ и твори́ть вóлю Твою́!

Помы́сли, какъ безразсу́дно небрежéмъ мы о своёмъ назначéніи, ду́маемъ сóбрáть богáтство, достáвить себѣ́ всѣ возмóжныя удовóльствія, а забывáемъ Бóга, не помышля́емъ объ угождéніи Ему́, не старáемся спасти́ ду́шу свою́, считáемъ дѣ́ло спасéнія маловáжнымъ, и какъ бы не стóющимъ внимáнія. Вотъ бѣ́дствіе достóйное слёзъ! Бóльшая часть Христіáнъ, предавáясь безу́мному весéлію, служá престу́пнымъ страстя́мъ, спѣшáть сами́ себя́ низвéргнуть во адъ. О, éслибъ знáли они́, что такóе адъ. Человѣ́къ! скóлько предпринимáешь ты трудóвъ, чтобы́ губи́ть себя́, а нискóлько не потруди́шься, чтобы́ спасти́ себя́. Какъ мнóгіе счастли́вцы при концѣ́ дней гóрько жалѣ́ли о томъ, что они́ бы́ли такъ счáстливы! какъ мнóгіе и на престолáхъ, провéдши всю жизнь въ удовóльствіи и не полагáя никакóй мѣ́ры свои́мъ прихотя́мъ, зави́довали ми́рнымъ пусты́нникамъ и оплáкивали свои́ заблуждéнія! Но къ чему́ слу́жатъ тогдá воздыхáнія и вóпли? Они́ тóлько увели́чиваютъ отчáяніе. Нау́чись же ны́нѣ, примѣ́рами други́хъ, занимáться свои́мъ спасéніемъ, éсли не хóчешь впасть въ подóбное отчáяніе; поду́май что всё, что ты дѣ́лаешь, говори́шь, ду́маешь не для Бóга — всё

потéряно. Начни́ же съ Бóгомъ! Врéмя перемѣни́тъ тебѣ жизнь. Ужели хóчешь ожидáть для раскáянія, минýты смéрти, дверéй вѣчности и áда? Тогдá бýдетъ пóздо исправля́ть намъ сами́хъ себя́, тогдá ужё не бýдетъ врéмени для спасéнія.

Нѣкоторые отры́вки изъ сáмыхъ лýчшихъ славя́нскихъ прóповѣдныхъ сочинéній.

Рáдуга. — Испытáтели естествá утверждáютъ, и достовѣрно, что рáдуга есть не инóе что, какъ прекрáсная игрá лучéй сóлнечныхъ въ кáпляхъ дождéмъ чревáтаго óблака, стоя́щаго предъ сóлнцемъ. Послýшайте же: — ахъ какъ пріятно и говори́ть и слýшать объ э́томъ, и сколь слáдостнымъ долженствуéтъ быть помышлéніе сіé, когдá гласъ грóма Твоегó, Бóже, раздаётся по небесáмъ, когдá мóлніи Твои́ освѣщáютъ вселéнную, и когдá ви́димъ дýгу Твою́ въ облакáхъ — сіé знáменіе ми́ра, сіé знáменіе милосéрдія Твоегó къ человѣкамъ!

Брáтія и отцы́! весь соимъ святы́хъ, всё искýпленное и освящéнное человѣчество изображáется сéю прекрáсною рáдугою. Скóлько въ óблакѣ дождевóмъ кáпель? Кто изочтéтъ? Скóлько же и́збранныхъ Бóжіихъ въ Цéркви, на небесáхъ торжествýющей? Кто исчи́слитъ? И всѣ сіи́ кáпли въ еди́нствѣ мéжду собóю; такъ всѣ святы́е сою́зомъ любви́ свя́зуются, и еди́но суть въ Гóсподѣ. И во всѣхъ сихъ кáпляхъ дождевóй тýчи лучи́ одногó сóлнца отражáются, и открывáются прекрáснымъ разнообрáзіемъ крáсокъ, котóрыя, удиви́тельнымъ óбразомъ и разли́чіе цвѣтовъ сохраня́я и еди́ную Божéственную ткань составля́я, являются взóрамъ умилéннаго созерцáтеля въ ви́дѣ рáдуги; а нáше Сóлнце прáвды—Христóсъ Іисýсъ, Егó присносýщный свѣтъ благодáти и и́стины сія́етъ во всѣхъ святы́хъ и седмери́чнымъ дѣйствіемъ Еди́наго Святáго Дýха, производя́ въ нихъ разнообрáзные свѣты и совершéнства, составля́етъ изъ сегó разнообрáзія прекрáсное еди́нство и еди́ную крáсоту, достóйную рáдости

и любви Создателя, удивленія и веселія Ангеловъ. Это небесная Церковь Іисуса Христа, Соборъ избранныхъ Божіихъ въ горнемъ Іерусалимѣ.

Наказанный сребролюбецъ. — Въ царствованіе сына Иракліева Константина, жилъ въ Константинополѣ одинъ богатый, но чрезмѣрно скупой и сребролюбивый человѣкъ, который впадши въ болѣзнь и страшась смерти, по совѣту одного изъ друзей своихъ, впрочемъ щедраго и благочестиваго человѣка, раздалъ 30 фунтовъ золота нищимъ, въ надеждѣ, чрезъ ихъ молитвы, получить облегченіе отъ болѣзни. Эта надежда необманула его: онъ — выздоровѣлъ, но съ возвращеніемъ здоровья, возвратились и прежнія страсти: сребролюбіе и скупость. Несчастный сильно сокрушался теперь о своей щедрости и упрекалъ въ ней друга своего. — Напрасно сей послѣдній представлялъ ему, что его богатство, руками нищихъ перешло къ самому Христу, Спасителю, что за это дѣло, онъ получилъ отъ Бога самое лучше изъ благъ мірскихъ — здоровье; напрасно угрожалъ ему судомъ Божіимъ за алчность и скупость. Сребролюбца ничто немогло ни утѣшить, ни образумить. — Тогда другъ его сказалъ ему: пойдемъ вмѣстѣ въ церковь, и если тамъ, (указывая на меня) ты произнесешь предъ образомъ Спасителя слова: Господи, это не я, а сей сдѣлалъ милостыню: то я тутъ же отдамъ тебѣ твои деньги. — Къ изумленію друга, скупой съ радостію согласился на это предложеніе его, и когда, сожженный совѣстію, произнесъ помянутыя слова въ храмѣ Божіемъ: то другъ его тутъ же возвратилъ ему 30 фунтовъ золота. — Новый Іуда, получивъ сокровище своё, спѣшилъ оставить Церковь Божію, но на порогѣ ея палъ пораженный внезапно смертію. Устрашеные симъ грознымъ явленіемъ суда Божія, клирики предлагали другу его взять обратно своё золото. „Нѣтъ, отвѣчалъ благочестивый мужъ, оно непринадлежитъ уже мнѣ, но Богу, а Богъ посмѣваемъ небываетъ, нехочу уподобиться Ананіи и Сапфирѣ, и прошу раздать его бѣднымъ братіямъ.“

Награ́да нестяжа́тельности. — Въ Царьгра́дѣ жилъ оди́нъ оче́нь бога́тый и необыкнове́нно ми́лостивый къ бѣднымъ мужъ, у кото́раго былъ еди́нственный сынъ, наслѣдова́вшій вполнѣ любо́вь, и милосе́рдіе отца́ своего́ къ бѣднымъ. Приближа́ясь къ ста́рости, оте́цъ спроси́лъ у сы́на, хо́четъ ли онъ наслѣдовать отъ него́ тлѣнныя бога́тства, или́ же сокро́вище некра́домое на небеса́хъ — Христа́ Спаси́теля? Благочести́вый ю́ноша отвѣча́лъ отцу́: сокро́вища на́ши сего́ дня у насъ, а за́вра мо́гутъ соверше́нно исче́знуть, Христо́съ же пребыва́етъ во вѣки, не хочу́, по э́тому, тлѣннаго бога́тства. Неме́дленно оте́цъ и сынъ разда́ли всё своё имѣніе ни́щимъ, бо́льнымъ и стра́ннымъ, не оста́вивъ себѣ́ ничего́, — къ изумле́нію всѣхъ жи́телей, кото́рые диви́лись ихъ великоду́шному посту́пку, но не пособля́ли имъ, во дни во́льной ихъ нищеты́. — Однако Богъ чу́днымъ о́бразомъ награди́лъ нестяжа́тельность и милосе́рдіе ю́ноши. — Въ томъ же го́родѣ жила́ одна́ бога́тая и благочести́вая чета́, у кото́рой была́ еди́нственная дочь — наслѣдница всего́ ихъ имѣнія. Забо́тясь о судьбѣ́ ея́, оте́цъ и мать ча́сто обраща́лись къ Бо́гу съ моли́твою о томъ, чтобы́ онъ посла́лъ имъ человѣ́ка до́браго и досто́йнаго быть му́жемъ ихъ до́чери, и — одна́жды, по́слѣ пла́менной моли́твы о семъ, о́ба они́, по нѣкоему та́йному внуше́нію, согла́сились итти́ въ слѣдующее у́тро въ храмъ Бо́жій, и — тому́, кто пе́рвый взойдётъ въ него́, предложи́ть дочь свою́ въ заму́жество. Како́е же бы́ло ихъ изумле́ніе, когда́ они́ увидѣли воше́дшимъ въ храмъ о́нагo великоду́шнаго ю́ношу, кото́рый, ничего́ не вѣдая о намѣреніи ихъ, — по всегда́шнему обыкнове́нію своему́, пе́рвый явля́лся на моли́тву въ це́рковь. Изумле́нные роди́тели уви́дѣли перстъ Бо́жій въ семъ собы́тіи, и съ ра́достію при́няли въ своё семе́йство ю́ношу обнища́вшаго Христа́ ра́ди. Такъ оправда́лись слова́ Спаси́теля: „и҆щи́те пре́жде ца́рствїѧ Бо́жїѧ и҆ пра́вды є҆гѡ̀, и҆ сїѧ̑ всѧ̑ приложа́тсѧ ва́мъ.“ (Матѳ. VI. 33.).

